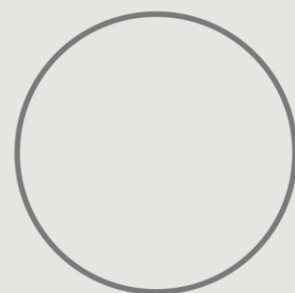

1(33)

2026

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА

ЭЛЕКТРОННЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ORG
PSY

ISSN 2619-0273

АГЕНТСТВО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
ПСИХОЛИНГВИСТИКА

научный журнал

электронное периодическое издание

№ 1(33)

Москва, 2026

УДК 81'23(050)
ББК 87.228.1
О-64

ISSN 2619-0273

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«Агентство социально-гуманитарных технологий»

Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. – Вып. № 1(33). – Электрон, текстовые дан. (5,0 МВ). М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2026. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Электронный научный журнал «Организационная психолингвистика» является результатом научного сотрудничества ведущих специалистов в области языкознания и психологии. Издание включает публикации результатов теоретических и прикладных исследований, а также другую информацию научного характера. Периодичность выхода журнала 4 раза в год. Журнал учрежден в 2017 г.

Для специалистов в области лингвистики, психолингвистики, психологии и когнитологии, научных работников, преподавателей, докторантов и аспирантов, а также всех, кто интересуется междисциплинарными аспектами языка и речи.

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведённых сведений, данных и дат. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Организационная психолингвистика» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.

Журнал выпускается на электронном носителе (CD-R).

Архив номеров доступен
<http://www.psycholinguistic.ru>

Издатель:
ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий»
115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24
Тел. +7(926)384-02-69
e-mail: orgpsyling@yandex.ru
<http://www.psycholinguistic.ru>

Минимальные системные требования:
Pentium 4.2 ГГц; 512 MB RAM; Не менее 5 MB свободного места на винчестере; Windows 2000, XP, Windows 7, 8, 10; CD-ROM; Программа для чтения PDF-файлов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Мыскин Сергей Владимирович**, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор Московского городского педагогического университета (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Журавлёв Игнатий Владимирович, кандидат психологических наук, старший преподаватель Московской Международной Академии (Россия)

Ильина Виолетта Александровна, доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Российского нового университета (Россия)

Исаев Евгений Иванович, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогической психологии им. В.А. Гуружапова Московского психолого-педагогического университета (Россия)

Кудрявцев Владимир Товиевич, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Московского института психоанализа (Россия)

Радченко Олег Анатольевич, профессор, доктор филологических наук, Заслуженный работник высшего образования, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный гражданин штата Оклахома (США), член Научного сообщества по истории языкознания (Мюнстер, ФРГ), член Общества немецкого языка (ФРГ), (Канада)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алефиренко Николай Фёдорович, профессор, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия)

Богоявленская Диана Борисовна, профессор, доктор психологических наук, главный научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, профессор кафедры психологической антропологии Московского педагогического государственного университета (Россия)

Бойко Борис Леонидович, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков Военного университета МО РФ (Россия)

Булгаков Александр Владимирович, профессор, доктор психологических наук, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

Вашунина Ирина Владимировна, доцент, доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой романо-германских языков Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ (Россия)

Григорьев Андрей Александрович, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН РФ (Россия)

Дугарова Туяна Цыреновна, доцент, доктор психологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета (Россия)

Иванов Николай Викторович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

Каминская Маргарита Владимировна, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук (Россия)

Клюканов Игорь Энгелевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социокультурных коммуникаций Российского нового университета, профессор Eastern Washington University (Чини, США)

Комалова Лилия Ряшитовна, доктор филологических наук, доцент, руководитель и ведущий научный сотрудник центра эмерджентных практик Института научной информации по общественным наукам РАН РФ (Россия)

Корытова Галина Степановна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития личности Института психологии и педагогики Томского государственного педагогического университета (Россия)

Кремнёв Евгений Владимирович, доцент, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой китаеведения института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Россия)

Кыштымова Ирина Михайловна, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и развития личности Педагогического института Иркутского государственного университета (Россия)

Лельчицкий Игорь Давыдович, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, заместитель председателя Экспертного совета по педагогике и психологии ВАК Министерства образования и науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования, директор Института педагогического образования, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Член Президиума ВАК Республики Беларусь, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета (Беларусь)

Попова Татьяна Георгиевна, профессор, доктор филологических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (Россия)

Приступа Елена Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и семейной педагогики Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета (Россия)

Романов Алексей Аркадьевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной академии психологических наук, академик Академии гуманитарных и социальных наук, член Российского психологического общества, директор Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций, заведующий

кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии (Россия)

Рябова Марина Эдуардовна, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета (Россия)

Саргсян Левон Кароевич, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета социальных коммуникаций и сервиса Государственного университета имени В.Я. Брюсова, судебно-психологический эксперт (Армения)

Сигал Кирилл Яковлевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН РФ (Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Россия)

Слободчиков Виктор Иванович, профессор, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования, главный научный сотрудник Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (Россия)

Степанов Валентин Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Цзюй Юньшэн, доктор филологии (PhD), заместитель директора Центра российских исследований Шанхайского университета иностранных языков, главный научный сотрудник, доцент Института России, Восточной Европы и Центральной Азии (Китай)

Шляхов Владимир Иванович, профессор, доктор педагогических наук, профессор Российского университета дружбы народов (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МАЛЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ, ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ, ОРГАНИЗАЦИЯХ

- Кумахова Д.Б.* Развитие эмоционального интеллекта как фактор успешной социализации личности в процессе обучения..... 10
- Думнова Н.И.* Формирование характерологических особенностей студентов в процессе изучения английского языка с различной степенью интенсивности..... 20

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

- Башкатова Н.В.* Сверхкраткие тексты в массмедиа: опыт категориального анализа..... 47
- Башлыкова О.В.* Механизмы психологической защиты в российских и зарубежных сказках: психоаналитический и педагогический аспекты..... 66
- Грицай Л.А.* Психолингвистический анализ текстов, сгенерированных искусственным интеллектом (на примере статей платформы «Дзен»)..... 80
- Каткина А.А.* Семантика и восприятие нумератива «четыре» в русской и китайской фразеологии..... 111
- Кольцова И.В., Долганина В.В., Ширванян А.Э.* Скрытые психологические механизмы манипуляции массовым сознанием в текстах современных СМИ..... 140
- Сахневич С.В.* Анализ проявления личности переводчика в процессе перевода на основе аналогии с «телескопом Фреге»..... 150
- ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ** 168

CONTENTS

EXPERIMENTAL RESEARCH IN SMALL PROFESSIONAL GROUPS,

LABOR, COLLECTIVES, ORGANIZATIONS

Kumakhova D. B. Development of emotional intelligence as a factor of successful socialization of an individuals in the learning process..... 10

Dumnova N.I. Formation of students' characteristics in the process of learning english with varied intensity..... 20

DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

Bashkatova N.V. Ultra-short texts in mass media: an experiment in categorical analysis..... 47

Bashlykova O.V. Defense Mechanisms in Russian and Foreign Fairy Tales: Psychoanalytic and Pedagogical Aspects..... 66

Gritsai L.A. Psycholinguistic analysis of texts generated by artificial intelligence (using the example of Zen platform articles)..... 80

Katekina A.A. Semantics and Perception of the Numeral Component 'Four' in Russian and Chinese Phraseology: A Linguocultural Approach..... 111

Dalganina V.V., Koltsova I.V., Shirvanyan A.E. Hidden psychological mechanisms of mass consciousness manipulation in modern media texts..... 140

Sakhnevich S.V., Analysis of the translator's personality manifestation in the translation process based on the analogy with «Frege's telescope»..... 150

INFORMATION FOR AUTHORS 168

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МАЛЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ, ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ, ОРГАНИЗАЦИЯХ / EXPERIMENTAL RESEARCH IN SMALL PROFESSIONAL GROUPS, LABOR, COLLECTIVES, ORGANIZATIONS

УДК 159.923.3

Кумахова Д.Б.
Кабардино-Балкарский государственный аграрный
университет им. В.М. Кокова
360030, пр. Ленина, 1в.
Нальчик, Россия
cumaxova.j@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития эмоционального интеллекта как значимого фактора успешной социализации личности в образовательном процессе. Актуальность исследования обусловлена противоречием между потребностью общества в эмоционально зрелых, адаптированных выпускниках и традиционной когнитивной направленностью образовательной системы. Цель работы заключается в теоретическом обосновании и эмпирической проверке взаимосвязи между уровнем эмоционального интеллекта и показателями социализации обучающихся. Методологическую основу составили компетентностный и личностно-деятельностный подходы. В эмпирическом исследовании, проведенном на выборке студентов (150 человек, возраст 17–21 год), использовались методики диагностики эмоционального интеллекта (опросник ЭИИ Д.В. Люсина) и социально-психологической адаптации (методика К. Роджерса и Р. Даймонда). Статистическая обработка данных осуществлялась с применением методов описательной статистики и корреляционного анализа (t -критерий Спирмена). Результаты исследования выявили статистически значимые положительные корреляции между показателями межличностного эмоционального интеллекта и параметрами адаптации и принятия других, а также между внутриличностным эмоциональным интеллектом и эмоциональным комфортом. Установлена неравномерность развития компонентов эмоционального интеллекта у студентов разных направлений подготовки.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, социализация, социально-психологическая адаптация, студенты, образовательный процесс, высшее образование, развитие личности, межличностное взаимодействие, эмоциональная компетентность, мягкие навыки.

Для цитирования: Кумахова Д.Б. Развитие эмоционального интеллекта как фактор успешной социализации личности в процессе обучения // Организационная психолингвистика. – 2026. – № 1(33). – С. 10–19.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

© Кумахова Д.Б., 2026

Kumakhova D.B.Kabardino-Balkarian State Agrarian
University named after V.M. Kokov
Nalchik, Russia

DEVELOPMENT OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AS A FACTOR OF SUCCESSFUL SOCIALIZATION OF AN INDIVIDUALS IN THE LEARNING PROCESS

Abstract. This article examines the development of emotional intelligence as a significant factor in the successful socialization of an individual in the educational process. The relevance of the study is determined by the contradiction between society's need for emotionally mature, adapted graduates and the traditional cognitive focus of the educational system. The aim of the study is to theoretically substantiate and empirically verify the relationship between the level of emotional intelligence and indicators of student socialization. The methodological basis is formed by the competency-based and personality-activity approaches. The empirical study, conducted on a sample of 150 students (aged 17-21 years), utilized methods for assessing emotional intelligence (D.V. Lyusin's EmIn questionnaire) and socio-psychological adaptation (K. Rogers and R. Diamond's method). Statistical processing of the data was carried out using descriptive statistics and correlation analysis (Spearman's r-test). The study's results revealed statistically significant positive correlations between interpersonal emotional intelligence and adaptation and acceptance of others, as well as between intrapersonal emotional intelligence and emotional comfort. Uneven development of emotional intelligence components was also established among students in different fields of study.

Keywords: emotional intelligence, socialization, socio-psychological adaptation, students, educational process, higher education, personal development, interpersonal interaction, emotional competence, soft skills.

Cite as: *Kumakhova D.B.* Development of Emotional Intelligence as a Factor of Successful Socialization of an Individuals in the Learning Process // *Organizational Psycholinguistics*. – 2026. – No. 1(33). – pp. 10–19.

Введение

В современном обществе, характеризующемся высокой динамикой социальных процессов, неопределенностью и необходимостью постоянной адаптации, особое значение приобретает способность личности к эффективному взаимодействию с окружающими, пониманию и управлению собственными эмоциями и эмоциями других людей. Эта способность, определяемая в психолого-педагогической науке как эмоциональный интеллект (ЭИ), становится не просто желательным, а необходимым условием успешной социализации индивида. Образовательная система, выступая

ключевым институтом социализации, призвана не только транслировать знания, но и создавать условия для гармоничного развития личности, включая формирование эмоциональной компетентности.

Проблема развития эмоционального интеллекта в процессе обучения приобретает особую остроту в связи с наблюдаемым ростом тревожности, агрессивности и трудностей в межличностной коммуникации среди обучающихся. Несмотря на признание важности эмоциональной сферы, образовательный процесс зачастую остается ориентированным преимущественно на когнитивные достижения, оставляя в тени вопросы целенаправленного формирования ЭИ. Это порождает противоречие между потребностью общества в эмоционально зрелых, успешно социализированных личностях и недостаточной разработанностью педагогических стратегий, интегрирующих развитие ЭИ в образовательную практику [1].

Степень научной разработанности темы представлена фундаментальными трудами зарубежных (Д. Гоулман, П. Сэловей, Дж. Мэйер) и отечественных (Д.В. Люсин, И.Н. Андреева, М.А. Манойлова) исследователей, раскрывающих структуру и функции эмоционального интеллекта. Однако вопросы его формирования именно как фактора социализации в контексте общего и профессионального образования остаются дискуссионными и требуют дальнейшего изучения [2; 7; 8].

Организация и методы исследования

Цель эмпирического исследования: выявить характер взаимосвязи между уровнем развития эмоционального интеллекта (ЭИ) и показателями успешности социализации (социально-психологической адаптации) студентов в процессе обучения.

Задачи эмпирического исследования:

1. Подобрать диагностический инструментарий для измерения уровня эмоционального интеллекта и параметров социализации.

2. Провести диагностику уровня развития эмоционального интеллекта у студентов.

3. Провести диагностику уровня социально-психологической адаптации студентов.

4. Выявить и проанализировать корреляционные связи между показателями ЭИ и параметрами социализации.

5. Определить педагогические условия, способствующие развитию ЭИ в образовательной среде.

В исследовании приняли участие 150 студентов Кабардино-Балкарского ГАУ имени В.М. Кокова. Возраст респондентов – от 17 до 21 года (студенты 1-4 курса). Выборка является репрезентативной и формировалась методом случайного отбора.

В работе использован комплекс взаимодополняющих методов: теоретический анализ литературы, психодиагностическое тестирование, методы математической статистики.

Психодиагностический блок составили следующие методики:

Для диагностики эмоционального интеллекта:

- Опросник ЭМИн Д.В. Люсина. Данная методика является наиболее валидной и надежной в российской психологии. Она позволяет измерить общий уровень эмоционального интеллекта (ОЭИ) и его структурные компоненты: внутриличностный ЭИ (ВЭИ – понимание и управление своими эмоциями) и межличностный ЭИ (МЭИ – понимание и управление чужими эмоциями), а также дополнительные шкалы (понимание эмоций, управление эмоциями, контроль экспрессии) [7; 8].

- Методика Н. Холла (опросник EQ) для оценки парциальных направленностей ЭИ (эмоциональная осведомленность, эмпатия, самомотивация и др.) [12].

Для диагностики социализации и адаптации:

- Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда (СПА). Методика позволяет оценить интегральные показатели «адаптация», «самопринятие», «принятие других», «эмоциональный комфорт», «интернальность» (внутренний контроль), «стремление к доминированию». Высокие показатели по этим шкалам свидетельствуют об успешной социализации [11].
- Для углубленного анализа может использоваться методика диагностики способности к интерпретации невербального поведения В.А. Лабунской, так как понимание невербальных сигналов является важным аспектом ЭИ и социализации [6].

Результаты исследования

В ходе исследования было установлено, что у большинства студентов преобладает средний уровень развития эмоционального интеллекта. В то же время доля студентов с низкими показателями по отдельным шкалам (например, «управление эмоциями» или «контроль экспрессии») остается значительной. Это подтверждает необходимость целенаправленной психолого-педагогической работы.

Сравнительный анализ по гендерному признаку и направлению подготовки выявил определенные различия: у студентов гуманитарных специальностей показатели внутриличностного ЭИ (понимание своих эмоций) и эмпатии в среднем выше, чем у «технарей», что может быть обусловлено спецификой образовательной среды; у студентов технических специальностей могут быть несколько выше показатели управления своими эмоциями, что связано с развитием саморегуляции и аналитического мышления; у девушек-гуманитариев показатели понимания чужих эмоций и контроля экспрессии выше, чем у девушек технических направлений.

Результаты диагностики по методике СПА показали, что в целом по выборке показатели адаптации, самопринятия и принятия других находятся в пределах нормы или выше нормативных значений. Это свидетельствует о том, что образовательная среда вуза в целом способствует социализации. Однако были выявлены зоны риска: по шкалам «эскапизм» (уход от проблем) и «ведомость» часть студентов демонстрирует пониженные результаты, что требует внимания [11].

Ключевым результатом исследования стало выявление статистически значимых корреляционных связей между параметрами эмоционального интеллекта и показателями социально-психологической адаптации (по критерию Спирмена).

Показатели межличностного ЭИ (МЭИ) положительно коррелируют с интегральным показателем «адаптация» и шкалой «принятие других». Это означает, что чем лучше студент понимает и управляет эмоциями окружающих, тем легче он принимает людей и адаптируется в группе.

Показатели внутриличностного ЭИ (ВЭИ) положительно коррелируют с «эмоциональным комфортом» и «интернальностью» (внутренним локусом контроля). Студенты, хорошо понимающие и регулирующие собственные эмоции, чувствуют себя более комфортно и берут на себя ответственность за происходящее.

Выявлена отрицательная корреляция между низким уровнем понимания эмоций и показателем «эскапизм», что подтверждает: неспособность разобраться в своих чувствах ведет к уходу от решения проблем.

Выводы

Проведенное в рамках данной статьи теоретико-эмпирическое исследование позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов

относительно роли эмоционального интеллекта в процессе социализации личности в образовательной среде.

В ходе теоретического анализа установлено, что эмоциональный интеллект представляет собой многомерное психологическое образование, включающее способности к идентификации, пониманию и управлению эмоциями как собственными, так и окружающими. В современной науке он рассматривается не как альтернатива когнитивным способностям, а как необходимый их комплементарный компонент, обеспечивающий успешность межличностного взаимодействия и социальной адаптации. Социализация, в свою очередь, понимается как двусторонний процесс усвоения индивидом социального опыта и активного его воспроизводства, ключевыми показателями успешности которого выступают социально-психологическая адаптированность, принятие себя и других, эмоциональный комфорт и интернальность.

Эмпирическое исследование, проведенное на выборке студентов, подтвердило исходную гипотезу о наличии статистически значимых связей между уровнем развития эмоционального интеллекта и показателями успешной социализации. В частности, выявлены положительные корреляции между:

- межличностным эмоциональным интеллектом и показателями адаптации и принятия других;
- внутриличностным эмоциональным интеллектом и показателями эмоционального комфорта и интернальности;
- общим уровнем эмоционального интеллекта и интегральным показателем социально-психологической адаптированности.

Полученные данные позволяют утверждать, что образовательный процесс обладает значительным, но недостаточно реализованным потенциалом в части развития эмоциональной компетентности

обучающихся. Выявленная неравномерность развития компонентов ЭИ у студентов различных направлений подготовки (гуманитарного и технического профиля) свидетельствует о необходимости дифференцированного подхода к проектированию психолого-педагогического сопровождения.

Таким образом, эмоциональный интеллект выступает значимым внутриличностным ресурсом, обеспечивающим успешность социализации личности в процессе обучения, что актуализирует задачу его целенаправленного развития как приоритетное направление современной образовательной практики.

Литература

1. Волков Л.Е., Савицкий С.К., Хаустов С.Л. Развитие эмоционального интеллекта как важная составляющая формирования личности // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – Вып. 79, ч. 2. – С. 196–199.

2. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / пер. с англ. А.П. Исаевой. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 560 с.

3. Гукаленко О. В. Развитие эмоционального интеллекта как фактор учебной и социальной успешности школьников: теоретический обзор // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2022. – №. 2. – С. 14-28.

4. Дмитриева С.В. Эмоциональный интеллект школьников: ключевые аспекты развития и влияние на успешность // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2025. № 03 (104). Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/emotsionalnyj-intellekt-shkolnikov-klyuchevye-aspekty-razvitiya-i-vliyanie-na-uspeshnost.html> (Дата обращения: 17.02.2026)

5. Кулганов В.А., Самуйлова Н.Н. Развитие эмоционального интеллекта старшеклассников методом социально-психологического тренинга: монография. – СПб. : ВВМ, 2022. – 186 с.

6. Лабунская В.А. Эмоциональные и познавательные характеристики общения / под ред. В. А. Лабунской. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1990.– 176 с.

7. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / под ред. Д.В. Люсина. – М. : Институт психологии РАН, 2009. – С. 264–278.

8. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М. : Институт психологии РАН, 2004. – С. 29–36.

9. Оконечникова Л.В., Вильгельм А.М., Вильгельм А.В. Исследование связи социально-психологической адаптации с эмоциональным интеллектом студентов первого курса // Педагогическое образование в России. – 2019. – № 7. – С. 154–160.

10. Топаллер Ю.Б., Кочетова Ю.А. Связь эмоционального интеллекта и коммуникативной компетентности у старших подростков // Молодой ученый. – 2023. – № 20 (467). – С. 424–425.

11. Хайруллина Д.Р. Эмоциональный интеллект в контексте образовательной подготовки: сравнительное исследование среди студентов гуманитарных и технических направлений // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – Т. 2. – С. 258–259.

12. Холл Н. Тест на эмоциональный интеллект (методика Н. Холла) [Электронный ресурс] // Психология счастливой жизни. – URL: <https://psycabi.net/testy/21-emotsionalnyj-intellekt-eq> (Дата обращения: 15.02.2026).

References

1. Volkov L. E. (2023). Razvitne emotsional'nogo intellekta kak vazhnaya sostavlyayushchaya formirovannaya lichnosti / L. E. Volkov, S. K. Savitskiy, S. J. Khaustov // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. - 2023. — Вып. 79, ch. 2.— S. 196-199.

2. Goulman D. (2013). Emotsional'nyy intellekt. Pochemu on mozhet znachit' bol'she, chem IQ / D. Goulman, per, s angl A. P. Isaevoy — Moskva: Mann, Ivanov i Ferber, 2013. — 560 s.

3. Gukalenko O. V. (2022). Razvitne emotsional'nogo intellekta kak faktor uchebnoy i sotsial'noy uspehnosti shkol'nikov: teoreticheskiy obzor // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie. 2022.No2.

4. Dmitrieva S.V. (2025). Emotsional'nyy intellekt shkol'nikov: klyuchevye aspekty razvitiya i vliyanie na uspehnost' // Mir pedagogiki i psikhologii: mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal. 2025. No 03 (104).

5. *Kulganov V. A.* (2022). *Razvitie emotsional'nogo intellekta starsheklassnikov metodom sotsial'no-psikhologicheskogo treninga: monografiya* / V. A. Kulganov, N. N. Samuylova — Sankt-Peterburg: BBM, 2022. — 186 s.

6. *Labunskaya V. A.* (1990). *Emotsional'nye i poznavatel'nye kharakteristiki obshcheniya* / pod red. V. A. Labunskaya - Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1990. — S. 150-153.

7. *Lyusin D.V.* (2009). *Oprosnik na emotsional'nyy intellekt EmIn novye psikhometricheskie dannye* / D.V. Lyusin. - *Tekst: neposredstvennyy // Sotsial'nyy i emotsional'nyy intellekt: ot protsessov k izmereniyam.* — Moskva: Institut psikhologii RAN, 2009. - S. 264-278.

8. *Lyusin D. V.* (2004). *Sovremennye predstavleniya ob emotsional'nom intellekte* / D. V. Lyusin I *Sotsial'nyy intellekt: teoriya, izmerenie, issledovaniya* / podred. D. V. Lyusina, D. V. Ushakova. — Moskva: Institut psikhologii RAN, 9. - S. 29-36.

9. *Okonechnikova L.V.* (2019). *Issledovanie svyazi sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii s emotsional'nym intellektom studentov pervogo kursa* / LV. Okonechnikova AM Vil'gel'm, AV. Vil'gel'm. — *Tekst neposredstvennyy // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii.* — 2019. — No 7. S. 154-160.

10. *Topaller Yu. B.* (2023). *Svyaz' emotsional'nogo intellekta i kommunikativnoy kompetentnosti u starshikh podrostkov* / Yu. B. Topaller, Yu. A. Kochetova. - *Tekst: neposredstvennyy // Molodoy uchenyy.* - 2023. — No 20 (467)-S. 424-425.

11. *Khayrullina D.R.* (2025). *Emotsional'nyy intellekt v kontekste obrazovatel'noy podgotovki: sravnitel'noe issledovanie sredi studentov gumanitarnykh i tekhnicheskikh napravlenii* / D.R. Khayrullina. - *Tekst: elektronnyy // Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal.* - 2025. — T. 2. — S. 258-259.

12. *Kholl N.* *Test na emotsional'nyy intellekt (metodika N. Kholla na emotsional'nyy intellekt) [Elektronnyy resurs]* / N. Kholl // *Psikhologiya schastlivoy zhizni* — URL: <https://psycabi.net/testy/21-emotsionalnyj-intellekt-eq>.

Статья поступила в редакцию 01.03.2026. Принята к публикации 27.03.2026
The paper was submitted on 01.03.2026. Accepted for publication 27.03.2026

Кумахова Джульетта Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Педагогика профессионального обучения и иностранные языки» Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова (Россия)

Kumakhova Julietta Borisovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy of Professional Education and Foreign Languages, Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov (Russia)

УДК 159.9.07

Думнова Н.И.

Государственный гуманитарно-технологический университет
142611, ул. Зеленая, д.22, Московская область,
г. Орехово-Зуево, Россия
ndumnova@hotmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ ИНТЕНСИВНОСТИ

Аннотация. Овладение иностранным языком предполагает не только усвоение лингвистических структур, но и «погружение» в этнокультурный контекст его носителей. В рамках настоящего исследования автор опирается на идею о том, что освоение знаковых систем иноязычной культуры, в первую очередь языка, выступает в качестве канала интериоризации этнических культурных норм и ценностей, что может оказывать влияние на формирование личностных черт, характерных для типичных представителей соответствующего этноса. Перед автором стояла задача исследования механизмов актуализации личностных характеристик у студентов, осваивающих английский язык в условиях разной степени языковой погруженности. В настоящем исследовании автор понимает под термином «личность» особый набор качеств человека, приобретаемый им в социокультурной среде в процессе деятельности и общения. Имеют место некоторые преобладающие свойства так называемого «национального» характера, которые относительно стабильны для большей части представителей той или иной этнической группы. Для проверки гипотезы использована одна из нескольких стандартных методик, разработанных зарубежными исследователями и адаптированных для российской выборки: российская версия опросника TIPI (TIPI-RU) (Автор: S. Gosling et al. (2003) Адаптация: А.С. Сергеева, и др. (2016)). Для анализа полученных данных применен критерий χ^2 квадрат Пирсона, Т-критерия Стьюдента, факторный анализ. На основании полученных данных можно констатировать, что к третьему курсу углубленного обучения у студентов-будущих учителей английского языка наблюдается динамика в профиле личностных качеств.

Ключевые слова: психология сознания, формирование личности, языковой знак, личностные характеристики, образ мира, национальный характер.

Для цитирования: Думнова Н.И. Формирование характерологических особенностей студентов в процессе изучения английского языка с различной степенью интенсивности // Организационная психолингвистика. – 2026. – № 1(33). – С. 20–46.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

© Думнова Н.И., 2026

Dumnova N.I.

State University of Humanities and Technology
Orekhovo-Zuyevo, Russia

FORMATION OF STUDENTS' CHARACTERISTICS IN THE PROCESS OF LEARNING ENGLISH WITH VARIED INTENSITY

Abstract. Mastering a foreign language involves not only the assimilation of linguistic structures, but also the immersion in the ethnocultural context of its native speakers. In this study, the author relies on the idea that the acquisition of the sign systems of a foreign culture, primarily through verbal communication, serves as a channel for the internalization of ethnic cultural norms and values, which can influence the formation of personality characteristic of typical representatives of the particular ethnic group. The author aimed to explore the mechanisms of the actualization of personality characteristics in students learning English under different levels of linguistic immersion. In this study, the author understands the term "personality" as a specific set of human qualities acquired in the socio-cultural environment through activity and communication. There are certain prevailing features of the so-called "national" character that are relatively stable for most people. To check the hypothesis, we used one of several standard methods developed by foreign researchers and adapted for the Russian sample: the Russian version of the TIPI questionnaire (TIPI-RU) (Author: S. Gosling et al. (2003) Adaptation: A.S. Sergeeva et al. (2016)). To analyze the data, we used the Pearson's chi-square test, the Student's t-test, and factor analysis. Based on the data obtained, it can be stated that by the third year of study, students who are future English teachers have a dynamic profile of personal qualities.

Keywords: psychology of consciousness, personality formation, linguistic sign, personal characteristics, worldview, national character.

Cite as: *Dumnova N.I.* Formation of Characterological Features of Students in the Process of Learning English with Varying Degrees of Intensity // Organizational Psycholinguistics. – 2026. – No. 1(33). – pp. 20–46.

Введение

Стирание границ коммуникативных пространств в современном мире ставит перед специалистами различных областей новые задачи: от общения онлайн в сети интернет до профессионального взаимодействия с представителями других культур, что делает владение иностранными языками одной из основных компетенций выпускников высших учебных заведений. Помимо изучения методик преподавания иностранного языка важно учитывать тот факт, что погружение в иноязычную среду влияет на личностные особенности обучающихся. Согласно исследованиям И.А. Зимней,

Н.В. Имедадзе, И.И. Халеевой специалисты, тесно взаимодействующие с иностранными языками в своей профессиональной деятельности, образуют специфическую категорию профессиональных билингвов. Отличительными чертами этой группы являются не только высокий уровень языковой компетенции, но и ярко выраженная культурная идентификация, поэтому полагаем, что необходимо изучать формирование характерологических особенностей личности во время овладения иноязычной лексикой, грамматическим строем и особенностями семантических связей [14].

Поиск ответов на вопрос, каким образом изучение иностранного языка влияет на формирование личностных характеристик, лежит в области исследования концепции «образа мира», разработанной А.Н. Леонтьевым как основополагающей парадигмы в психологии сознания. В современной отечественной психологии образ мира трактуется как психическое отображение предметной реальности, которое формируется посредством предметных значений и соответствующих когнитивных схем и доступно для осознанной рефлексии [11].

Концепция «образа мира» описывает сложную многоуровневую когнитивную структуру, динамика и функционирование которой тесно связаны с языковой системой. Язык выступает значимым фактором формирования человеческого восприятия реальности. Языковая система задаёт пространственно-временные координаты и систему оценочных критериев, через которые индивид воспринимает окружающий мир и определяет модели социального и профессионального взаимодействия. Как следствие формируются коммуникативные стратегии и поведенческие паттерны. Язык участвует в становлении личности, воздействуя на самовосприятие, что проявляется в особенностях самооценки, уровне жизненной активности и формировании индивидуальных черт характера [12].

Освоение иностранного языка означает переход к иной модели восприятия реальности, что необходимо для эффективного взаимодействия с носителями иной культуры. Ключевое условие использования языка как средства общения – наличие общего или схожего понимания действительности. В свою очередь, единство взглядов на реальность и согласованность действий невозможны без способности к полноценной коммуникации [15].

В связи с этим психологическая наука сталкивается со следующей проблемой: изучить механизмы актуализации личностных характеристик студентов, включенных в процесс овладения иностранными языками с различной степенью погружения. Освоение иностранного языка неразрывно связано с погружением в этнокультурный контекст его носителей; в рамках нашего исследования выдвигается идея о том, что овладение знаком иноязычной культуры, прежде всего речи, выступает каналом интериоризации этнической культуры, влияя на становление личностных характеристик, свойственных типичному представителю того или иного этноса.

Методология и методы

Изучение вопросов личности имеет глубокие научные традиции как в зарубежной, так и в отечественной психологии. В России проблематикой личности занимались Л.С. Выготский (культурно-историческая теория) [7], А.Н. Леонтьев (теория деятельности) [10], А.А. Леонтьев (психолингвистический подход) [13], А.Г. Асмолов (аксиологический) [2], П.К. Анохин (системный подход) [1]. За рубежом значительный вклад в развитие учения о характере внесли такие исследователи, как К. Юнг (концепция архетипов и типов личности) [26], Р. Кеттелл (факторная модель черт личности) [27], Г. Айзенк (трехфакторная модель) [29]. В нашем

исследовании личность понимается как особый набор качеств человека, приобретаемый им в социокультурной среде в процессе деятельности и общения [6, с. 320].

Авторы различных направлений подчеркивают, что в процессе своего формирования личность подвергается воздействию множества факторов: места проживания, социальной и профессиональной принадлежности, образа жизни, жизненных событий, образования. Образование – доминанта при развитии и формировании личности, особенно если человек овладевает иностранным языком. В процессе изучения иностранного языка субъект усваивает не только лингвистическую систему, но и сопряженный с ней комплекс культурных кодов: ценностные ориентации, мотивационные паттерны, коммуникативные модели и этические нормы [23]. Процесс обучения можно представить как формирование устойчивого образа мира, который соответствует его реальным социально-когнитивным характеристикам и служит основой для эффективной деятельности человека [13; 17]. Углубленное изучение иностранного языка изменяет смысловое восприятие ключевых элементов образа мира, оказывая воздействие на личностные черты, самооценку и характер межличностных отношений [23]. Важно отметить, что имеют место некоторые доминирующие качества так называемого «национального» характера, которые относительно стабильны для большей части представителей той или иной этнической общности.

Проиллюстрируем эту взаимосвязь на примере англосаксонской лингвокультуры, а также русской. Характерная для англосаксонского социума эмоциональная сдержанность манифестируется на языковом уровне: в лексике через использование смягчающих конструкций («*I'm afraid you are not quite right*», перевод с англ.: «Боюсь, вы не совсем правы»), в грамматике – посредством устойчивых моделей выражения (например, «*He's*

always throwing things around the house», перевод с англ.: «Он постоянно разбрасывает вещи по дому!»). Национальная склонность к упорядоченности находит отражение в жёсткой синтаксической структуре английского предложения с фиксированным порядком слов.

Характерологические черты британцев – дисциплинированность, вежливость, соблюдение социальных норм сочетаются с избеганием грубой лексики, минимизацией личностных высказываний в публичной речи, уважением к приватности. Умеренность и стремление к уединению, характерные для британского образа жизни, соотносятся с общей атмосферой сдержанности в обществе. Британцам свойственны любовь к тишине и уединению, стремление не вмешиваться в дела других [32]. Как отмечают исследователи, одной из доминантных черт национального характера англичан считается так называемое «чувство превосходства». Англичане независимы, в межличностных отношениях выстроены границы взаимодействия [32]. Англичане демонстрируют высокую трудоспособность, сочетая её с рациональным распределением времени на отдых. В системе ценностных ориентиров британцев приоритетными выступают: образованность, независимость, честность, достоинство, бескорыстие, изысканность манер, такт, готовность жертвовать личными ресурсами ради общественно значимых целей, умение как подчиняться, так и руководить, настойчивость в достижении целей [21, с. 105]. Важнейшей индивидуальной характеристикой считается самоконтроль. При этом такие отрицательные черты, как снобизм и лицемерие, нередко интерпретируются психологами как адаптационный механизм, позволяющий индивиду справляться с жёсткими морально социальными требованиями общества [32, с. 29].

Исследователи отмечают ряд характерных черт, традиционно ассоциируемых с американским национальным характером. К числу позитивных качеств относят: выраженную мужественность и отвагу,

упорство и целеустремлённость в достижении целей, амбициозность и предпринимательский дух, практичный подход к решению задач, открытость к переменам и готовность к риску, склонность к инновациям и изобретательству, тягу к познанию нового, гибкость мышления, ярко выраженный индивидуализм и стремление к свободе, оптимистичный взгляд на жизнь, уверенность в будущем и ориентацию на долгосрочные перспективы. Среди негативных характеристик выделяют вульгарность, авантюризм, склонность к хвастовству, хладнокровие, жестокость и алчность.

Для русской культурной модели характерно преобладание ориентации на коллектив при относительно слабой выраженности индивидуальной самооценки. К основным чертам русских относятся славянское миролюбие и гостеприимство (*«Хоть не богат, а гостям рад», «Чем богаты, тем и рады», «Гостю почёт – хозяину честь», «Не красна изба углами, а красна пирогами»*), приверженность семейным ценностям (*«Дерево держится корнями, а человек – семьёй», «Семьёй дорожить – счастливым быть», «Вся семья вместе, так и душа на месте»*), идеалистические устремления (*«Лучше горькая правда, чем сладкая ложь», «За правое дело стой смело», «Правда в огне не горит и в воде не тонет»*), патриотизм, склонность к внутренним разногласиям, нерешительность. Наблюдается недостаточная самодисциплина, а также выраженная потребность в подчинении авторитету. Для русских свойственен сердечный и открытый стиль межличностного общения. Русский язык располагает исключительно богатым арсеналом лексических и грамматических средств, позволяющих дифференцировать эмоциональные состояния и придавать специфическую окраску межличностным отношениям. Специфика русского словообразования включает ряд особенностей, не имеющих прямых эквивалентов в других языках. В их числе – обширный пласт лексики с особой эмоциональной окраской (*«ненаглядный», «заветный» и т. п.*) и высокая продуктивность

уменьшительно-ласкательных суффиксов («миленький», «голубчик» и др.). Современные исследования также отмечают высокую эмоциональность русского языка, что проявляется в богатстве «активных» эмоциональных глаголов («тосковать», «ужасаться», «негодовать» и пр.), а также в исключительном разнообразии производных форм личных имён. Таким образом, психологический портрет носителя русской культуры также включает выраженные сердечность и человечность, высокую потребность в устойчивых социальных связях. Отмечаются эмоциональная лабильность и склонность к иррациональным решениям [20].

Исследование

Для проверки предположения о том, что при изучении английского языка у субъекта формируются характерные черты личности типичного представителя англосаксонской культуры проведено экспериментальное исследование личностных черт студентов педагогических специальностей: всего 114 человек в возрасте от 17 до 21 года. Студенты были распределены в две группы: контрольную группу составили студенты нефилологического отделения, изучающие иностранные языки в рамках университетской программы, экспериментальную группу – студенты филологического отделения, изучающие иностранный язык углубленно.

После формирующего воздействия – (5 семестр обучения) – года было проведено повторное исследование на тех же студентах: для нефилологического отделения общая нагрузка составила 216 часов иностранного языка в первых трех семестрах университетской программы, для филологического отделения – дисциплины, читаемые на английском – это 6754 часов в 5 семестрах.

Для проверки гипотезы использована одна из нескольких стандартных методик, разработанных зарубежными исследователями и адаптированных

для российской выборки: Российская версия опросника TIPI (TIPI-RU) (Автор: S. Gosling et al. (2003) Адаптация: А.С. Сергеева, и др. (2016)).

Экспериментальные параметры по методике TIPI отражают некоторые характерологические особенности, свойственные типичному представителю англосаксонской культуры: «открытый для нового опыта, сложный», «спокойный, эмоционально устойчивый», «замкнутый, тихий», для русской – «тревожный, меня легко расстроить», «сочувствующий, сердечный» (представлены в таблице 1).

Таблица 1. Национальные психологические портреты

	Национальный психологический портрет представителя англосаксонской культуры	Национальный психологический портрет представителя русской культуры
1.	Замкнутый, тихий	Тревожный, меня легко расстроить
2.	Открытый для нового опыта, сложный	Сочувствующий, сердечный
3.	Спокойный, эмоционально устойчивый	Неорганизованный, беспечный
4.	Надежный и дисциплинированный*	Надежный и дисциплинированный*

*представлены в англосаксонском и русском национальных психологических портретах

В дальнейших экспериментальных процедурах данные портреты будут использованы для анализа формирования характерологических особенностей студентов на разных этапах формирующего воздействия.

Сравнительный анализ результатов входного среза выраженности диагностических параметров по методике TIPI в контрольной и экспериментальной группах представлен на рисунке 1.

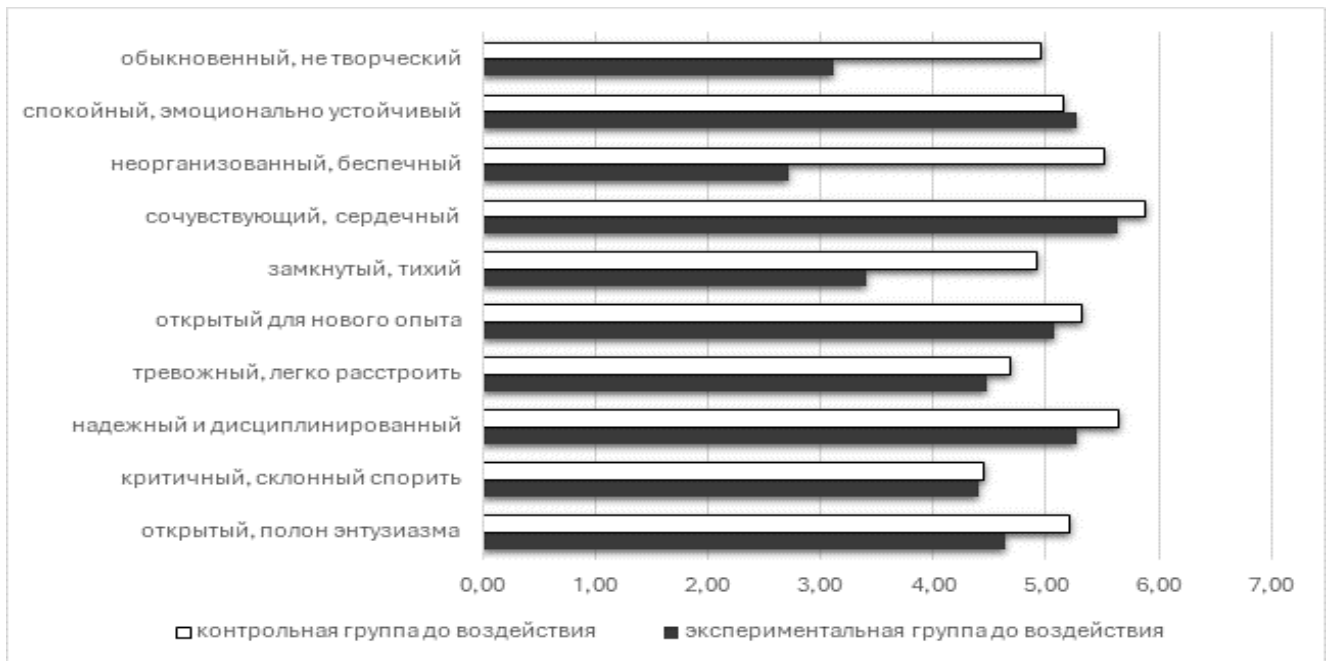

Рис. 1. Сравнительный анализ средних значений выраженности диагностических параметров у учащихся контрольной и экспериментальной групп (ТИР)

Ряд параметров существенно различается, часть несущественно. Анализ полученных данных с применением критерия χ^2 квадрат подтверждает отсутствие значимых различий показателей личностных качеств у испытуемых контрольной и экспериментальной групп перед началом формирующего воздействия: «открытый, полон энтузиазма» ($p \geq 0.05$), «критичный, склонный спорить» ($p \geq 0.05$), «надежный и дисциплинированный» ($p \geq 0.05$), «тревожный, меня легко расстроить» ($p \geq 0.05$), «открытый для нового опыта» ($p \geq 0.05$), «сочувствующий, сердечный» ($p \geq 0.05$), «спокойный, эмоционально устойчивый» ($p \geq 0.05$), «обыкновенный, не творческий» ($p \geq 0.05$), «замкнутый, тихий» ($p \geq 0.05$). Группы показали статистически значимые различия по показателю «неорганизованный, беспечный» ($p \leq 0.001$). Студенты экспериментальной группы показали более низкий уровень «беспечности» по сравнению со студентами контрольной группы. Полагаем, это можно объяснить тем, что студенты филологических профилей были изначально более

организованными до момента поступления в ВУЗ. Полагаем, что бóльшая организованность студентов филологического отделения с процессом изучения английского языка в процессе подготовки к сдаче единого государственного экзамена.

Экспериментальные параметры по методике ТІРІ отражают некоторые характерологические особенности, свойственные типичному представителю англосаксонской культуры: «замкнутый, тихий», «открытый для нового опыта, сложный», «спокойный, эмоционально устойчивый», «надежный и дисциплинированный», для русской – «тревожный, меня легко расстроить», «сочувствующий, сердечный», «неорганизованный, беспечный», «надежный и дисциплинированный». Остальные диагностические параметры относятся к представителям нескольких этнокультур, поэтому далее представлен сравнительный анализ результатов выраженности вышеуказанных экспериментальных параметров.

Сравнительный анализ результатов выраженности диагностируемых параметров по методике ТІРІ в контрольной группе до и после формирующего воздействия представлен на рисунке 2.

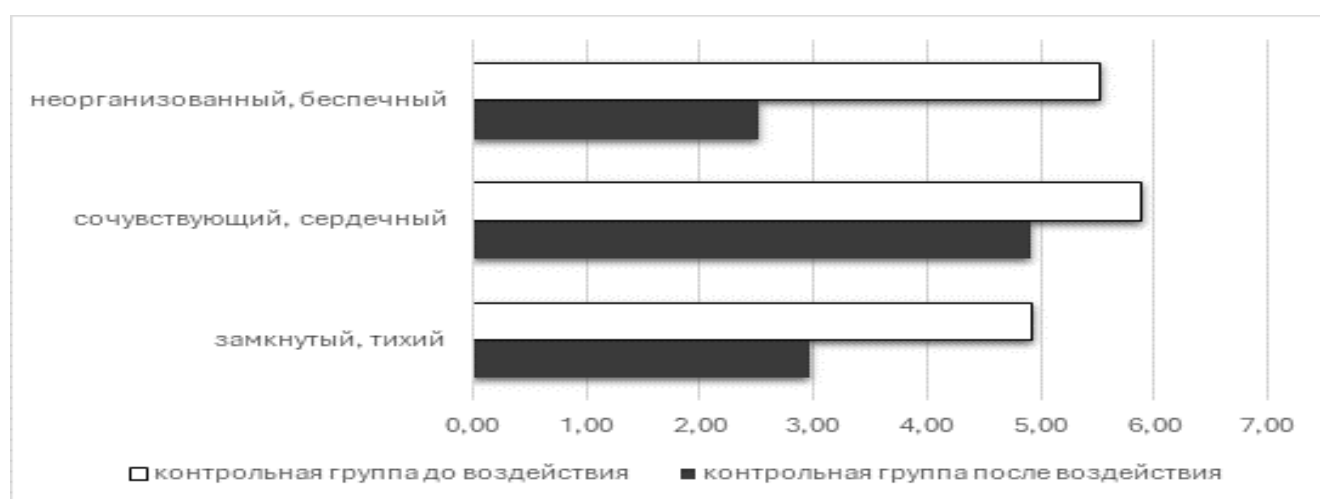

Рис.2. Сравнительный анализ средних значений выраженности диагностических параметров у учащихся контрольной группы до и после воздействия (ТІРІ)

Применение Т-критерия Стьюдента для анализа данных, полученных при помощи методики ТІРІ, показали следующие статистические различия в контрольной группе до и после формирующего воздействия: «замкнутый, тихий» ($p \leq 0,001$), «сочувствующий, сердечный» ($p \leq 0,05$), «неорганизованный, беспечный» ($p \leq 0,001$), Испытуемые не показали статистически значимых различий по остальным показателям.

Сравнительный анализ результатов выраженности диагностических параметров по методике ТІРІ в экспериментальной группе до и после формирующего воздействия представлен на рисунке 3.

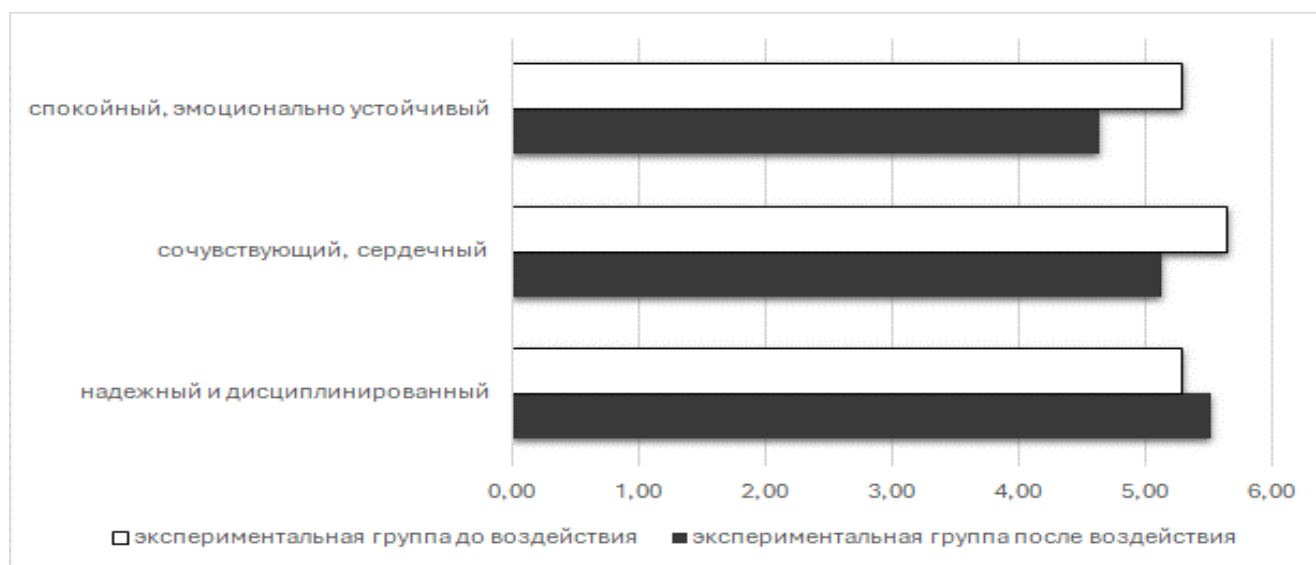

Рис.3. Сравнительный анализ средних значений выраженности диагностических параметров у учащихся экспериментальной группы до и после воздействия (ТІРІ)

Применение Т-критерия Стьюдента для анализа данных экспериментальной группы, полученных при помощи методики ТІРІ, позволяет утверждать, что испытуемые показали статистически значимые различия по критерию: «спокойный, эмоционально устойчивый» ($p \leq 0,05$).

Анализ средних значений не позволяет проиллюстрировать изменения характерологических особенностей студентов, изучающих английский язык с разной степенью интенсивности, поэтому на следующем этапе был проведен

факторный анализ полученных данных. Для предварительной оценки числа факторов был построен график собственных значений, после этого был проведен анализ главных компонент с использованием вращения Варимакс для всех групп.

Распределение диагностических параметров по методике ТІРІ по факторам в контрольной группе до формирующего воздействия представлено в таблице 2.

Таблица 2. Факторный анализ показателей личностных характеристик студентов контрольной группы до формирующего воздействия (ТІРІ)

Повернутая матрица компонент ^{a,b}				
	Компонент			
	1	2	3	4
тревожный, легко расстроить	,819			
замкнутый, тихий	,775			
сочувствующий, сердечный	-,662			
открытый новому опыту, сложный		,823		
открытый, полный энтузиазма		,694		
обыкновенный, не творческий		,683		
критичный, склонный спорить			,841	
спокойный, эмоционально устойчив			,741	
надежный, дисциплинированный				,855
неорганизованный, беспечный				,664

Анализ распределения личностных характеристик в контрольной группе до формирующего воздействия позволил сгруппировать переменные в несколько оригинальных факторов: 1) «Фактор отстраненности» включает «тревожный, легко расстроить» (0,819), «тихий, замкнутые» (0,775), «сочувствующий, сердечный» с отрицательным значением (-0,662); 2) «Фактор позитивного вдохновения» включает переменные «открытый новому опыту» (0,823), «открытый, полон энтузиазма» (0,694), «обыкновенный, нетворческий» (0,683); 3) «Фактор конфронтации» – «критичный, склонный спорить, «спокойный, эмоционально устойчивый»;

4) «Фактор противоречия» – «надежный, дисциплинированный» (0,855), «неорганизованный, беспечный» (0,664).

Распределение диагностических параметров по методике ТИPI по факторам в контрольной группе после формирующего воздействия представлено в таблице 3.

Таблица 3. Факторный анализ личностных характеристик студентов контрольной группы после формирующего воздействия (ТИPI)

Повернутая матрица компонент ^{a,b}				
	Компонент			
	1	2	3	4
открытый, полный энтузиазма	,939			
открытый новому опыту, сложный	,858			
обыкновенный, не творческий	-,532			
критичный, склонный спорить		-,827		
спокойный, эмоционально устойчив		,752		
тревожный, легко расстроить			,892	
сочувствующий, сердечный		,540	,704	
замкнутый, тихий			,630	
неорганизованный, беспечный				,899
надежный, дисциплинированный				-,770

Переменные личностных характеристик студентов нефилологического профиля после формирующего воздействия распределились в следующие факторы: 1) «Фактор позитивного вдохновения» – «открытый, полон энтузиазма» (0,939), «открытый новому опыту» (0,858), «обыкновенный, не творческий» с отрицательным значением (-0,532); 2) «Фактор рефлексии» – «критичный, склонный спорить» с отрицательным значением (-0,827), «спокойный, эмоционально устойчивый» (0,752), «сочувствующий, сердечный» (0,540); 3) «Фактор чувствительности» – «тревожный, меня легко расстроить» (0,892), «замкнутый, тихий» (0,630), «сочувствующий, сердечный» (0,704); 4) «Фактор поверхностности» – «надежный,

дисциплинированный» с отрицательным значением (-0,770), «неорганизованный, беспечный» (0,899).

Распределение диагностических параметров по методике ТИРІ по факторам в экспериментальной группе до формирующего воздействия представлено в таблице 4.

Таблица 4. Факторный анализ личностных характеристик студентов экспериментальной группы до формирующего воздействия (ТИРІ)

Повернутая матрица компонент ^{a,b}				
	Компонент			
	1	2	3	4
открытый, полный энтузиазма	,899			
замкнутый, тихий	-,828			
открытый новому опыту, сложный	,791			
обыкновенный, не творческий	-,747			
неорганизованный, беспечный		-,947		
надежный, дисциплинированный		,846		
спокойный, эмоционально устойчив			,885	
тревожный, легко расстроить			-,779	
сочувствующий, сердечный				-,844
критичный, склонный спорить				,802

Как видно из таблицы 4 у студентов филологического отделения до формирующего воздействия личностные характеристики распределились иначе: 1) «Фактор жизнелюбия/авантюризма» – «открытый, полон энтузиазма» (0,899), «замкнутый, тихий» с отрицательным значением (-0,828), «творческий», «открыт новому опыту» (0,791); 2) «Фактор самодисциплины» – «неорганизованный, беспечный» с отрицательным значением (-0,947), «надежный, дисциплинированный» (0,846); 3) «Фактор эмоционального контроля» – «спокойный и эмоционально устойчивый» (0,885), «тревожный, легко расстроить» с отрицательным значением (-0,779);

4) «Фактор циничности»: «сочувствующий, сердечный» с отрицательным значением (-0,844), «критичный и склонный спорить» (0,802).

Распределение диагностических параметров по методике ТИРІ по факторам в экспериментальной группе после формирующего воздействия представлено в таблице 5.

Таблица 5. Факторный анализ личностных характеристик студентов экспериментальной группы после формирующего воздействия (ТИРІ)

Повернутая матрица компонент ^{a,b}				
	Компонент			
	1	2	3	4
замкнутый, тихий	-,860			
открытый новому опыту, сложный	,775			
открытый, полный энтузиазма	,753			
неорганизованный, беспечный		,891		
надежный, дисциплинированный		-,826		
критичный, склонный спорить				
спокойный, эмоционально устойчивый			,925	
тревожный, легко расстроить			-,729	
сочувствующий, сердечный				,858
обыкновенный, не творческий				-,592

Переменные в группе студентов экспериментальной группы после формирующего воздействия распределились следующим образом: 1) «Фактор энергичности» – «замкнутый, тихий» с отрицательным значением (-0,860), «открыт новому опыту, сложному» (0,775), «открытый, полон энтузиазма» (0,753); 2) «Фактор рассеянности» – «неорганизованный, беспечный» (0,891), «надежный, дисциплинированный» с отрицательным значением (-0,826); 3) «Фактор эмоционального контроля» – «спокойный и эмоционально устойчивый» (0,925), «тревожный, легко расстроить» с отрицательным значением (-0,729); 4) «Фактор душевности» – «сочувствующий, сердечный» (0,858), «обыкновенный, не творческий» с отрицательным значением (-0,592).

Анализ результатов исследования

Анализ полученных данные позволяет утверждать, что у студентов, изучающих английский язык прослеживается динамика личностных свойств. Проведенное исследование позволяет утверждать, что студенты неязыковых специальностей после формирующего воздействия, освоив программу-минимум по английскому языку, становятся менее замкнутыми/тихими, менее сочувствующими/сердечными, более организованными. Это можно объяснить тем, что студенты неязыковых специальностей часто сталкиваются с необходимостью общения, участия в дискуссиях, ролевых играх, презентациях и других интерактивных формах работы. Это вынуждает преодолевать робость и стеснение, развивать навыки публичного выступления и межличностного взаимодействия. Снижение «сердечности» после формирующего воздействия может быть связано с фокусировкой на профессиональных задачах, где приоритет отдается логике, аналитике, а не эмоциональному восприятию (многие испытуемые учатся на отделении физико-математических специальностей). Вузовское обучение предполагает более высокую самостоятельность: студенты должны планировать расписание занятий, сроки сдачи работ, подготовку к экзаменам. Это развивает навыки тайм-менеджмента и самоорганизации.

Студенты филологических специальностей после формирующего воздействия показывают большие значения по критерию «надежный и дисциплинированный», что можно объяснить погружением и адаптацией к обучению в вузе, также у них снижаются показатели личностной черты «сочувствие, сердечность», хотя остается на высоком уровне, снижается «спокойствие, эмоциональная устойчивость».

Полагаем, что у студентов языковых специальностей формируется «деловая эмпатия» – способность сочувствовать без эмоционального погружения, что защищает от выгорания при работе в системе

человек-человек. Несущественное снижение эмоциональной устойчивости можно связать с освоением языковой системы изучаемого языка и постоянной необходимостью переключаться между двумя кодами. Усиление личностной характеристики «творчество» объяснимо языковой гибкостью: владение несколькими языками расширяет ассоциативные связи, стимулирует организацию креативных решений. Этот факт можно объяснить тем, что студенты, овладевая английским языком на более продвинутом уровне начинают себя ощущать как более уверенных, они чувствуют, что «уверенно стоят на ногах», оценивают себя как квалифицированных работников, поскольку многие студенты языковых специальностей начинают работать репетиторами и учителями со 2, а иногда с 1 курса.

Испытуемые демонстрируют снижение выраженности такой черты как «замкнутость» и «спокойствие, эмоциональная устойчивость». Учащиеся экспериментальной группы показывают снижение выраженности такой черты как «спокойствие, эмоциональная устойчивость», незначительно более выражена черта «надежность, дисциплинированность», «замкнутость», «открытость новому опыту» изменяются незначительно.

Различия в показателях личностных «русских» качеств у студентов нефилологического профиля указывают на снижение выраженности черты «сердечность», «тревожность», «неорганизованность» после формирующего воздействия. Оценки выраженности «русских» личностных качеств студентов филологического профиля указывают на ослабление выраженности таких личностных характеристик как «тревожность» и «сердечность»: наблюдается актуализация «англосаксонских» характеристик.

Факторный анализ и интерпретация полученных данных позволяет говорить о том, что личностные характеристики студентов контрольной группы до формирующего воздействия, включённые в 1 фактор, складываются в адаптивный паттерн поведения, в условиях высокой

нагрузки. Одновременно качества, включенные во второй фактор, говорят о том, что студенты 1 курса находятся в некой «эйфории» от нового места учебы, они открыты к участию в различных мероприятиях, конкурсах, волонтерских движениях. Третий фактор объясняется тем, что в силу возраста у многих первокурсников не сформированы навыки конструктивного диалога, они воспринимают возражения как атаку, спор выступает как защитный механизм, студент таким образом компенсирует неуверенность и пытается контролировать ситуацию.

По мере адаптации в вузе у студентов нефилологического отделения снижается страх ошибиться, они готовы к экспериментам, растет уверенность в своих компетенциях и появляется готовность решать задачи нестандартным путем. Во второй фактор вошли качества, которые позволяют нам утверждать, что после формирующего воздействия у студентов уменьшается потребность доказывать свою правоту любой ценой, приходит понимание, что «истина где-то посередине». Стабилизируется социальный статус: к середине срока обучения уже определены круги общения, снижается потребность конкурировать за признание, укрепляются доверительные связи. То есть проявляется актуализация типично русских характерологических особенностей. В той или иной степени студенты после формирующего воздействия испытывают напряжение со стороны преподавателей и их ожиданий. Замкнутость и внешняя дистанцированность может выступать неким защитным механизмом психики. Актуализацию качеств, включенных в 4 фактор, можно объяснить тем, что студенты не видят жестких санкций за их действия (сравним ситуацию: в школе «отслеживают каждый шаг»). У них снижена вовлеченность в образовательный процесс, энтузиазм, характерный для этих студентов в начале обучения, демонстрирует тенденцию к снижению.

Состав первого фактора личностных характеристик студентов филологического отделения до формирующего воздействия можно объяснить следующим образом. Открытость новому опыту и стремление браться за сложные задачи объясняются спецификой лингвистической подготовки с сочетанием юношеского оптимизма. Студенты языковых специальностей умеют переключаться между языковыми кодами, научаются видеть мир сквозь призму другой культуры, что формирует определенную когнитивную гибкость. Кроме того, изучение любого иностранного языка требует от студентов самоорганизации и владения тайм-менеджментом, а поскольку английский язык относится к аналитическим, то у учащихся формируется еще большая организованность (фактор 2) («*Time is money*», перевод с англ.: «Время – деньги», «*The devil is in the details*», перевод с англ.: «Дьявол кроится в мелочах»). Как говорилось ранее, процесс овладения иностранным языком представляет собой некий вызов для студентов: результаты освоения лексики, фонетики, синтаксиса видны не сразу, то есть требует систематичности и терпения. Студенты уже к 1 году обучения в вузе привыкли к такому поступательному движению, они продолжают учиться не тревожиться из-за ошибок, которые являются частью образовательного процесса. Такая длительная практика формирует толерантность к неопределенности и снижает уровень фрустрации в тех ситуациях, где нет мгновенного успеха. Более того, такие качества соответствуют личностным характеристикам англо-саксонской культуры («*Your word is your bond*», перевод с англ.: «Твое слово – твои обязательства»). В факторе 3 отобраны переменные, которые соответствуют личностным характеристикам типичного представителя англо-саксонской культуры («*Keep your cool*»; «*Don't lose your temper*», перевод с англ. «Сохраняй спокойствие»). Возвращаясь к процессу изучения иностранного языка: студенты-лингвисты привыкают фокусироваться не только на содержании речевого высказывания, но и на его

структуре: языковое обучение требует внимания к деталям. Также при переключении языкового кода имеет место некая эмоциональная отстраненность: для точной передачи смысла сообщения требуется логика, не эмоции. Интересно, что личностные характеристики, оказавшиеся включенными в фактор 4, соответствуют личностным характеристикам типичного представителя англо-саксонской культуры – в противовес русской «сердечности» (*«Сердце кровью обливается»*) и «несклонности спорить» (*«Худой мир лучше доброй ссоры», «Кто спорит, тот ничего не стоит»*).

Факторный анализ и интерпретация полученных данных показали, что студенты, изучающие английский язык углубленно, после формирующего воздействия воспринимают себя как менее спокойных, склонных к эмоциональной неустойчивости. К третьему курсу студенты языковых специальностей чувствуют себя уверенно при коммуникации на английском языке, получают доступ к профессиональным текстам, это формирует ощущение прогресса и желание пробовать новое. Постоянная речевая практика на изучаемом языке снижает тревожность и формирует открытость к взаимодействию. Результаты факторного анализа личностных характеристик студентов языковых специальностей показывают, что респонденты стали неорганизованными и ненадежными. Возможно, что это связано с изменением личностных установок: у студентов наблюдается снижение мотивации к обучению или из-за неоправданных ожиданий касательно программы обучения, и выбрали иной род занятости. Следует сказать, что уже на последних курсах многие студенты работают учителями и репетиторами. И студент начинает выборочно относиться к обязательствам. Предполагаем, что снижается мотивация (получены некоторые свидетельства данного факта при обработке данных методом мотивационной индукции).

После формирующего воздействия фактор «эмоционального контроля» также усилился у студентов языковых специальностей: учащиеся воспринимают себя как более спокойных и эмоционально устойчивых.

Интересно, что в один фактор объединились одновременно «сочувствующие» и «творческие» характеристики (сравним студентов до формирующего воздействия с их «несердечностью», «творчество» было в составе другого фактора до формирующего воздействия). Полагаем изучение таких дисциплин как история английской литературы, чтение книг в оригинале, просмотр фильмов на изучаемом языке, анализ художественных текстов формирует эмоциональную отзывчивость.

Заключение

На основании полученных данных можно констатировать, что после формирующего воздействия у студентов наблюдается динамика в профиле личностных качеств. Данная тенденция отражает сложный процесс психоэмоциональной адаптации в условиях вузовского обучения и профессиональной идентификации.

У студентов экспериментальной группы состав 1 фактора изменен, но, ожидаемо, студенты до и после формирующего воздействия проявляют характерологические черты типичного представителя англосаксонской культуры: «открытый, полный энтузиазма», «открытый новому сложному опыту», хотя в составе 1 компонента присутствует черта, свойственная больше типичному представителю русского этноса «замкнутый, тихий» с отрицательным значением. Такие характерологические черты как «спокойный, эмоционально устойчивый» и «тревожный, легко расстроить» с отрицательным значением, также свойственны носителям англосаксонской культуры, до и после формирующего воздействия поменялись незначительно. В начале обучения в ВУЗе студенты филологического

профиля воспринимали себя как «организованных и небеспечных», «надежных и дисциплинированных», «несочувствующих и несердечных». После формирующего воздействия они воспринимают себя как «ненадежных и недисциплинированных», но «сочувствующих и сердечных». Интересно, что типично русское качество «сердечность» проявляется после формирующего воздействия, примерно к 20–21 годам. Полагаем, это может быть связано с очерчиванием этнической идентичности, как это часто бывает у иммигрантов, например, в США: дети этнических русских гордятся тем, что они американцы, но по мере взросления находят ту самую русскую уникальность, которую начинают повсеместно подчеркивать. У студентов – будущих учителей английского языка – во время обучения в ВУЗе произошло погружение в языковую среду, и, сравнивая себя с типичными представителями англосаксонской культуры (часто неосознанно), через 2 года начали проявлять типично русские качества: «сердечность» и «сочувствие». У студентов филологического профиля можем констатировать ослабление выраженности таких личностных характеристик как «тревожность» и «сердечность», то есть наблюдается актуализация «англосаксонских» характеристик у студентов, изучающих английский язык углубленно.

Таким образом процесс углубленного изучения английского языка способствует формированию у студентов некоторых личностных характеристик, свойственных представителям англосаксонской культуры.

Литература

1. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. – М.: Медицина, 1975. – 447 с.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.

3. *Бекасова Е.Ю.* Личностные характеристики студентов в условиях формирования профессионального билингвизма: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2017. – 27 с.
4. *Бекасова Е.Ю.* Образ мира билингвальной личности // Стратегия развития образования для будущего России : материалы Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к Году педагога и наставника в РФ, Владимир, 16–17 марта 2023 г. – Владимир : ВИРО, 2023. – Ч. 1. – С. 673–678.
5. *Бороздина Л.В.* Психология характера. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.
6. *Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г.* Большой психологический словарь. – М.: АСТ Москва; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.
7. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 3. – С. 5–328.
8. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология: учебник для вузов. – Изд. 2-е, доп., испр. и перераб. – М.: Логос, 2000. – 384 с.
9. *Имедадзе Н.В.* Экспериментально-психологические исследования овладения и владения вторым языком. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – 250 с.
10. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
11. *Леонтьев А.Н.* Образ мира // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. – ММ.:Педагогика, 1983. – Т. 2. – С. 251–261.
12. *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии [Электронный ресурс]. – М., 2000. – URL: <https://clck.ru/3Sr4LB> (дата обращения: 03.03.2026).
13. *Леонтьев А.А.* Деятельный ум (деятельность, знак, личность). – М.: Смысл, 2001. – 392 с.
14. *Леонтьев А.А.* Личность как историко-этническая категория // Советская этнография. – 1981. – № 3. – С. 35–44.
15. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
16. *Леонтьев Д.А.* О некоторых аспектах проблемы «культура и личность» [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. – 2013. – Т. 9, № 1. – С. 22–31. – URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2013_n1/59582 (дата обращения: 03.03.2026).
17. *Мыскин С.В., Макеева Г.А.* Модель формирования профессионального образа мира у студентов педагогических колледжей // Наука и школа. – 2025. – № 3. – С. 109–120. – DOI 10.31862/1819-463X-2025-3-109-120. – EDN VZYCHA.
18. *Мыскин С.В.* К постановке проблемы неопределенности профессиональной картины мира // Профессиональная картина мира. Методология. Варианты. Практика: коллективная монография. – М.:

Агентство социально-гуманитарных технологий, 2020. – С. 35–57. – EDN OXFOCI.

19. Мыскин С.В. Формирование профессионального языкового образа мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 5-2 (47). – С. 122–129. – EDN TQAPNL.

20. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН: Академический проект, 1999. – 320 с.

21. Сухарев В.А., Сухарев М.В. Психология народов и наций. – Д. : Сталкер, 1997. – 400 с.

22. Фромм Э. Человеческий характер и социальный процесс // Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1990. – С. 125–150

23. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер. с нем. В. В. Библихин. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

24. Халеева И.И. Подготовка переводчика как «вторичной языковой личности» // Тетради переводчика: науч.-теор. сб. – М.: Изд-во МГЛУ, 1996. – С. 7–22.

25. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб.: Питер, 2005. – 607 с. – (Серия «Мастера психологии»).

26. Юнг К. Психологические типы. – СПб. : Ювента, 1995. – 716 с.

27. Cattell R.B. Description and measurement of personality. – New York : World Book, 1946.

28. Digman J.M., Shmelyov A.G. The structure of temperament and personality in Russian children // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – Vol. 71, No. 2. – P. 341–351.

29. Eysenck H.J., Eysenck S.B.G. Eysenck personality questionnaire-revised [Test]. – 1984.

30. Leberdo M.G. Culture Bumps: Overcoming Misunderstanding in Cross-Cultural Communication. – Vladivostok : Far Eastern State University Press, 1999.

31. McCrae R.R., Costa P.T. Validation of the five-factor model of personality across instruments and observers // Journal of Personality and Social Psychology. – 1987. – Vol. 52, No. 1. – P. 81–90.

32. De Madariaga S. Englishmen, Frenchmen, Spaniards: an essay in comparative psychology [Electronic resource]. – Oxford: Oxford University Press, 1929. – 256 p.

References

1. Anoxin P.K. Ocherki po fiziologii funkcional`ny`x sistem. M.: Medicina. 1975.
2. Asmolov A.G. Psixologiya lichnosti. M. 1990.
3. Bekasova E.Yu. Lichnostny`e xarakteristiki studentov v usloviyax formirovaniya professional`nogo bilingvizma: Avtoref. dis. na soisk. uch. stepeni

kand. psixol. nauk / Mosk. ped. gos. un-t. M. 2017. 27 s.

4. *Bekasova E.Yu.* Obraz mira bilingval'noj lichnosti / E. Yu. Bekasova // Strategiya razvitiya obrazovaniya dlya budushhego Rossii : Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, priurochennoj k Godu pedagoga i nastavnika v Rossijskoj Federacii, Vladimir, 16–17 marta 2023 goda. Tom Chast` 1. Vladimir: Gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel`noe uchrezhdenie dopolnitel`nogo professional'nogo obrazovaniya Vladimirskoj oblasti Vladimirskij institut razvitiya obrazovaniya imeni L.I. Novikovej, 2023. S. 673-678. EDN UWHFGX.

5. *Borozdina L.V.* Psixologiya xaraktera / L.V. Borozdina. Moskva : Izd-vo MGU. 1997.

6. *Zinchenko V.P., Meshheryakov B.G.* Bol`shoj psixologicheskij slovar`. M: AST Moskva; SPb.: Prajm-Evroznak. 2009. 811 s.

7. *Vygotskij L.S.* Istoriya razvitiya vy`sshix psixicheskix funkcij // Vy`gotskij L.S. Sobr. soch.: V 6 t. T. 3. M. 1983.

8. *Zimnyaya I.A.* Pedagogicheskaya psixologiya. Uchebnik dlya vuzov. Izd. vtoroje, dop., ispr. i pererab. M.: Izdatel`skaya korporaciya «Logos». 2000. 384 s.

9. *Imedadze N.V.* E`ksperimental`no-psixologicheskie issledovaniya ovladeniya i vladeniya vtory`m yazy`kom/N.V. Imedadze. Tbilisi. 1979

10. *Leontyev A.N.* Deyatel`nost`. Soznanie. Lichnost`. M. 1975.

11. *Leontyev A.N.* Obraz mira // Izbranny`e psixologicheskie proizvedeniya: v 2 t. M.: Pedagogika, 1983. T.2. S. 251–261.

12. *Leontyev A.N.* Konspekt lekicii vy`stupleniya na psixologicheskom fakul'tete MGU.

13. *Leontyev A.A.* Deyatel`ny`j um (deyatel`nost`. Znak. Lichnost`). M.: Smy`sl. 2001. 392 s.

14. *Leontyev A.A.* Lichnost` kak istoriko-e`tnicheskaya kategoriya //Sovetskaya e`tnografiya. – 1981. – №. 3. – S. 35-44.

15. *Leontyev A.A.* Osnovy` psixolingvistiki M.: Smy`sl, 1997. 287 s.

16. *Leontyev D.A.* O nekotory`x aspektax problemy` «kul`tura i lichnost`». Kul`turno-istoricheskaya psixologiya. 2013. № 9(1). S. 22–31. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2013_n1/59582 (data obrashheniya: 03.03.2026)

17. *Myskin S.V.* Model` formirovaniya professional'nogo obraza mira u studentov pedagogicheskix kolledzhej / S.V. My`skin, G.A. Makeeva // Nauka i shkola. 2025. № 3. S. 109-120. DOI 10.31862/1819-463X-2025-3-109-120. EDN VZYCHA.

18. *Myskin S.V.* K postanovke problemy` neopredelennosti professional'noj kartiny` mira / S. V. My`skin // Professional'naya kartina mira. Metodologiya. Varianty`. Praktika : Kollektivnaya monografiya. Moskva : Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu Agentstvo social`no-gumanitarny`x texnologij. 2020. S. 35-57. EDN OXFOCI.

19. *Myskin S.V.* Formirovanie professional'nogo yazy`kovogo obraza mira / S.V. My`skin // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. 2015. № 5-2(47). S.

122-129. EDN TQAPNL.

20. *Stefanenko T.G.* E`tnopsixologiya. M.: Institut psixologii RAN, «Akademicheskij proekt». 1999. 320 s.

21. *Suxarev V. A.* Psixologiya narodov i nacij / V. A. Suxarev, M. V. Suxarev. D.: Stalker, 1997. S. 103.

22. *Fromm E`.* Chelovecheskij xarakter i social`ny`j process // Fromm E`. Begstvo ot svobody`. M. 1990.

23. *Heidegger M.* Vremya i by`tie: Stat`i i vy`stupleniya / Sost., per. s nem. V.V. Bibixin. M.: Respublika. 1993. 447 s.

24. *Khaleeva I.I.* Podgotovka perevodchika kak «vtorichnoj yazy`kovoju lichnosti» // Tetradi perevodchika: nauch.- teor. sb. M.: Izd-vo MGLU. 1996. S. 7-22.

25. *Hjelle L., Zigler D.* Teorii lichnosti. (Seriya «Mastera psixologii»). SPb.: Piter. 2005. 607 s.

26. *Yung K.* Psixologicheskie tipy`. SPb.: Yuventa. 1995. 716 s.

27. *Cattell R.B.* Description and measurement of personality. New York: World Book. 1946.

28. *Digman J.M., Shmelyov A.G.* The structure of temperament and personality in Russian children. Journal of Personality and Social Psychology. 1996. № 71 (2). P. 341—351.

29. *Eysenck H.J., Eysenck S.B.G.* Eysenck personality questionnaire-revised. 1984.

30. *Leberdo M.G.* Culture Bumps: Overcoming Misunderstanding in Cross-Cultural Communication. Vladivostok, Far Eastern State University Press. 1999.

31. *McCrae R.R., Costa P.T.* Validation of the five-factor model of personality across instruments and observers. Journal of Personality and Social Psychology. 1987. № 52. P. 81—90.

32. *De Madariaga S.* Englishmen, Frenchmen, Spaniards: an essay in comparative psychology: Oxford University Press. 1929. 256 p.

Статья поступила в редакцию 10.03.2026. Принята к публикации 28.03.2026

The paper was submitted on 10.03.2026. Accepted for publication 28.03.2026

Думнова Надежда Игоревна, преподаватель Государственного гуманитарно-технологического университета, соискатель Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета (Россия)

Dumnova Nadezhda Igorevna, Lecturer at the State University of Humanities and Technology, Doctoral Candidate at the Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City Pedagogical University (Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ/DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

УДК 81'1; 81'42

Башкатова Н.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский
университет,
308015, ул. Победы, 85, Белгородская обл.,
г. Белгород, Россия
natali.bash.nb@gmail.com

СВЕРХКРАТКИЕ ТЕКСТЫ В МАССМЕДИА: ОПЫТ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Статья посвящена категориальному анализу сверхкратких медиатекстов (MicroT) на примере заголовков информагентств (Интерфакс, РБК, РИА Новости). Теоретической базой выступает система категорий текста И. Р. Гальперина, которая в ходе исследования была адаптирована и расширена для анализа микротекстов длиной до 10 слов (до 100 знаков). Предложенная модель объединяет ключевые параметры: от информативности и делимости до образности и социологичности. Эмпирическую базу составили 6000 заголовков за 2023 и 2026 гг. Сочетание качественного категориального анализа с количественными методами позволило объективно верифицировать теоретические постулаты. Главный результат — статистически подтвержденная стабильность формата 6–10 слов (около 90 знаков), на который приходится 74% выборки. Это доказывает, что в сверхкратком формате сохраняются все базовые свойства текста, а указанный объем является оптимальным для коммуникативного процесса. Работа преодолевает фрагментарность в изучении микротекстов, эмпирически обосновывая применимость классических лингвистических категорий к новейшим цифровым форматам. Выявлено, что краткость заголовков компенсируется высокой плотностью смысла и опорой на пресуппозиции аудитории, что обеспечивает выполнение функций адресованности и социокультурного позиционирования. Для медиалингвистики это открывает возможность прогнозирования эволюции цифровых жанров в сторону дальнейшей компрессии. Для практиков — дает не интуитивные, а научно обоснованные критерии создания эффективных сообщений, сохраняющих высокий коммуникативный потенциал при минимальном объеме.

Ключевые слова: медиакоммуникации, заголовки, лента новостей, MicroT, микротекст, принцип минимакса

Для цитирования: Башкатова Н.В. Сверхкраткие тексты в массмедиа: опыт категориального анализа // Организационная психолингвистика. – 2026. – № 1(33). – С. 47–65.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

© Башкатова Н.В., 2026

Bashkatova N.V.
Belgorod State University
Belgorod, Russia

ULTRA-SHORT TEXTS IN MASS MEDIA: AN EXPERIMENT IN CATEGORICAL ANALYSIS

Abstract. This article examines the categorical analysis of ultra-short media texts (MicroTs) using news agency headlines (Interfax, RBC, and RIA Novosti) as an example. The theoretical framework is based on I. R. Galperin's text category system, which was adapted and expanded during the study to analyze microTs up to 10 words (up to 100 characters). The proposed model integrates key parameters, from information content and divisibility to imagery and sociological content. The empirical base consisted of 6,000 headlines for 2023 and 2026. The combination of qualitative categorical analysis and quantitative methods allowed for the objective verification of theoretical postulates. The main result is the statistically confirmed stability of the 6–10-word (approximately 90 characters) format, which accounts for 74% of the sample. This demonstrates that the ultra-short format preserves all the basic properties of the text, and that this length is optimal for the communication process. This work overcomes the fragmentation of microtext studies by empirically substantiating the applicability of classical linguistic categories to the latest digital formats. It reveals that the brevity of headlines is compensated for by a high density of meaning and reliance on audience presuppositions, which ensures the fulfillment of the functions of addressability and sociocultural positioning. For media linguistics, this opens the possibility of predicting the evolution of digital genres toward further compression. For practitioners, it provides not intuitive but scientifically substantiated criteria for creating effective messages that retain high communicative potential while minimizing space.

Keywords: media communications, headlines, news feed, MicroT, microtext, minimax principle

Cite as: *Bashkatova N.V.* Ultra-short texts in mass media: an experiment in categorical analysis // *Organizational Psycholinguistics*. – 2026. – No. 1(33). – pp. 47–65.

Введение

Динамика современного медиапотребления, характеризующаяся высокой скоростью и дефицитом внимания аудитории, породила феномен сверхкратких текстов, ставших доминирующей формой коммуникации в цифровой среде. Анализ этих процессов невозможен без учета того, что цифровые медиа и культура «мгновенного общения» задают новые формы языка и требуют принципиально иных инструментов исследования [10, с. 14].

Заголовки новостных лент, анонсы в социальных сетях, слоганы и тизеры образуют особый пласт языковых единиц, функционирующих по принципу «минимакса» [1, с. 150]: достижения максимума смысла при минимальном объеме языковых средств. Эта стратегия формальной компрессии сопоставима с классической текстологией, но переосмысливает традиционные категории в условиях современности, где лаконичность становится не стилистическим выбором, а ключевым условием коммуникативной эффективности. Несмотря на очевидную практическую значимость, сверхкраткие тексты долгое время оставались на периферии лингвистического анализа, а их изучение носило фрагментарный характер, что актуализирует потребность в целостной теоретической модели, способной описать их системные свойства.

Целью данного исследования является проведение комплексного категориального анализа сверхкратких текстов (MicroT) в пространстве массмедиа для выявления универсальных закономерностей их построения и функционирования. Достижение этой цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач: систематизацию существующих теоретических подходов к определению сверхкраткого текста; разработку и апробацию интегральной аналитической схемы на основе адаптированной системы категорий И.Р. Гальперина [6]; количественный анализ формально-структурных параметров обширного корпуса заголовков ведущих российских информационных агентств; а также качественный категориальный разбор репрезентативных кейсов для верификации предложенной модели.

Научная новизна работы заключается в синтезе количественных и качественных методов (автоматизированной статистической обработки и углубленного категориального анализа) на масштабном эмпирическом материале, что позволяет преодолеть разрыв между теорией текста и современной медиапрактикой. В качестве методологической основы

выступает интегративный подход, сочетающий формальный анализ, классическую лингвистику текста и элементы когнитивного подхода, что обеспечивает многоуровневое рассмотрение объекта.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии и конкретизации категориального аппарата применительно к массмедиа, а практическая — в формировании инструментария для анализа и конструирования эффективных медиасообщений, отвечающих вызовам цифровой эпохи.

Материал и методы

Методологическая основа исследования построена на интеграции трех взаимодополняющих подходов, обеспечивающих комплексный анализ сверхкратких текстов. Первый подход — автоматизированный количественный анализ корпуса из 6000 заголовков ведущих российских информационных агентств (РБК, РИА Новости, Интерфакс), позволивший выявить статистически значимые закономерности их формальной структуры: распределение по длине в словах и символах, доминирующие форматы и их динамику за 2023 и 2026 годы. Эмпирическую базу составила репрезентативная выборка, сформированная методом сплошного отбора; статистическая обработка данных (подсчет знаков и слов) производилась программными средствами Excel. Второй, содержательный, подход опирается на адаптированную категориальную схему, разработанную на базе текстовой теории И.Р. Гальперина [6], которая была расширена для анализа специфики сверхкратких сообщений массмедиа. В фокусе находятся такие ключевые аспекты, как: информативность, адресованность, завершенность, делимость, интегративность, когезия, пресуппозиция, континуум, перспекция, социологичность и образность, что позволяет системно описать смысловую архитектуру текстов, функционирующих по принципу «минимакса». Третий

подход — когнитивно-прагматический — направлен на реконструкцию механизмов декодирования и смыслопорождения. Он включает метод исследовательской интроспекции при анализе репрезентативных кейсов и учитывает роль фоновых знаний, индивидуального опыта и культурных пресуппозиций аудитории. Систематическое изложение метода интроспекции как научного инструмента представлено в работе Вильгельма Вундта «Основы физиологической психологии» (1873–1874), в которой автор вводит понятие *Innere Wahrnehmung* (нем.) — контролируемого экспериментального метода фиксации ощущений [27]. Синтез этих методов — компьютерной обработки данных, классического лингвистического анализа и когнитивной интерпретации — формирует интегративную методику, преодолевающую фрагментарность в изучении сверхкратких текстов и обеспечивающую их многоуровневую характеристику, значимую для теории языка и практики медиакоммуникации.

Материалом для анализа послужила репрезентативная выборка из 6000 заголовков лент информационных агентств РБК, РИА Новости и Интерфакс за 2023 (3000 заголовков) и 2026 (30000 заголовков) годы, что обеспечивает достоверность и релевантность полученных выводов.

Результаты и обсуждение

Сверхкраткий текст: определение и таксономия. В современной лингвистике отсутствует единая терминология для обозначения предельно лаконичных текстовых форм. Исследователи предлагают различные дефиниции, отражающие их структурные или функциональные особенности: «микротекст» [13; 17], «однофразовый текст» [2], «прецедентный текст» [22], «текстоид» [7, с. 254–258], «креолизированный текст» [23], «малоформатный текст» [15], «тексты-примитивы» [16] и другие. В рамках настоящего исследования под сверхкратким текстом (*MicroT* – тексты длиной до 10 слов, до 100 символов [3]) понимается минимальная, но коммуникативно

достаточная единица, материализующая законченную мысль, в соответствии с исходным толкованием текста В. Далем как «буквальных речей писателя» [9]. Критическим параметром выступает не только объем (в работе принята граница до 10 слов или 100 символов, что коррелирует с доминирующим форматом новостных заголовков, концепцией 2004 года «микротекстов» А. Ю. Корбут [18, с. 15], но и способность выполнять ключевые текстовые функции в условиях жесткой компрессии, реализуя принцип «минимакса» — максимальной смысловой плотности при минимальном количестве знаков.

В цифровой медиасреде сверхкраткие тексты функционируют не изолированно, а как элементы сложных интертекстуальных и интермедиальных систем. Они часто выступают ядром креолизованных (ComboT) [3] сообщений, синтезируя вербальный компонент с визуальным, мультимедийным форматом. Сочетание нескольких семиотических систем в одном тексте не является новым для человечества, однако развитие технологий существенно расширило возможности передачи информации в пространстве медиакоммуникации [8, с. 45]. Современные информационно-коммуникационные технологии, переводя общение в виртуальную среду, актуализируют изучение таких гибридных жанров, как политическая email-рассылка, где тема письма, являясь сверхкратким текстом, приобретает манипулятивный потенциал [12, с. 31]. Особым и центральным для данного исследования объектом является заголовок, обладающий двойственной природой: он одновременно предваряет текст и является его смысловым ступком и ключом к пониманию [26; 24]. Именно заголовок как сверхкороткий текст, в условиях алгоритмического отбора новостных агрегаторов, таких как «Яндекс.Новости», становится главным и самодостаточным объектом внимания, подчиняясь специфическим требованиям к качеству: грамматической корректности, информативной

точности, нейтральности и оптимальному размеру (рекомендуемые 5–7 слов) [25].

Для системного изучения внутренней организации сверхкратких текстов используется методология категориального анализа, развитая на основе классической теории И.Р. Гальперина [6]. Исходный набор из десяти текстообразующих категорий был расширен и адаптирован к специфике медийного дискурса. В итоговую аналитическую модель вошли такие взаимосвязанные аспекты, как: информативность, адресованность, завершенность, делимость, интегративность, когезия, пресуппозиция, континуум, перспекция, социологичность и образность. Этот инструментарий позволяет провести многоуровневый анализ, выявляя, как в компактной форме достигается смысловая целостность, ориентация на аудиторию и интеграция в общий медиапоток.

В современном медиапространстве новостная лента функционирует как целостный текстовый феномен [4], основанный на агрегации контента через сверхкраткие заголовки. Этот динамичный поток, структурированный по универсальному шаблону: заголовок–анонс, метаданные (дата, время выхода новости), формирует ядро информационной архитектуры цифровых платформ. Усиливающийся тренд на гиперкомпрессию, вызванный острым дефицитом внимания пользователя, радикально меняет требования к формату подачи. Заголовок превращается в ключевой и самодостаточный жанр, выступая единственным стимулом для выбора контента и вынужденный сочетать взаимоисключающие качества: предельную смысловую плотность, семантическую ясность и провокативность. Данный парадокс — необходимость сохранить глубину сообщения в рамках жесткого лимита в 5–7 слов — находит свое разрешение в стратегии «минимакса». Эта стратегия предполагает, что внешняя лаконичность компенсируется сложной внутренней архитектурой, где каждый элемент выполняет максимум

функций, обеспечивая коммуникативную эффективность в условиях скоростного информационного потребления.

Количественный анализ. Для количественного анализа был сформирован корпус из 6000 сверхкратких текстов (MicroT), собранных из лент информационных агентств РБК, РИА Новости и Интерфакс. Выборка охватывает два периода: 3000 заголовков за сентябрь — ноябрь 2023 года и 3000 заголовков за октябрь 2025 года — февраль 2026 года. Материал 2026 года по агентствам РИА Новости и Интерфакс был собран через агрегатор «Яндекс.Дзен» [21; 14], а контент РБК — непосредственно с официального сайта издания [20], охватывающего ключевые рубрики (Финансы, Экономика, Политика, Бизнес, Общество, Спорт, Авто, Инвестиции, Образование), в 2023 году исходные данные собирались с официальных сайтов информагентств. Автоматизированная обработка данных с применением статистических методов позволила провести подсчет ключевых формальных параметров: количества слов и символов в каждом заголовке. Это дало возможность не только описать структурные характеристики выборки, но и установить корреляцию между минимальным объемом текста и его коммуникативной достаточностью в условиях новостного потока.

Статистическая обработка данных выявила устойчивые структурные закономерности. Доминирующей формой, составляющей около 74% выборки в оба исследуемых периода, являются заголовки объемом от 6 до 10 слов (до 90 знаков). Этот показатель демонстрирует высокую стабильность: удельный вес таких заголовков составил 77% (РБК), 78–79% (РИА Новости) и 53–56% (Интерфакс). При этом наиболее лаконичные форматы (до 3 слов, или 30 знаков) занимают лишь около 1% корпуса в 2023 году, что свидетельствует об их незначительном, но систематическом присутствии в медиапотоке, подробнее в таблицах №1–2.

Таблица №1. Данные 2023 года: РБК, РИА Новости, Интерфакс

Корреляция между кол-вом слов и символов в заголовках СМИ	Значение, шт	Процент, %
до 3 слов (до 30 символов)	20	1
от 4 до 5 слов (до 60 символов)	74	2
от 6 до 10 слов (до 90 символов)	2217	74
от 11 до 15 слов (до 100 символов)	679	23
от 16 до 20 слов (до 100 символов)	10	0
Итого	3000	100

Таблица №2. Данные 2026 года: РБК, РИА Новости, Интерфакс

Корреляция между кол-вом слов и символов в заголовках СМИ	Значение, шт	Процент, %
до 3 слов (до 30 символов)	1	0
от 4 до 5 слов (до 60 символов)	87	3
от 6 до 10 слов (до 90 символов)	2212	74
от 11 до 15 слов (до 115 символов)	679	23
от 16 до 20 слов (до 117 символов)	21	1
Итого	3000	100

Статистический анализ выявил специфику формальных ограничений длины заголовков у разных агентств. В материалах РБК и РИА Новости наблюдается жесткое соблюдение лимита: у РБК заголовки не превышают 73 символов в 2023 году и 74 символов в 2026 году, а у РИА Новости максимальная длина составила 76 символов в 2023 году. При этом для Интерфакса и РИА Новости был зафиксирован более широкий диапазон — до 100 символов в 2023 году и до 117 символов в 2026-м, что указывает на незначительную тенденцию к увеличению объема символов/знаков для заголовков категории 11–20 слов.

Установленные лимиты могут быть связаны с правилами цифровых платформ, где действует программное ограничение на отображение заголовков. Более длинные заголовки из-за превышения допустимой длины могут быть адаптированы, что демонстрирует пример: полный заголовок «В Петербурге вновь объявили желтый уровень погодной опасности из-за

мороза» в ленте отображается в усеченном виде «В Петербурге вновь объявили желтый уровень погодной опасности из-за...». Данное ограничение может быть обусловлено типизированной версткой и адаптации контента под мобильные устройства, где информационные блоки имеют заданные параметры отображения. Таким образом, формальная структура заголовков определяется не только редакционной политикой, но и форматами отображения на медиаплатформах.

Общий тренд на использование кратких заголовков подтверждается данными по всем агентствам: доминирование формата 6–10 слов (до 90 знаков) при статистически подтвержденной стабильности его доли (около 74%), заголовки объемом до 5 слов (не более 60 символов) неизменно составляют около 3% новостного потока в оба исследуемых периода. Наиболее протяженные форматы (от 16 до 20 слов), являющиеся отклонением от доминирующей тенденции на минимизацию, встречаются крайне редко — 0% в 2023 году и 1% в 2026 году, причем преимущественно в ленте Интерфакса.

Данный анализ подтверждает, что редакционная политика информационных агентств в целом соответствует распространенным рекомендациям по длине заголовков (50–70 знаков, или « 7 ± 2 » слова). Эта норма имеет не только практическое, но и когнитивное обоснование: она соотносится с моделью оперативной рабочей памяти, в соответствии с которой объем внимания эффективно обрабатывает информацию, не превышающую (так называемый, закон числа « 7 ± 2 », сформулированный психологом Джорджем Миллером в 1956 году) «семь плюс-минус две» единицы на одном из уровней когнитивной архитектуры [19, с. 166]. Таким образом, формальные ограничения длины заголовка обусловлены фундаментальными механизмами восприятия информации человеком.

Полученные данные эмпирически подтверждают общий тренд на минимизацию текстовых форм в условиях информационной избыточности. Эта тенденция согласуется с глобальной динамикой, выявленной, в частности, платформой BuzzSumo: если в 2017 году оптимальный объем заголовка составлял 15 слов (95 знаков), то к 2021 году он сократился до 11 слов (65 знаков) [5]. Наблюдаемое сжатие примерно на 30 символов наглядно иллюстрирует эволюцию медиаконтента в сторону сверхкратких форм, где лаконичность становится ключевым условием коммуникативной эффективности в интенсивном информационном потоке. Таким образом, количественный анализ не только верифицирует предложенную классификацию, но и фиксирует объективную тенденцию к компрессии, реализующей стратегию «минимакса» в современной публицистике.

Качественный анализ: категориальные аспекты. После количественного выявления сверхкратких текстов в корпусе был проведен их углубленный категориальный анализ. Его целью стала оценка коммуникативной достаточности этих форматов — то есть их способности выполнять полноценную текстовую функцию при минимальном объеме. На основе метода исследовательской интроспекции были систематизированы общие характеристики, присущие заголовкам выборки 2023 и 2026 годов по ключевым аспектам.

Информативность сверхкратких заголовков чрезвычайно высока и достигается за счет прямой номинации события, его субъектов, а часто — локации и времени. Это обеспечивает максимальную плотность данных, позволяя читателю получить ключевую информацию без немедленного перехода к полному тексту.

Адресованность в основном носит массовый, недифференцированный характер, так как заголовки охватывают широкий спектр тем. В отдельных случаях наблюдается узкая профессиональная или демографическая таргетированность, ориентирующая сообщение на конкретную аудиторию.

Завершенность заголовков относительна: они представляют собой синтаксически законченные единицы, но семантически выступают как анонсы, формирующие интенцию к прочтению статьи и завершающие информационный цикл только в связке с основным материалом, оставаясь при этом автономными элементами новостной сводки.

Делимость проявляется в возможности сегментации текста на формальные лексические единицы (слова) и ключевые смысловые компоненты, соответствующие базовым вопросам новости (кто, что, где, когда, как). Эти элементы могут быть извлечены с сохранением базового понимания сути сообщения, хотя для глубокой и точной интерпретации необходимо обращение к полному тексту статьи.

Интегративность обеспечивается грамматическими и лексическими связями внутри заголовка, объединяющими разрозненные факты в связное высказывание, а на уровне ленты — общей рубрикацией и хронологической последовательностью.

Когезия поддерживается стандартными синтаксическими конструкциями, обеспечивающими грамматическую и логическую связность элементов высказывания.

Пресуппозиция играет критическую роль, требуя от читателя фоновых знаний (о политическом контексте, географии, публичных лицах) для мгновенной интерпретации; без этого контекста декодирование заголовка затруднено.

Континуум ленты создает эффект непрерывного потока событий, где каждый заголовок становится частью обновляемой картины мира, подчеркивая динамику медиасреды.

Проспекция является основной функцией: заголовок предвосхищает содержание статьи, обещает детализацию и стимулирует переход к следующему информационному блоку.

Социологичность выражена ярко, поскольку заголовки репрезентируют ключевые социальные, политические и экономические процессы, выступая индикатором общественной повестки.

Образность, как правило, минимальна и подчинена нейтральному информационному стилю. Редкие метафоры или фразеологизмы служат для эмоционального акцента и повышения запоминаемости на общем нейтральном фоне.

Для углубленного исследования был проведен категориальный анализ минимальных по длине заголовков, выявленных в ленте РБК.

В 2023 году таким примером стал номинативный заголовок «Герои РБК» (2 слова, 9 знаков). Его исключительная лаконичность (доля подобных форматов не превышала 2%) демонстрирует работу стратегии «минимакса». Структурно это сочетание нарицательного существительного с брендом-аббревиатурой, что является типичным приемом лексической компрессии. Категориальный анализ выявляет его как семиотически насыщенный гибрид: высокая информативность и интегративность достигаются за счет пресуппозиции (знание бренда и контекста деловой журналистики) и семантической когезии («герои» + «РБК»). Заголовок адресован одновременно массовой и профессиональной аудитории, обладает формальной завершенностью и условной делимостью. Его проспективная функция (указание на серию материалов) сочетается с ретроспекцией к жанру персонифицированных рейтингов. Социологичность проявляется в ориентации на статусные группы, а образность строится на метафоре «героев» бизнеса, что позволяет тексту функционировать как инструмент формирования повестки и мифотворчества.

В 2026 году минимальным заголовком РБК стало сообщение «Событие для руководителей» (3 слова, 25 знаков). Его ключевыми категориями выступают адресованность и социологичность, четко сегментирующие аудиторию и конструирующие групповую идентичность. При формальной

завершенности и безупречной когезии самостоятельная информативность заголовка минимальна, что компенсируется высокой делимостью и интегративностью его компонентов. Декодирование требует обширной пресуппозиции (понимания специфики управленческих практик), что создает континуум ожидания. Основная функция — проспективная: заголовок служит обещанием деталей, а его образность носит социально-статусный характер, активируя ассоциации с корпоративной иерархией. Оба кейса подтверждают, что даже в сверхкраткой форме реализуется полный набор текстовых категорий, обеспечивающих коммуникативную достаточность.

Полученные в ходе исследования количественные данные подтверждают и конкретизируют эмпирические правила, сформулированные в более ранних работах по медиаоптимизации. В частности, популярный в профессиональных источниках информации 2010-х годов тезис о необходимости ограничивать заголовок примерно 6 словами или 60 символами [11] находит свое статистическое обоснование в анализируемом корпусе. Установленная доминанта формата в 6–10 слов и выявленные программные ограничения платформ, например обрезка строки после 70 символов, свидетельствуют, что эти рекомендации были не просто эвристикой, а прагматическим откликом на когнитивные паттерны восприятия и требования цифровой верстки. Идея о том, что заголовок, превышающий длину одной строки, теряет эффективность, получает подтверждение в наблюдаемой редакционной практике ведущих агентств, сознательно адаптирующих свои сообщения под алгоритмы агрегаторов и паттерны сканирующего чтения пользователей. Таким образом, современные стандарты длины оказываются результатом конвергенции эмпирического опыта, технических ограничений и подтвержденных данным исследованием закономерностей коммуникативной достаточности.

Заключение

Проведенное исследование позволило дать комплексную характеристику феномену сверхкратких текстов (MicroT) в современной медиасреде. Разработанная на основе теории И.Р. Гальперина и дополненная новыми аспектами (адресованность, социологичность, образность) категориальная модель доказала свою эффективность для анализа структуры и функций предельно лаконичных сообщений. Количественный анализ корпуса из 6000 заголовков ведущих российских агентств выявил устойчивую доминанту формата 6–10 слов (до 90 знаков), что составляет около 74% новостного потока и статистически подтверждает действие принципа «минимакса» — достижения максимальной смысловой плотности при минимальном объеме.

Результаты работы имеют теоретическую и практическую значимость. С теоретической точки зрения, исследование верифицирует универсальность классических текстовых категорий для новых медиаформатов и обосновывает стратегию «минимакса» как системообразующую для цифровой коммуникации. На практике полученные данные предоставляют научно обоснованный инструментарий для анализа и проектирования эффективных заголовков, соответствующих как когнитивным ограничениям восприятия («правило 7 ± 2 »), так и техническим требованиям платформ и агрегаторов. Таким образом, работа вносит вклад в преодоление разрыва между лингвистической теорией текста и актуальными практиками контент-производства, устанавливая конкретные параметры коммуникативной достаточности для сверхкратких форм в массмедиа.

Литература

1. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе: учеб. пособие для студентов вузов / Ю.С. Бернадская. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 288 с.
2. Береговская Э.М. Стилистика однофразового текста: на материале русского, французского, английского и немецкого языков / Э.М. Береговская. – М.: URSS, 2015. – 344 с.
3. Башкатова Н.В. Классификация сверхкоротких текстов / Н.В. Башкатова // Вестник филологических наук. – 2024. – Т. 4, № 3. – С. 187–193.
4. Бацанина М.С. Информационный анализ лент деловых новостей / М.С. Бацанина // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2013. – Т. 201. – С. 135–141.
5. BuzzSumo's 2021 Research: Analysis of 100m Headlines [Electronic resource] // BuzzSumo. – 2021. – URL: <https://buzzsumo.com/blog/most-shared-headlines-study/> (дата обращения: 07.02.2026).
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 137 с.
7. Гершанова А.Ф. О роли дискурсивных единиц в формировании коммуникативной компетенции при обучении русскому языку как иностранному // Cross-Cultural Studies: Education and Science. – 2018. – №. 3. – С. 254–259.
8. Гуня Ф.А. Бильдлингвистический подход к анализу креолизованного (поликодового) текста / Ф. А. Гуня // Организационная психолингвистика. – 2025. – № 4 (32). – С. 44–66.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1863–1866. – Т. 4. – 704 с.
10. Дугарова Т.Ц. Отечественная и зарубежная практика организационной психолингвистики / Т.Ц. Дугарова, Т.Ж.Ц. Дугаров, И.В. Бадиев // Организационная психолингвистика. – 2025. – № 4 (32). – С. 11–30. – URL: <https://psycholinguistic.ru> (дата обращения: 25.02.2026).
11. Дубей Г. Gaurav Dubey. Accurate length of Title and Meta Description in Google [Electronic resource]– 2024. – URL: <https://gauravdubey.in/accurate-length-of-title-and-meta-description-in-google/> (дата обращения: 07.02.2026).
12. Желтухина М.Р. Манипулятивное воздействие темы электронного письма в американской политической email-рассылке / М.Р. Желтухина, И.П. Спорова // Организационная психолингвистика. – 2025. – № 4 (32). – С. 31–43.
13. Ильенко С.Г. Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц

//Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц. – 1990. – С. 4–19.

14. *Интерфакс: [канал на платформе Дзен]* // Дзен. – URL: <https://dzen.ru/interfax> (дата обращения: 07.02.2026).

15. *Карпова Е.В.* Стратегии вежливости в современном английском языке: на материале малоформатных текстов: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Карпова. – СПб., 2002. – 180 с.

16. *Коновалова Т.Р.* Нарушения механизма текстообразования / Т.Р. Коновалова // Вопросы стилистики: межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во СГУ, 1992. – Вып. 24. – С. 112–124.

17. *Корбут А.Ю.* Текстосимметрия: монография / А.Ю. Корбут. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2004. – 200 с.

18. *Корбут А.Ю.* Текстосимметрия как раздел общей теории текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.Ю. Корбут. – Барнаул, 2005. – 36 с.

19. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

20. *РБК: [официальный сайт]*. – URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 07.02.2026).

21. *РИА Новости: [канал на платформе Дзен]* // Дзен. – URL: <https://dzen.ru/rianews> (дата обращения: 07.02.2026).

22. *Слышкин Г.Г.* Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин М.А. Ефремова. – М.: Водолей Publishers, 2004. – 153 с.

23. *Сорокин Ю.А.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. – С. 180–186.

24. *Васильева Т.В.* Когнитивно-функциональные аспекты заголовка (на материале современного американского рассказа): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Васильева. – М., 2005. – 24 с.

25. *Яндекс. Справка. Требования к заголовкам* // Яндекс. – URL: <https://yandex.ru/support/news/requirements/headers.html> (дата обращения: 28.03.2022).

26. *Черногрудова Е.П.* Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике: на материале центральной, региональной и местной прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. П. Черногрудова. – Воронеж, 2003. – 20 с.

27. *Wundt W.* Principles of Physiological Psychology [Electronic resource] / W. Wundt; transl. from the 5th Germ. ed. by E. B. Titchener. – London: Sonnenschein; New York: Macmillan, 1904. – Vol. 1. – URL: <https://psychclassics.yorku.ca/Wundt/Physio/> (дата обращения: 25.02.2026).

References

1. *Bernadskaya Yu.S.* Tekst v reklame: ucheb. posobie dlya studentov vuzov. M.: YuNITI-DANA, 2008. 288 s.
2. *Bergovskaya E.M.* Stilistika odnofrazovogo teksta: na materiale russkogo, frantsuzskogo, angliyskogo i nemetskogo yazykov. M.: URSS, 2015. 344 s.
3. *Bashkatova N.V.* Klassifikatsiya sverkhkorotkikh tekstov // Vestnik filologicheskikh nauk. 2024. T. 4, № 3. S. 187–193.
4. *Batsanina M.S.* Informatsionnyy analiz lent delovykh novostey // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultury. 2013. T. 201. S. 135–141.
5. *BuzzSumo's 2021 Research: Analysis of 100m Headlines* [Electronic resource] // BuzzSumo. 2021. URL: <https://buzzsumo.com/blog/most-shared-headlines-study/> (data obrashcheniya: 07.02.2026).
6. *Galperin I.R.* Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 1981. 137 s.
7. *Gershanova A.F.* O roli diskursivnykh edinits v formirovanii kommunikativnoy kompetentsii pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2018. S. 254–258.
8. *Gunya F.A.* Bildlingvisticheskiy podkhod k analizu kreolizovannogo (polikodovogo) teksta // Organizatsionnaya psikholingvistika. 2025. № 4 (32). S. 44–66.
9. *Dal V.I.* Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. SPb.; M.: Izd. M.O. Volfa, 1863–1866. T. 4. 704 s.
10. *Dugarova T.Ts., Dugarov T-Zh.Ts., Badiev I.V.* Otechestvennaya i zarubezhnaya praktika organizatsionnoy psikholingvistiki // Organizatsionnaya psikholingvistika. 2025. № 4 (32). S. 11–30. URL: <https://psycholinguistic.ru> (data obrashcheniya: 25.02.2026).
11. *Dubey G.* Accurate length of Title and Meta Description in Google [Electronic resource]. 2024. URL: <https://gauravdubey.in/accurate-length-of-title-and-meta-description-in-google/> (data obrashcheniya: 07.02.2026).
12. *Zheltukhina M.R., Sporova I.P.* Manipulyativnoe vozdeystvie temy elektronnoy pisma v amerikanskoj politicheskoy email-rassylke // Organizatsionnaya psikholingvistika. 2025. № 4 (32). S. 31–43.
13. *Ilyenko S.G.* Tekstovyy aspekt v izuchenii sintaksicheskikh edinits. L.: Izd-vo LGU, 1990. 164 s.
14. *Interfaks: [kanal na platforme Dzen]* // Dzen. URL: <https://dzen.ru/interfax> (data obrashcheniya: 07.02.2026).
15. *Karpova E.V.* Strategii vezhlivosti v sovremennom angliyskom yazyke: na materiale maloformatnykh tekstov: dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2002. 180 s.

16. *Konovalova T.R.* Narusheniya mekhanizma tekstoobrazovaniya // *Voprosy stilistiki: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov.* Saratov: Izd-vo SGU, 1992. Vyp. 24. S. 112–124.
17. *Korbut A.Yu.* Tekstosimmetrika: monografiya. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. ped. un-ta, 2004. 200 s.
18. *Korbut A.Yu.* Tekstosimmetrika kak razdel obshchey teorii teksta: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Barnaul, 2005. 36 s.
19. *Makarov M.L.* Osnovy teorii diskursa. M.: ITDGK «Gnozis», 2003. 280 s.
20. RBC: [ofitsialnyy sayt]. URL: <https://www.rbc.ru> (data obrashcheniya: 07.02.2026).
21. *RIA Novosti: [kanal na platforme Dzen]* // Dzen. URL: <https://dzen.ru/rianews> (data obrashcheniya: 07.02.2026).
22. *Slyshkin G.G., Efremova M.A.* Kinotekst (opyt lingvokulturologicheskogo analiza). M.: Vodoley Publishers, 2004. 153 s.
23. *Sorokin Yu.A., Tarasov E.F.* Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya.* M., 1990. S. 180–186.
24. *Vasilyeva T.V.* Kognitivno-funktsionalnye aspekty zagolovka (na materiale sovremennogo amerikanskogo rasskaza): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005. 24 s.
25. *Yandeks. Spravka. Trebovaniya k zagolovkam* // Yandeks. URL: <https://yandex.ru/support/news/requirements/headers.html> (data obrashcheniya: 28.03.2022).
26. *Chernogradova E.P.* Zagolovki s pretsedentnymi tekstami v sovremennoy publitsistike: na materiale tsentralnoy, regionalnoy i mestnoy pressy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2003. 20 s.
27. *Wundt W.* Principles of Physiological Psychology [Electronic resource] / transl. from the 5th Germ. ed. by E.B. Titchener. London: Sonnenschein; New York: Macmillan, 1904. Vol. 1. URL: <https://psychclassics.yorku.ca/Wundt/Physio/> (data obrashcheniya: 25.02.2026).

Статья поступила в редакцию 11.02.2026. Принята к публикации 15.03.2026
The paper was submitted on 11.02.2026. Accepted for publication 15.03.2026

Башкатова Наталья Валерьевна, соискатель Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия)

Bashkatova Natalya Valerievna, Applicant at Belgorod State University (Russia)

УДК 159.9:398.2

Башлыкова О.В.

Воронежский экономико-правовой институт
394033, Ленинский пр-т, д. 119 А,
г. Воронеж Россия
olga-khvorostova@yandex.ru

МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СКАЗКАХ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье исследуется специфика репрезентации эго-защитных механизмов в дискурсивном пространстве волшебной сказки. Осуществлен теоретический синтез психоаналитических концепций (З. Фрейд, А. Фрейд, К. Хорни) и положений отечественной педагогической психологии относительно генезиса и функционирования защитных стратегий личности. Обосновывается тезис о сказке как о культурно-символическом медиаторе, опосредующем процесс интериоризации ребенком адаптивных и дезадаптивных паттернов совладания с тревогой. На материале русского фольклора («Колобок», «Иван-царевич и Серый волк», «Морозко», «Гуси-лебеди», «Царевна-лягушка») и западноевропейской литературной сказки (Ш. Перро, Г.Х. Андерсен, А. Линдгрэн, А. де Сент-Экзюпери) проведена дифференциация примитивных (архаических) и зрелых (вторичных) защит. Раскрыт педагогический потенциал сказочного нарратива как инструмента фасилитации эмоциональной устойчивости, формирования позитивной Я-концепции и расширения репертуара копинг-стратегий в онтогенезе. Сформулирован вывод о психопрофилактической функции сказки, обеспечивающей гармонизацию аффективной и когнитивной сфер развития ребенка.

Ключевые слова: интрапсихическая защита, когнитивно-поведенческие паттерны, сказочный дискурс, психоаналитическая герменевтика, возрастная психология, символическое опосредование, идентификация, сублимация, резильентность.

Для цитирования: Башлыкова О.В. Механизмы психологической защиты в российских и зарубежных сказках: психоаналитический и педагогический аспекты // Организационная психолингвистика. – 2026. – № 1(33). – С. 66–79.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

© Башлыкова О.В., 2026

Bashlykova O.V.
Voronezh Economic and Law Institute
Voronezh, Russia

DEFENSE MECHANISMS IN RUSSIAN AND FOREIGN FAIRY TALES: PSYCHOANALYTIC AND PEDAGOGICAL ASPECTS

Abstract. The article examines the specific representation of ego defense mechanisms in the discursive space of fairy tales. A theoretical synthesis of psychoanalytic concepts (S. Freud, A. Freud, K. Horney) and propositions of Russian pedagogical psychology concerning the genesis and functioning of personal defense strategies is carried out. The thesis of the fairy tale as a cultural-symbolic mediator mediating the child's process of interiorizing adaptive and maladaptive patterns of coping with anxiety is substantiated. Based on Russian folklore ("Kolobok", «Ivan Tsarevich and the Grey Wolf», "Morozko", "The Geese-Swans", "The Frog Princess") and Western European literary fairy tales (Ch. Perrault, H.C. Andersen, A. Lindgren, A. de Saint-Exupéry), a differentiation between primitive (archaic) and mature (secondary) defenses is made. The pedagogical potential of the fairy tale narrative as a tool for facilitating emotional stability, forming a positive self-concept, and expanding the repertoire of coping strategies in ontogenesis is revealed. A conclusion about the psychoprophylactic function of the fairy tale, which ensures the harmonization of the affective and cognitive spheres of a child's development, is formulated.

Keywords: intrapsychic defense, cognitive-behavioral patterns, fairy tale discourse, psychoanalytic hermeneutics, developmental psychology, symbolic mediation, identification, sublimation, resilience.

Cite as: *Bashlykova O.V.* Defense Mechanisms in Russian and Foreign Fairy Tales: Psychoanalytic and Pedagogical Aspects // *Organizational Psycholinguistics*. – 2026. – No. 1(33). – pp. 66–79.

Введение

Проблематика формирования механизмов совладания личности (coping behavior) в детском возрасте традиционно находится в фокусе междисциплинарных исследований. Онтогенетическое становление эго-защит представляет собой сложный процесс, детерминированный как эндогенными факторами (созревание психических структур), так и экзогенными влияниями (характер социализации, культурные паттерны). Бессознательные стратегии редукции тревоги, будучи амбивалентными по своей природе, могут как способствовать адаптации, ограждая незрелую психику от дезинтеграции, так и продуцировать искаженную когнитивную репрезентацию реальности, закрепляя дезадаптивные стереотипы

поведения. В связи с этим особую значимость приобретает изучение культурных источников, транслирующих ребенку эти стратегии.

Сказка как феномен коллективного бессознательного и продукт индивидуального творчества издавна привлекает внимание исследователей благодаря своей способности в имплицитной, символической форме объективировать глубинные психодинамические конфликты. Вслед за К.Г. Юнгом и его последователями, мы можем рассматривать сказочный нарратив как архетипическую матрицу, в которой закодированы универсальные способы взаимодействия с экзистенциальными страхами. Современная педагогическая психология и психотерапия (в частности, сказкотерапия) активно используют этот потенциал, однако системный анализ конкретных защитных механизмов, дифференцированных по критерию онтогенетической зрелости и адаптивности, представлен в научной литературе фрагментарно.

Целью настоящей работы выступает психоаналитическая экспликация и педагогическая интерпретация первичных и вторичных защитных механизмов, объективированных в сюжетах российских и зарубежных сказок, а также обоснование воспитательного потенциала сказки как средства формирования стрессоустойчивости и гармоничной Я-концепции у детей.

Эволюция представлений о психологической защите в западной и отечественной научной традиции

Генезис концепта «психологическая защита» неразрывно связан с развитием психоаналитической парадигмы. В ранних работах З. Фрейда защита трактовалась как интрапсихическая деятельность Я, направленная на элиминацию неприемлемых для сознания влечений Оно, что обеспечивает гомеостаз психики ценой частичного искажения субъективной картины мира [14]. Впоследствии З. Фрейд дифференцировал защиту как общий

механизм и вытеснение как его частную форму, заложив основы для дальнейшей классификации.

Фундаментальная систематизация защитных механизмов принадлежит А. Фрейд, которая не только описала их феноменологию, но и ввела важнейший критерий — возрастную динамику. В своей монографии «Психология Я и защитные механизмы» она убедительно показала, что на ранних этапах онтогенеза доминируют примитивные, архаичные защиты (отрицание, проекция, регрессия), что коррелирует с недифференцированностью когнитивных структур и диффузным характером аффективных переживаний [13, с. 41–43]. Эти механизмы выполняют роль буфера, амортизирующего столкновение незрелого Эго с мощными импульсами Ид и требованиями реальности.

Существенная трансформация понимания защит произошла в русле неофрейдизма. К. Хорни сместила фокус анализа с внутриспсихических влечений на межличностную и социокультурную детерминацию базовой тревоги. Согласно Хорни, чувство небезопасности, генерируемое в пространстве отношений, актуализирует защитные стратегии, направленные на совладание с переживанием изоляции и отчуждения [15, с. 217]. Данный подход легитимировал педагогическую интерпретацию защит как результата интернализации социальных отношений и культурных образцов.

Отечественная психологическая школа, опираясь на культурно-историческую теорию Л.С. Выготского, рассматривает психологическую защиту в контексте адаптации и социализации. Так, Л.Д. Демина определяет защитные механизмы как регулятивную систему, обеспечивающую субъективное благополучие в условиях внутреннего конфликта или стрессогенного воздействия среды [8, с. 17]. Е.С. Романова и Л.Р. Гребенников акцентируют связь защитных паттернов с процессами формирования устойчивых поведенческих стратегий, детерминирующих

эмоциональную стабильность субъекта [11, с. 52]. В работах В.Г. Белова с соавторами подчеркивается интегративная функция защит как фактора, обеспечивающего личностную устойчивость в процессе онтогенеза [2].

Таким образом, теоретический синтез западных и отечественных подходов позволяет интерпретировать психологическую защиту не столько как патологический феномен, сколько как универсальный механизм психической адаптации, культурные репрезентации которого ребенок усваивает через нарративные практики, важнейшей из которых является сказка. Сказка выступает семиотическим пространством, фиксирующим и транслирующим модели реагирования на фрустрацию, тревогу и страх [1].

Сказочный нарратив как пространство символического моделирования защитных процессов

В рамках психоаналитической герменевтики сказка интерпретируется как символическая проекция как коллективного бессознательного, так и индивидуальных психодинамических конфликтов (страх сепарации, эдипальные переживания, кастрационная тревога в метафорическом выражении). По мысли А. Фрейд, именно дистанцированность сказочного сюжета от непосредственной реальности ребенка создает особую «психологическую нишу» — безопасное пространство, в котором через механизм идентификации с персонажем становится возможным проживание пугающих аффектов без риска реальной травматизации [13, с. 58]. В терминологии Д. Винникотта, сказка функционирует как переходное пространство (англ. *transitional space*), где субъективная реальность и объективная данность вступают в диалог, а первичные импульсы обретают социально приемлемую форму выражения.

С педагогической точки зрения ключевой функцией сказки является символизация аффекта. Деструктивные влечения (агрессия, зависть,

жадность) в сказочном дискурсе не элиминируются, а трансформируются: агрессия сублимируется в героический подвиг, тревога — в мотив поиска и исследования, переживание одиночества — в обретение сакрального или социального Другого. Эти сюжетные трансформации представляют собой наглядную модель сублимации, которую З. Фрейд считал основой культурогенеза. Как отмечает И.В. Вачков, проживание катарсиса в процессе восприятия сказки способствует развитию эмоциональной саморегуляции и обогащает поведенческий репертуар ребенка конструктивными копинг-стратегиями [4]. Т.В. Гоман дополняет этот тезис, указывая на роль сказки в конструировании Я-концепции: ребенок выстраивает образ себя, соотнося собственные переживания и поступки с нарративом о судьбе героя [7].

Экспликация защитных механизмов в поведенческих паттернах сказочных персонажей

Опираясь на классическую дихотомию, А. Фрейд, представляется целесообразным разделить анализируемые механизмы на две группы: первичные (примитивные, архаичные), генетически связанные с ранними стадиями психосексуального развития, и вторичные (более зрелые), предполагающие сложную когнитивную переработку аффективного материала.

Архаические защиты (примитивного порядка)

Отрицание (Negation). Данный механизм функционирует как отказ перцептивной и когнитивной систем воспринимать травмирующие аспекты внешней реальности. В русском фольклорном фонде наиболее репрезентативным примером выступает поведение Колобка. Нарратив демонстрирует инфантильное отрицание опасности, сопряженное с иллюзией собственного могущества и неуязвимости. Трагическая развязка сюжета выполняет дидактическую функцию, наглядно свидетельствуя о

несостоятельности данной стратегии в условиях экзистенциальной угрозы. В западноевропейской традиции аналогичный паттерн можно верифицировать на примере Красной Шапочки (в версии Ш. Перро), чья неспособность распознать вербальные и невербальные маркеры угрозы, исходящей от волка, обусловлена незрелостью когнитивных схем оценки риска, характерной для определенного возрастного этапа.

Проекция (Projection). Механизм, обеспечивающий перенос субъективно неприемлемых импульсов и качеств на внешний объект с целью сохранения позитивной Я-концепции. В сказке «Морозко» мачеха наделяет падчерицу собственной жестокостью и завистью, что позволяет ей не осознавать эти качества в себе. Сходная интрапсихическая динамика прослеживается в «Царевне-лягушке», где старшие снохи проецируют на Василису чувство собственной неполноценности и несостоятельности. В зарубежном сказочном дискурсе наиболее ярким репрезентантом тотальной проекции является Снежная королева (Г.Х. Андерсен): ее внутренняя эмоциональная опустошенность и холодность проецируются на мир, превращая его в царство вечного льда. Педагогическая ценность анализа данного механизма заключается в демонстрации ребенку необходимости рефлексивного отделения собственных качеств от приписываемых Другим.

Регрессия (Regression). Возврат к онтогенетически более ранним, инфантильным формам поведения в ответ на фрустрирующую ситуацию. Героиня сказки «Гуси-лебеди», обнаружив утрату брата, первоначально демонстрирует регрессивный паттерн — беспомощность и аффективный плач, что является естественной первичной реакцией на стресс высокой интенсивности. Персонажи «Курочки Рябы» (старик и старуха) в ряде фольклорных обработок реагируют на разбитое яйцо аффективной регрессией, сила которой явно неадекватна масштабу утраты, что сигнализирует о высокой субъективной значимости объекта. В зарубежной

литературе образ Питера Пэна (Дж. Барри) может быть интерпретирован как фиксация на регрессивной модели поведения, избранной в качестве универсальной защиты от тревог взросления и ответственности. Адаптивный потенциал регрессии, как временного отказа от сложных форм поведения ради восстановления ресурса, иллюстрирует Карлсон (А. Линдгрэн), чей инфантилизм становится инструментом получения эмоциональной поддержки и игрового взаимодействия.

Зрелые (вторичные) защитные механизмы

Рационализация (Rationalization). Конструкция псевдологических, внешне связанных объяснений собственного поведения, истинные мотивы которого остаются неосознанными. Емеля из сказки «По щучьему велению» демонстрирует пассивную жизненную позицию, маскируемую установкой «авось», которая выступает рационализацией глубинного страха перед активным действием и ответственностью. В «Русалочке» Г.Х. Андерсена самопожертвование героини сопровождается рационализацией утраты голоса и физического страдания во имя высокой идеи любви, что позволяет снизить остроту интрапсихического конфликта между желанием и реальностью. С педагогической точки зрения важно акцентировать амбивалентность рационализации: она способна как редуцировать тревогу, так и закреплять деструктивные, саморазрушительные паттерны поведения.

Интеллектуализация (Intellectualization). Механизм, предполагающий смещение фокуса внимания с эмоционального переживания ситуации на ее абстрактно-логический анализ. Образ Елены Премудрой персонифицирует стратегию решения проблемных задач преимущественно через интеллектуальные операции при сохранении эмоциональной сдержанности. Герда в «Снежной королеве» демонстрирует конструктивную форму интеллектуализации, трансформируя аффект страха в последовательный когнитивный план действий, мобилизующий все доступные ресурсы

личности. Кот в сапогах (Ш. Перро) использует интеллект как компенсаторный инструмент для нивелирования социальной уязвимости своего хозяина, что является примером инструментальной интеллектуализации.

Компенсация и гиперкомпенсация (Compensation, Overcompensation). Стратегия, направленная на восполнение реального или мнимого дефицита (физического, социального, психологического) путем развития альтернативных качеств или функций. Илья Муромец в былинно-сказочном дискурсе является классическим примером гиперкомпенсации: период физического бессилия сменяется обретением богатырской мощи, символизирующей трансформацию дефицита в сверхресурс. Иван-дурак, занимающий низкое социальное положение, компенсирует этот статус нравственной интактностью и способностью к продуктивному диалогу с ирреальным (магическим) миром. Золушка (Ш. Перро) демонстрирует компенсаторную функцию труда и внутренней чистоты, позволяющих сохранить личностную целостность в условиях хронической депривации любви и признания.

Сублимация (Sublimation). Высший уровень защиты, при котором энергия первичных, социально неприемлемых влечений трансформируется в социально одобряемую, творческую деятельность. В сказке В. Гауфа «Карлик Нос» протагонист сублимирует травму утраты идентичности и социальную изоляцию в высокое кулинарное мастерство, достигая тем самым признания и восстанавливая нарушенные связи с миром. Маленький принц (А. де Сент-Экзюпери) сублимирует экзистенциальное одиночество и переживание конечности бытия в заботу о Розе и построение уникальной аксиологической системы. Данный нарратив обладает мощнейшим воспитательным потенциалом, демонстрируя возможность конструктивной переработки страдания и обретения смысла.

Идентификация (Identification). Механизм уподобления значимому Другому, интериоризации его качеств и поведенческих паттернов с целью укрепления собственной Я-структуры. Иван-царевич в процессе взаимодействия с Серым Волком не просто получает помощь, но и интериоризирует его стратегическое мышление, решительность и знание «правил» волшебного мира. Сын мельника в «Коте в сапогах» последовательно присваивает уверенность, находчивость и социальную компетентность своего помощника. Для реципиента-ребенка эти сюжетные линии создают условия для символического присвоения моделей поведения, ведущих к личностному росту и социальной успешности.

Педагогический потенциал сказки в контексте формирования адаптивного защитного репертуара

Экстраполяция результатов анализа в плоскость практической педагогики и психологии развития позволяет концептуализировать сказку как действенный инструмент психопрофилактики и целенаправленного формирования резильентности.

1. Развитие рефлексивного мышления. Компаративный анализ поведенческих стратегий персонажей, использующих дезадаптивные (Колобок — отрицание) и адаптивные (Герда — интеллектуализация, мобилизация) защиты, позволяет в доступной форме транслировать ребенку знание о последствиях тех или иных копинг-стратегий.

2. Формирование эмоционального интеллекта. Идентификация с персонажем и эмпатическое вчувствование в его состояние способствуют развитию способности к распознаванию, дифференциации и вербализации эмоций (интра- и интерперсональный интеллект по Г. Гарднеру).

3. Обогащение «библиотеки сценариев» поведения. Сказка предлагает ребенку широкий спектр моделей поведения в трудных жизненных ситуациях: от поиска союзников (как в «Гусях-лебедях») до

мобилизации интеллектуальных ресурсов и хитрости (как в сказках с Еленой Премудрой или Котом в сапогах).

4. Коррекция и десенсибилизация страхов. Символическое, опосредованное переживание пугающих ситуаций (встреча с антагонистом — Бабой-Ягой, Кощеем, драконом) в безопасном, игровом пространстве сказки способствует снижению чувствительности к реальным стрессорам.

Таким образом, интеграция сказочного материала в образовательный процесс (уроки литературы, часы психологической разгрузки, тренинги личностного роста) позволяет решать комплексные задачи когнитивного, аффективного и ценностного развития, способствуя формированию у детей стрессоустойчивости, адекватной самооценки и гибкого поведенческого репертуара.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает исходную гипотезу о том, что сказка представляет собой уникальное культурно-психологическое образование, в структуре которого в символически опосредованной форме репрезентированы базовые механизмы интрапсихической защиты. Нарративная ткань сказки включает в себя как филогенетически и онтогенетически ранние, архаические стратегии совладания (отрицание, проекция, регрессия), так и зрелые механизмы, предполагающие сложную аффективно-когнитивную интеграцию (рационализация, сублимация, идентификация).

Сюжетная архитектура волшебной сказки, выстроенная по триадической схеме «дефицит / лиминальная фаза (испытания) / обретение целостности», объективирует процесс становления эго-идентичности и поиска ресурсов для преодоления экзистенциальных вызовов. Педагогическая ценность сказки детерминирована ее способностью

выполнять медиаторную функцию, обеспечивая ребенку безопасную навигацию в пространстве человеческих отношений и чувств. Через механизмы эмпатии, эмоционального заражения и идентификации происходит усвоение адаптивных форм психологической защиты, развитие эмоционального интеллекта и консолидация позитивной Я-концепции.

Перспективы дальнейшей разработки проблемы

Дальнейшие исследования могут быть направлены на эмпирическую верификацию корреляции между доминирующими сказочными предпочтениями и актуальным защитным профилем у детей различных возрастных когорт. Перспективным представляется сравнительный анализ репрезентации защитных механизмов в классическом фольклоре и современном медиаконтенте (анимационные фильмы, компьютерные игры), адресованном детской аудитории. Не менее актуальна разработка и апробация диагностических и коррекционно-развивающих программ, базирующихся на методологии сказкотерапии и интегрированных в систему общего и дополнительного образования.

Литература

1. *Арестова О.Н., Калинина Н.В.* Индивидуальные особенности функционирования защитных механизмов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 1. – С. 22–31.
2. *Белов В.Г.* Психологическая защита и ее роль в процессе формирования адаптационной системы человека / В.Г. Белов, Г.М. Бирюкова, В.В. Федоренко // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2011. – № 11(81). – С. 32–36.
3. *Беттельхейм Б.* Психоанализ волшебной сказки / Б. Беттельхейм. – М.: Академический проект, 2019. – 480 с.
4. *Вачков И.В.* Сказкотерапия в работе детского психолога / И.В. Вачков // Современное дошкольное образование. – 2008. – № 4. – С. 110–118.
5. *Винокурова И.В.* Использование сказки как приема в воспитании и развитии личности ребенка / И.В. Винокурова // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2016. – № 48. – С. 144–148.

6. *Выготский Л.С.* Психология искусства / Л.С. Выготский. – М.: Искусство, 1968. – 576 с.
7. *Гоман Т.В.* Сказка как средство становления Я-концепции и жизненных сценариев человека / Т.В. Гоман // Мир науки, культуры, образования. – 2007. – № 1(4). – С. 91–94.
8. *Демина Л.Д.* Психическое здоровье и защитные механизмы личности / Л.Д. Демина. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2012. – 132 с.
9. *Зинкевич-Евстигнеева Т.Д.* Практикум по сказкотерапии / Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева. – СПб.: Речь, 2013. – 320 с.
10. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Н. Мак-Вильямс. – М.: Класс, 2015. – 592 с.
11. *Романова Е.С.* Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование / Е.С. Романова, Л.Р. Гребенников. – Мытищи: Талант, 1996. – 144 с.
12. *Соколов Д.Ю.* Сказки и сказкотерапия / Д.Ю. Соколов. – М.: Класс, 2001. – 160 с.
13. *Фрейд А.* Эго и механизмы психологической защиты / А. Фрейд. – СПб.: АСТ, 2012. – 160 с.
14. *Фрейд З.* Психологические сочинения. Т. 4 / З. Фрейд. – М.: СТД, 2006. – 350 с.
15. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / К. Хорни. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 416 с.

References

1. *Arestova O.N.* Individual'nye osobennosti funktsionirovaniya zashchitnykh mekhanizmov [Individual characteristics of the functioning of defense mechanisms]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya, 2014, No. 1, pp. 22–31. (In Russian)
2. *Belov V.G., Biryukova G.M., Fedorenko V.V.* Psikhologicheskaya zashchita i ee rol' v protsesse formirovaniya adaptatsionnoy sistemy cheloveka [Psychological defense and its role in the formation of the human adaptation system]. Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta, 2011, No. 11(81), pp. 32–36. (In Russian)
3. *Bettelheim B.* Psikhooanaliz volshebnoy skazki [The Uses of Enchantment: The Meaning and Importance of Fairy Tales]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2019. 480 p. (In Russian)
4. *Vachkov I.V.* Skazkoterapiya v rabote detskogo psikhologa [Fairy tale therapy in the work of a child psychologist]. Sovremennoe doskol'noe obrazovanie, 2008, No. 4, pp. 110–118. (In Russian)

5. *Vinokurova I.V.* Ispol'zovanie skazki kak priema v vospitanii i razvitiu lichnosti rebenka [The use of fairy tales as a technique in the upbringing and development of a child's personality]. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*, 2016, No. 48, pp. 144–148. (In Russian)

6. *Vygotsky L.S.* *Psikhologiya iskusstva* [The Psychology of Art]. Moscow: Iskusstvo, 1968. 576 p. (In Russian)

7. *Goman T.V.* Skazka kak sredstvo stanovleniya Ya-kontseptsii i zhiznennykh stsenariiev cheloveka [Fairy tale as a means of forming the self-concept and life scenarios of a person]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2007, No. 1(4), pp. 91–94. (In Russian)

8. *Demina L.D.* *Psikhicheskoe zdorov'e i zashchitnye mekhanizmy lichnosti* [Mental health and protective mechanisms of personality]. Barnaul: Altai State University Publishing House, 2012. 132 p. (In Russian)

9. *Zinkevich-Evstigneeva T.D.* *Praktikum po skazkoterapii* [Workshop on fairy tale therapy]. St. Petersburg: Rech', 2013. 320 p. (In Russian)

10. *McWilliams N.* *Psikhoanaliticheskaya diagnostika: Ponimanie struktury lichnosti v klinicheskom protsesse* [Psychoanalytic Diagnosis: Understanding Personality Structure in the Clinical Process]. Moscow: Klass, 2015. 592 p. (In Russian)

11. *Romanova E.S., Grebennikov L.R.* *Mekhanizmy psikhologicheskoy zashchity: genesis, funktsionirovanie* [Mechanisms of psychological defense: genesis, functioning]. Mytishchi: Talant, 1996. 144 p. (In Russian)

12. *Sokolov D.Yu.* *Skazki i skazkoterapiya* [Fairy tales and fairy tale therapy]. Moscow: Klass, 2001. 160 p. (In Russian)

13. *Freud A.* *Ego i mekhanizmy psikhologicheskoy zashchity* [The Ego and the Mechanisms of Defense]. St. Petersburg: AST, 2012. 160 p. (In Russian)

14. *Freud S.* *Psikhologicheskie sochineniya* [Psychological Works]. Vol. 4. Moscow: STD, 2006. 350 p. (In Russian)

15. *Horney K.* *Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni. Samoanaliz* [The Neurotic Personality of Our Time. Self-Analysis]. Moscow: Ayris-Press, 2004. 416 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 27.02.2026. Принята к публикации 25.03.2026

The paper was submitted on 27.02.2026. Accepted for publication 25.03.2026

Башлыкова Ольга Васильевна, кандидат филологических наук, доцент Воронежского экономико-правового института (Россия)

Bashlykova Olga Vasilyevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at Voronezh Economic and Law Institute (Russia)

УДК 81'23

Грицай Л.А.

Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского
150000, Республиканская, 108/1
Ярославль, Россия
usan82@gmail.com

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ, СГЕНЕРИРОВАННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ (НА ПРИМЕРЕ СТАТЕЙ ПЛАТФОРМЫ «ДЗЕН»)

Аннотация. Статья посвящена комплексному психолингвистическому анализу текстов, сгенерированных системами искусственного интеллекта и опубликованных на платформе «Дзен», рассматриваемой как репрезентативная модель современной алгоритмически управляемой социальной медиа, в которой динамика распространения контента изначально определялась реакциями аудитории и встроенными рекомендательными механизмами, однако в последние годы существенно изменилась в связи с активным внедрением генеративных языковых моделей, что привело к увеличению доли текстов, лишенных индивидуального авторства. Актуальность исследования обусловлена тем, что массовое появление алгоритмически созданных публикаций трансформирует характер медиадискурса и ставит под вопрос устойчивость когнитивных стратегий читателя, поскольку до настоящего времени не установлено, каким образом стандартизированные, клишированные и структурно предсказуемые тексты влияют на процессы понимания, интерпретации и формирования ценностных установок. В исследовании выявляются психолингвистические параметры, отличающие сгенерированные тексты от авторских публикаций, а также определяются потенциальные различия в их воздействии на мышление и интерпретационные процессы адресата. В работе проводится сравнительный анализ системных психолингвистических различий между авторскими и сгенерированными публикациями на платформе «Дзен», а также определяется их потенциальное воздействие на когнитивные и аффективные механизмы адресата. Научная значимость исследования обусловлена тем, что проблема воздействия алгоритмически созданных текстов на когнитивные и аффективные механизмы читателя лишь начинает систематически осмысляться несмотря на то, что первые работы в области цифровой психолингвистики уже фиксируют специфику структурной предсказуемости и эмоциональной стандартизации подобных материалов.

Ключевые слова: психолингвистика, искусственный интеллект, медиадискурс, социальные медиа, Дзен, когнитивные процессы, алгоритмическая коммуникация.

Для цитирования: Грицай Л.А. Психолингвистический анализ текстов, сгенерированных искусственным интеллектом (на примере статей платформы «Дзен») // Организационная психолингвистика. – 2026. – № 1(33). – С. 80–110.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

© Грицай Л.А., 2026

Gritsai L.A.
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky
Yaroslavl, Russia

**PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS OF TEXTS GENERATED BY ARTIFICIAL
INTELLIGENCE
(USING THE EXAMPLE OF ZEN PLATFORM ARTICLES)**

Abstract. The article is devoted to a comprehensive psycholinguistic analysis of texts generated by artificial intelligence systems and published on the Zen platform, considered as a representative model of modern algorithmically controlled social media, in which the dynamics of content distribution was initially determined by audience reactions and built-in recommendation mechanisms, but in recent years has changed significantly due to the active introduction of generative language models, which led to an increase in the proportion of texts devoid of individual authorship. The relevance of the research is due to the fact that the mass appearance of algorithmically created publications transforms the nature of media discourse and calls into question the stability of the reader's cognitive strategies, since it has not yet been established how standardized, cliched and structurally predictable texts affect the processes of understanding, interpretation and formation of value attitudes. The study identifies the psycholinguistic parameters that distinguish the generated texts from the author's publications, as well as identifies potential differences in their impact on the addressee's thinking and interpretative processes. The paper provides a comparative analysis of the systemic psycholinguistic differences between author's and generated publications on the Zen platform, as well as their potential impact on the addressee's cognitive and affective mechanisms. The scientific significance of the research is due to the fact that the problem of the impact of algorithmically created texts on the cognitive and affective mechanisms of the reader is only beginning to be systematically understood, despite the fact that the first works in the field of digital psycholinguistics already record the specifics of the structural predictability and emotional standardization of such materials; the theoretical and practical significance of the work is determined by the contribution to the development of digital psycholinguistics and the possibility of using the results obtained when developing criteria for the examination of media content.

Keywords: psycholinguistics, artificial intelligence, media discourse, social media, Zen, cognitive processes, algorithmic communication.

Cite as: *Gritsai L.A.* Psycholinguistic analysis of texts generated by artificial intelligence (using the example of Zen platform articles) // *Organizational Psycholinguistics*. – 2026. – No. 1(33). – pp. 80–110.

Введение

Стремительное развитие генеративных языковых моделей и их интеграция в медиаплатформы формируют качественно новую коммуникативную реальность, в которой текст все чаще выступает продуктом

алгоритмической обработки больших массивов данных, а не результатом индивидуальной речевой деятельности, и платформа «Дзен» в данном контексте представляет собой показательную среду, где можно наблюдать переход от авторского блогинга к массовому распространению сгенерированных публикаций, лишенных выраженного субъективного начала. Актуальность исследования определяется тем, что в условиях увеличения доли алгоритмически созданных материалов возникает необходимость осмысления их влияния на сознание читателей, на формирование когнитивных схем, на глубину переработки информации и на специфику эмоционального отклика, поскольку данные процессы непосредственно связаны с трансформацией информационной культуры.

Цель исследования состоит в выявлении психолингвистических параметров, характеризующих сгенерированные тексты, и в определении их отличий от авторских публикаций по показателям когерентности, тема-рематической динамики, лексической вариативности и прагматической направленности; научная новизна работы заключается в интеграции методов психолингвистического анализа с медиадискурсивным подходом применительно к конкретной социальной платформе, а значимость обусловлена необходимостью выработки теоретических и прикладных оснований для оценки влияния алгоритмического контента на когнитивную сферу личности.

Методология и методы

Методологическую основу работы составили положения психолингвистики текста, когнитивной лингвистики и теории медиадискурса, а также идеи алгоритмической публичной сферы, разрабатываемые в междисциплинарных исследованиях цифровых медиа; в качестве методов применялись сравнительный психолингвистический анализ, контент-анализ,

структурно-семантическое моделирование, элементы дискурс-анализа и интерпретативного анализа, что позволило сопоставить авторские и сгенерированные публикации на платформе «Дзен», выявить их системные различия и описать особенности их когнитивного воздействия.

Степень разработанности проблемы в современной науке следует охарактеризовать как находящуюся в стадии активного формирования, поскольку основы анализа текстовой когерентности и дискурсивного понимания были заложены в трудах Т. А. ван Дейка [7], М. А. К. Халлидея [31], Р. де Богранда и В. Дресслера [30], а когнитивные механизмы интерпретации текста получили освещение в работах А.А. Леонтьева [15], Т.М. Дридзе [8], Е.С. Кубряковой [12], У. Кинча [32], однако непосредственное осмысление воздействия сгенерированных текстов на читателя стало предметом систематического анализа лишь в последние годы в контексте исследований алгоритмической коммуникации и цифровой риторики, при этом А.Р. Айдагулова [2], Р.Е. Тельпов, С.В. Ларцина [25] фиксируют повторы и снижение связности, И.А. Туркулец [26], Л.С. Каладзе, Я.М. Ворсунов [10] указывают на композиционную стандартизацию машинных текстов, Е.С. Студеникина [22], М.А. Багрова [4] подчеркивают ограниченность нейросетей в воспроизведении сложных синтаксических структур, тогда как В.С. Павлов [20], А.А. Спириданчук, Т.В. Мамаева [21], М.В. Кузьменко [13], Е.В. Фигура [27], Е.В. Осетрова, А.В. Седова [19] анализируют риски, ограничения и коммуникативные особенности генерации, что свидетельствует о значительной разработанности формально лингвистического аспекта при сохраняющемся дефиците комплексных психолингвистических исследований когнитивного воздействия алгоритмически созданного текста.

В то же время психологическое измерение проблемы раскрывается в работах Б.М. Величковского [5], рассматривающего искусственный интеллект как фактор трансформации познавательных процессов, Е.С. Сухаревой [24], анализирующей изменение когнитивных операций при взаимодействии с

алгоритмическими агентами, М.К. Акимовой и С.В. Персиянцевой [3], подчеркивающих различие в природе креативности и интенциональности человека и машины, а также А.К. Суйундуковой и Л.Н. Уваровой [23], А.Н. Лебедева [14], Э.Н. Давыденко и Е.С. Окуновой [6], Б.А. Адамбековой и Г.М. Сыдыковой [1], М.О. Круковского [11], которые рассматривают искусственный интеллект как фактор изменения структуры познавательной деятельности, механизмов атрибуции намерений, мотивационной сферы и даже антропогенеза, что подчеркивает необходимость интеграции лингвистического и психологического анализа в исследовании сгенерированных текстов.

Обзор литературы

Тексты, сгенерированные искусственным интеллектом, предлагают определенные языковые модели и обладают специфическими стилистическими особенностями, которые проявляются в научных, художественных и публицистических жанрах, формируя особый тип речевой деятельности, отличной по своим структурным, семантическим и прагматическим параметрам от текстов, созданных человеком, и именно в психолингвистическом плане принципиально важно установить, в чем состоят эти отличия, как они отражаются на механизмах восприятия, интерпретации и понимания информации читателями, каким образом влияют на их когнитивные стратегии, мышление, сознание и формирование ментальных репрезентаций текста.

В психолингвистике текст традиционно интерпретируется как продукт речевой деятельности, отражающий взаимодействие языковой системы и когнитивных структур личности, при этом, как подчеркивают Г.М. Нуруллина и Л.А. Усманова, его восприятие представляет собой акт познания и творчества, соотносимый с ментальной проекцией содержания в сознании адресата [17, с. 73], поэтому искусственно сгенерированный текст оказывается

специфическим объектом анализа, поскольку формируется при отсутствии антропологической интенции и иной природе механизма текстопорождения.

А.Р. Айдагулова, исследуя тексты ChatGPT, фиксирует повторы, дублирование мыслей, фрагментарную связность, поверхностность примеров и отсутствие корректного цитирования [2, с. 155], что с психолингвистической точки зрения нарушает когерентность и препятствует формированию целостной когнитивной схемы, тогда как Р.Е. Тельпов и С.В. Ларцина выявляют повышенную частотность заголовочной лексики и специфическое распределение тематических групп [25, с. 48], создающее эффект тематической концентрации при ограниченной концептуальной новизне. И.А. Туркулец описывает композиционную модель с вводным абзацем, нумерованным списком и кратким резюме [26, с. 61], что облегчает первичное восприятие, но снижает когнитивное напряжение и глубину переработки материала.

Е.В. Осетрова и А.В. Седова, опираясь на коммуникативный подход, отмечают закольцованность темы, множественность рем без дальнейшей тематизации и недостаточный учет факторов автора и адресата [19, с. 49–50], что затрудняет построение иерархии смыслов, а М.Н. Черкасова и А.В. Тактарова трактуют машинный текст как «искусственный речевой акт», лишенный интенциональности и эмпатии [29, с. 2554], вследствие чего центр смыслопорождения смещается к интерпретативной активности читателя. Е.В. Фигура подчеркивает шаблонность и ограниченность синтаксических и коннотативных средств [27, с. 67], что ведет к редукции образно ассоциативного компонента, тогда как Н.Д. Мальцев указывает на зависимость результата от сценария генерации и параметров запроса [16, с. 458], а Н.В. Спириданчук и Н.А. Мамаева связывают качество текста с алгоритмом формирования промпта [21, с. 446], тем самым актуализируя проблему распределения когнитивной ответственности.

Сопоставительный анализ М.В. Хохловой и М.В. Коряшевым демонстрирует формальную структурированность по модели IMRAD при

поверхности и повторах [28, с. 1002], что соотносится с выводом М.В. Дудоровой о трудностях нейросетей на уровне когерентности и завершенности при успешной реализации когезии [9, с. 766], тогда как Н.Н. Оломская и Е.А. Юрова выявляют маркеры сгенерированности в медиадискурсе [18], а М.В. Кузьменко акцентирует риски галлюцинаций и плагиата [13], что непосредственно связано с психолингвистической проблемой доверия и эпистемической оценки алгоритмического текста.

Вместе с тем обращение к психологическим исследованиям позволяет углубить анализ и выйти за пределы сугубо лингвистического описания, так, Б.М. Величковский указывал, что искусственный интеллект следует рассматривать в контексте общей теории познавательных процессов, поскольку взаимодействие человека с интеллектуальными системами трансформирует структуру внимания, памяти и мышления [5, с. 12–88]; Е.С. Сухарева подчеркивает, что пересечение искусственного интеллекта и человеческого мышления приводит к перераспределению когнитивных функций и изменению стратегий решения задач [24, с. 231–234], что непосредственно связано с особенностями восприятия алгоритмически созданного текста. М.К. Акимова и С.В. Персиянцева отмечают различие в природе интеллектуальных способностей человека и искусственного интеллекта, акцентируя отсутствие у последнего рефлексивности и подлинной креативности [3, с. 281–283], что объясняет формальную имитацию смысловой глубины при отсутствии личностного опыта. А.К. Суйундукова и Л.Н. Уварова анализируют психологические аспекты функционирования искусственного интеллекта, включая проблему доверия к алгоритмическому источнику и особенности атрибуции намерений машине [23, с. 24–29], а А.Н. Лебедев рассматривает искусственный интеллект как фактор изменения когнитивных практик современного человека [14, с. 6–22]. Э.Н. Давыденко и Е.С. Окунева исследуют коммуникацию человека и машины, отмечая феномен приписывания

субъектности алгоритмическому агенту [6, с. 133–141], что усиливает эффект псевдоинтенциональности текста. Б.А. Адамбекова и Г.М. Сыдыкова подчеркивают влияние искусственного интеллекта на мотивационную и ценностную сферу личности [1, с. 103–109], а М. О. Круковский рассматривает ИИ как фактор антропогенеза, способный трансформировать когнитивные и коммуникативные структуры общества [11, с. 66–71].

Таким образом, теоретический обзор показывает, что при всей разработанности структурно лингвистического анализа текстов, сгенерированных искусственным интеллектом, именно психолингвистическое измерение, включающее исследование когнитивных механизмов восприятия, особенностей формирования ментальных моделей, процессов атрибуции авторства и доверия, а также влияния алгоритмической речи на мышление и сознание адресата, требует дальнейшей системной разработки, особенно в контексте анализа текстов платформы «Дзен», где машинная генерация все чаще становится частью повседневной медиакоммуникации.

Результаты исследования

Психолингвистический анализ текста принципиально отличается от собственно лингвистического анализа тем, что его предметом является не только структура вербального материала как системы языковых единиц и правил их организации, но прежде всего процессы порождения, восприятия, интерпретации и усвоения текста в сознании человека, а также те когнитивные, мотивационные и эмоциональные механизмы, которые опосредуют взаимодействие между вербальным сообщением и ментальными структурами адресата. Если лингвистический анализ фиксирует категориальные характеристики текста, такие как когезия, композиция, лексическая организация и синтаксическая модель, то психолингвистический анализ переносит акцент на то, каким образом данные характеристики функционируют в когнитивной системе читателя, какие ментальные модели

они инициируют, какую когнитивную нагрузку создают и каким образом влияют на процессы понимания, запоминания и оценки информации.

Именно поэтому традиционные лингвистические параметры анализа текста требуют переосмысления в психолингвистические показатели, поскольку их значимость определяется не столько описанием языковой формы, сколько выявлением характера воздействия на когнитивную систему адресата, вследствие чего тематико-семантическая когерентность интерпретируется как условие формирования целостной ментальной модели ситуации, лексическая вариативность как фактор активации семантических сетей памяти и индикатор доверия к сообщению, синтаксическая сложность как показатель распределения когнитивной нагрузки и задействования оперативной памяти, а жанровая структура как механизм регуляции читательских ожиданий и стратегий переработки информации в цифровой среде.

Разработка параметров психолингвистического анализа текстов, сгенерированных искусственным интеллектом на цифровых платформах, предполагает разграничение собственно лингвистического и психолингвистического подходов, поскольку первый сосредоточен на описании лексического состава, синтаксической организации и композиции, тогда как второй охватывает процессы порождения, интерпретации и эмоционального переживания текста в сознании адресата, в связи с чем тема-рематическая динамика рассматривается как показатель поступательного развертывания смысла, где избыточные повторы вызывают когнитивное торможение в условиях фрагментарного цифрового чтения, а лексическая и синтаксическая шаблонность способна формировать эффект примитивизации содержания либо, напротив, чрезмерная усложненность затрудняет интеграцию информации и снижает темп восприятия.

Дискурсивно-прагматические характеристики, включая маркеры адресованности и стратегии вовлечения, осмысливаются как факторы

формирования коммуникативной рамки и ощущения интерактивности в платформенном дискурсе, тогда как эмоционально-оценочные средства определяют степень аффективного участия читателя и уровень доверия к сообщению, при этом жанрово-композиционная организация управляет ритмом переработки информации и распределением внимания, а маркеры алгоритмической генерации, такие как шаблонные переходы и закольцованность выводов, воздействуют на когнитивную оценку достоверности, побуждая адресата корректировать стратегию интерпретации в зависимости от распознаваемых признаков машинного происхождения текста.

Таким образом, обозначенные психолингвистические параметры позволяют рассматривать сгенерированные искусственным интеллектом тексты платформы «Дзен» как особый тип медиаречи, в которой формальная связность может сочетаться с семантической поверхностностью, а жанровая упорядоченность не гарантирует когнитивной глубины, что делает необходимым комплексное исследование не только структуры текста, но и тех когнитивных и эмоциональных процессов, которые он инициирует в сознании массового адресата.

С учетом обозначенных теоретических оснований параметры психолингвистического анализа сгенерированных ИИ текстов, публикуемых на платформах «Дзен», могут быть представлены в таблице 1.

Таблица 1. Параметры психолингвистического анализа сгенерированных ИИ текстов, публикуемых на платформах «Дзен»

Параметр анализа	Содержательная характеристика	Психолингвистическое обоснование
Когнитивно-семантическая когерентность	Логическая связность фрагментов, последовательность раскрытия темы, наличие единой смысловой линии	Обеспечивает формирование целостной ментальной модели и влияет на глубину понимания и запоминания
Тема-рематическая динамика	Соотношение темы и новой информации, отсутствие избыточных повторов	Определяет поступательное движение смысла и

		предотвращает когнитивное торможение
Лексическая активационная вариативность	Частотность повторов, использование синонимов, степень клишированности	Связана с активацией семантических сетей в памяти и ощущением естественности речи
Синтаксическая когнитивная нагрузка	Типы предложений, разнообразие конструкций, соотношение простых и сложных структур	Влияет на переработку информации в оперативной памяти и уровень ментального напряжения
Прагматическая атрибуция интенции	Наличие маркеров адресованности, имитация диалога, вовлекающие конструкции	Формирует ощущение коммуникативного взаимодействия и влияет на доверие к тексту
Эмоционально-оценочная вовлеченность	Использование оценочной лексики, экспрессивных средств	Определяет степень эмпатического отклика и эмоциональной активации
Жанрово-композиционная регуляция ожиданий	Организация текста, наличие стандартных блоков	Формирует стратегию чтения и управляет ожиданиями аудитории
Индикаторы алгоритмической предсказуемости	Шаблонность формулировок, закольцованность выводов, декларативность	Влияют на распознавание машинной генерации и эпистемическую оценку достоверности
Уровень концептуальной глубины	Наличие причинно-следственных связей, аргументации, аналитичности	Определяет возможность построения сложных когнитивных структур
Рецептивная адаптивность к медиасреде	Соответствие формата динамике цифрового чтения	Влияет на скорость восприятия, удержание внимания и удовлетворенность чтением

Переосмысление лингвистических параметров в психолингвистическом ключе позволяет выйти за пределы описания формальных характеристик и сосредоточиться на их функциональной роли в когнитивной системе адресата, что особенно значимо в условиях цифровой медиасреды, где текст не только информирует, но и формирует способы мышления, оценивания и интерпретации действительности.

В рамках эмпирического этапа настоящего исследования тексты, размещенные на платформе «Дзен», были предварительно подвергнуты верификации с использованием ИИ детектора сервиса ETXT.RU, который в

профессиональном сообществе цифровых редакторов и специалистов по контенту рассматривается как одна из наиболее авторитетных систем автоматического выявления алгоритмически сгенерированных материалов и по уровню распространенности и доверия занимает второе место после системы Антиплагиат.ру, что позволяет считать его диагностические показатели достаточно надежными для включения в научный инструментарий анализа. Указанный сервис функционирует на основе сопоставления вероятностных моделей распределения лексических и синтаксических паттернов, частот повторов и типовых семантических связей, характерных для генеративных языковых моделей, при этом итоговый показатель отражает степень вероятности алгоритмического происхождения текста, что в исследовательской логике не выступает окончательным доказательством, однако создает статистически обоснованную предпосылку для дальнейшего психолингвистического изучения материала как продукта машинного порождения.

В результате первичной проверки статья «Почему мы любим страдать? Как “Служебный роман” и “Ирония судьбы” научили нас, что счастье нужно заслужить болью»¹, опубликованная на Дзен-канале «Записки актера», была идентифицирована системой как текст с высокой вероятностью алгоритмической генерации, и только после фиксации данного статуса был осуществлен ее развернутый психолингвистический анализ в сопоставлении с авторской публикацией того же канала «Зачем ходить в театр?»², созданной несколькими годами ранее и не демонстрирующей признаков машинного происхождения.

В рамках проведенного исследования анализ двух текстов, размещенных на платформе «Дзен», осуществлялся на основании системы параметров

¹ Почему мы любим страдать? Как «Служебный роман» и «Ирония судьбы» научили нас, что счастье нужно заслужить болью. URL: https://dzen.ru/a/aYxzVR5z_QdrocpM (дата обращения: 10.02.2026)

² Зачем ходить в театр? URL: <https://dzen.ru/a/W3qdkSk5vACpGTEv> (дата обращения: 10.02.2026)

психолингвистического описания, ориентированной не на фиксацию формально языковых характеристик, а на реконструкцию тех когнитивных, аффективных и коммуникативных процессов, которые инициируются в сознании адресата в момент взаимодействия с медиатекстом, поскольку в условиях цифровой среды именно рецептивные механизмы во многом определяют эффективность и глубину воздействия.

Рассматривая сгенерированную статью через призму когнитивно-семантической когерентности, следует отметить, что текст выстраивает относительно целостную ментальную модель интерпретации советского кинематографа как источника страдательной модели любви, однако данная целостность обеспечивается преимущественно повторением одного доминантного тезиса в различных формулировках, тогда как причинно-следственные связи между культурным контекстом, историческими условиями и индивидуальной психологией зрителя остаются слабо эксплицированными, вследствие чего формируемая когнитивная схема оказывается линейной и упрощенной.

Тема-рематическая динамика в анализируемом материале демонстрирует циклический характер смыслового развертывания, при котором рематические позиции не расширяют концептуальное поле, а варьируют исходное утверждение о связи любви и страдания, что с психолингвистической точки зрения создает эффект движения при отсутствии реального наращивания смысловой сложности и может приводить к снижению познавательной мотивации при повторном столкновении с аналогичными смысловыми структурами.

Лексическая активационная вариативность в данном тексте ориентирована на запуск устойчивых культурных сценариев и коллективных представлений, поскольку используются узнаваемые имена персонажей, общеизвестные кинообразы и клишированные публицистические формулы,

активирующие уже сформированные семантические сети в долговременной памяти адресата, однако индивидуализированный речевой профиль практически не проявлен, что ограничивает глубину персональной идентификации и снижает эффект присутствия конкретного субъекта высказывания.

С точки зрения синтаксической когнитивной нагрузки текст характеризуется фрагментацией и преобладанием кратких сегментированных конструкций, что облегчает переработку информации в условиях экранного чтения и снижает требования к оперативной памяти, однако одновременно препятствует формированию развернутых аргументативных цепочек, способных инициировать более сложные процессы аналитического мышления и концептуальной интеграции.

Прагматическая атрибуция интенции в сгенерированном материале носит формальный характер, поскольку обращение к читателю, риторические вопросы и приглашение к обсуждению создают видимость диалогичности, однако за ними не обнаруживается устойчивой личностной позиции, в результате чего адресат приписывает тексту скорее медиаплатформенную, нежели индивидуально авторскую интенцию, что влияет на уровень доверия и стратегию интерпретации.

Эмоционально-оценочная вовлеченность достигается посредством декларативных обобщений и контрастных формулировок, однако аффективная энергия текста распределена равномерно и не подкреплена личным переживанием субъекта речи, вследствие чего эмоциональный отклик носит характер кратковременной реактивности, а не устойчивой эмпатической сопричастности.

Жанрово-композиционная регуляция ожиданий в данном случае строится по модели цифрового публицистического материала с четким делением на смысловые блоки, вставками примеров и завершающим призывом к интеракции, что соответствует медиапривычкам аудитории и обеспечивает

высокую рецептивную доступность, однако одновременно усиливает ощущение алгоритмической сборки из функционально разнородных модулей.

Индикаторы алгоритмической предсказуемости проявляются в повторяемости структур, в симметричном распределении оценочных формул и в использовании типовых переходов между смысловыми фрагментами, что создает ощущение структурной аккуратности, но снижает вероятность неожиданного концептуального поворота, способного трансформировать исходную когнитивную рамку читателя.

Уровень концептуальной глубины в сгенерированном тексте остается умеренным, поскольку анализ ограничивается иллюстративным сопоставлением кинообразов без выхода на системное осмысление психологических механизмов интериоризации культурных моделей любви, а потому формируемая ментальная конструкция оказывается относительно плоской и не требует значительной интеллектуальной переработки.

Рецептивная адаптивность к медиасреде, напротив, выражена достаточно отчетливо, поскольку структура материала, его ритмика и языковая организация ориентированы на краткие сеансы внимания, характерные для цифрового потребления контента, что обеспечивает легкость восприятия и быструю интеграцию информации в уже существующие когнитивные схемы.

Анализ авторской статьи по тем же параметрам выявляет иную конфигурацию психолингвистических характеристик, поскольку когнитивно-семантическая когерентность формируется через последовательное включение личного опыта и профессиональной рефлексии, благодаря чему в сознании адресата выстраивается многослойная ментальная модель театральной коммуникации, включающая эмоциональный, эстетический и социальный уровни.

Тема-рематическая динамика здесь носит поступательный характер, так как каждый новый фрагмент не повторяет исходную тему, а конкретизирует и

углубляет ее, расширяя концептуальное поле за счет введения новых аспектов, что активизирует процессы смысловой интеграции и поддерживает когнитивное напряжение на протяжении всего текста. Лексическая активационная вариативность выражена через индивидуальные интонации, элементы профессионального дискурса и эксплицитные самоидентификационные маркеры, благодаря чему семантические сети адресата активизируются не только на уровне культурных стереотипов, но и на уровне персонального опыта взаимодействия с конкретным говорящим субъектом.

Синтаксическая когнитивная нагрузка в авторском тексте выше, поскольку предложения часто разворачиваются в аргументативные конструкции с уточнениями и пояснениями, что требует более интенсивной работы оперативной памяти, однако способствует формированию устойчивых концептуальных связей и более глубокому усвоению содержания. Прагматическая атрибуция интенции в данном случае однозначно соотносится с личной позицией автора, который открыто обозначает свою профессиональную роль и эмоциональное отношение к предмету, вследствие чего адресат воспринимает текст как подлинное высказывание конкретного человека, а не как нейтральный медиапродукт.

Эмоционально оценочная вовлеченность подкрепляется личными признаниями и описанием индивидуального опыта, что усиливает эмпатическую идентификацию и формирует устойчивую аффективную связь между текстом и читателем. Жанрово-композиционная регуляция ожиданий в авторской статье менее стандартизирована, переходы между смысловыми блоками мотивированы логикой личного рассуждения, а не только требованиями платформенного формата, что снижает ощущение предсказуемости и усиливает впечатление живой речевой импровизации. Индикаторы алгоритмической предсказуемости практически не проявляются, поскольку текст содержит субъективные оценки, индивидуальные акценты и

смысловые отклонения, не вписывающиеся в типовой шаблон медиапубликации.

Уровень концептуальной глубины здесь выше, так как обсуждение театра выходит за пределы описания внешних эффектов и затрагивает вопросы взаимодействия актера и зрителя, социальной функции искусства и личной ответственности творца, что требует от адресата более сложной когнитивной переработки. Рецептивная адаптивность к медиасреде сохраняется, однако она не достигается путем упрощения содержания, а обеспечивается сочетанием личной искренности и структурной ясности, благодаря чему текст остается доступным, не утрачивая аналитической насыщенности.

Таким образом, применение обозначенных параметров позволяет выявить принципиальные различия в психолингвистической организации алгоритмически сгенерированного и авторского текста, что подтверждает продуктивность выбранной модели анализа, ориентированной на исследование когнитивных и аффективных механизмов восприятия медиаречи в цифровом пространстве. Сопоставительный анализ двух данных статей представлен в таблице 2.

Таблица 2. Сопоставительный анализ сгенерированной и авторской статьи Дзен-канала «Записки актера»

Критерий	Сгенерированная статья «Почему мы любим страдать?»	Авторская статья «Зачем ходить в театр?»
Когнитивно-семантическая когерентность	Формально целостная структура, обеспеченная повторением доминантного тезиса; ментальная модель линейная, без существенного усложнения причинно-следственных связей	Целостная и многоуровневая структура, формируемая через личный опыт и рефлексии; ментальная модель включает профессиональный, эмоциональный и социальный уровни
Тема-рема-тематическая динамика	Циклическая, рема-тематические позиции варьируют исходную тему без значительного расширения концептуального поля	Поступательная, каждая рема-тематическая позиция углубляет и конкретизирует исходную проблематику

Лексическая активационная вариативность	Активация культурных стереотипов и коллективной памяти; преобладание клишированных медиапаттернов; слабая индивидуализация субъекта речи	Индивидуализированная лексика, элементы профессионального дискурса и личной самоидентификации; активация персонализированных семантических сетей
Синтаксическая когнитивная нагрузка	Преобладание кратких сегментированных конструкций; сниженная нагрузка на оперативную память; ограниченные возможности для сложной аргументации	Развернутые аргументативные конструкции; повышенная когнитивная нагрузка, способствующая более глубокой переработке информации
Прагматическая атрибуция интенции	Формальная имитация диалогичности; интенция воспринимается как медиаплатформенная, а не личностная	Четко атрибутируемая личная интенция; выраженная профессиональная позиция и подлинный коммуникативный контакт
Эмоционально-оценочная вовлеченность	Декларативная, основанная на культурных обобщениях; ограниченный эмпатический потенциал	Личностно-окрашенная, подкрепленная переживанием; высокая степень эмпатической идентификации
Жанрово-композиционная регуляция ожиданий	Стандартизированная модульная структура; соответствие алгоритмам цифрового потребления; ощущение шаблонной сборки	Логика композиции мотивирована внутренним развитием мысли; сниженная предсказуемость структурных переходов
Индикаторы алгоритмической предсказуемости	Повторяемость формул, симметричность оценочных конструкций, типовые переходы; высокая структурная предсказуемость	Наличие субъективных акцентов, смысловых отклонений и индивидуальных интонаций; низкая степень предсказуемости
Уровень концептуальной глубины	Умеренный; иллюстративный анализ без выхода на системное психологическое осмысление	Высокий; формирование сложной концептуальной модели театральной коммуникации
Рецептивная адаптивность к медиасреде	Высокая адаптация к экранному чтению; ориентация на краткие циклы внимания	Сбалансированная адаптация: доступность при сохранении аналитической насыщенности

Таблица демонстрирует, что различия между текстами проявляются не столько на уровне формальных языковых характеристик, сколько в характере когнитивной организации содержания, степени персонализации субъекта речи

и интенсивности психологического воздействия на адресата, что подтверждает целесообразность применения психолингвистической модели анализа при исследовании алгоритмически и антропогенно созданных медиатекстов.

В целях верификации ранее полученных результатов и уточнения специфики психолингвистической организации алгоритмически сгенерированного медиатекста нами был проведен дополнительный анализ публикаций, размещенных на платформе «Дзен» на канале «Культурология», аудитория которого составляет 823 тысячи подписчиков, причем предварительный этап исследования включал проверку материалов последних месяцев с использованием ИИ-детектора сервиса ETXT.RU, по результатам чего статья «Рана кровоточит, врагу не пожелаю»: Почему Успенская тревожится за 36-летнюю дочь?»³ была идентифицирована как текст с высокой вероятностью машинной генерации, что позволило рассматривать ее как репрезентативный пример алгоритмически сконструированного дискурса и осуществить ее последующий анализ в строго психолингвистическом ракурсе.

Важно подчеркнуть, что канал «Культурология» первоначально позиционировался как просветительский медиапроект, ориентированный на культурно-историческую проблематику, однако со временем трансформировался в коммерчески ориентированную площадку с выраженными элементами сенсационности, что проявилось не только в тематическом сдвиге к частной жизни публичных персон, но и в изменении коммуникативной стратегии, а потому сопоставление с более ранней публикацией этого же канала «История самого пронзительного памятника в мире: башмаки, оставшиеся на берегу Дуная»⁴, созданной в период отсутствия

³ «Рана кровоточит, врагу не пожелаю»: Почему Успенская тревожится за 36-летнюю дочь? URL: <https://dzen.ru/a/aZsDVVyVY149K4EG> (дата обращения: 10.02.2026)

⁴ История «самого пронзительного памятника в мире: башмаки, оставшиеся на берегу Дуная» URL: https://dzen.ru/a/XiQZli_ahgCxz5I1 (дата обращения: 10.02.2026)

признаков алгоритмической генерации, представляется методологически оправданным.

В статье о Татьяне Плаксиной параметр когнитивно-семантической когерентности реализуется преимущественно на уровне формальной хронологической связности, однако смысловое ядро остается фрагментированным из-за постоянного переключения между фактами, эмоционально нагруженными цитатами и сенсационными деталями, вследствие чего тема-рематическая динамика строится по принципу наращивания аффективного напряжения без расширения аналитического поля, лексическая вариативность характеризуется доминированием экспрессивных единиц типа «кошмар» и «жуткие подробности», активирующих сценарии угрозы и снижая критическую дистанцию, синтаксическая нагрузка минимизирована короткими предложениями и абзацами, что облегчает экранное чтение, но препятствует формированию иерархических связей, прагматическая интенция ориентирована на удержание внимания к драматическому нарративу, эмоционально-оценочная вовлеченность преобладает над рефлексией, жанрово-композиционная организация реализуется по модели клипового монтажа с подзаголовками, а повторяемость структур и стандартизированные переходы свидетельствуют об алгоритмической предсказуемости, обеспечивающей легкость восприятия и кликабельность при ограниченной концептуальной глубине.

Иная психолингвистическая конфигурация обнаруживается в авторской статье о мемориале на берегу Дуная, где когнитивно-семантическая когерентность выстраивается вокруг конкретного исторического события и его символической репрезентации с включением политического контекста и действий партии «Скрещенные стрелы», тема-рематическая динамика носит поступательный характер и формирует причинно-следственную модель, лексическая выразительность сочетается с фактической доминантой без сенсационности, синтаксическая структура усложнена развернутыми

предложениями с числовыми и историческими уточнениями, что усиливает когнитивную нагрузку и способствует долговременному запоминанию, прагматическая установка имеет просветительский характер, эмоциональная вовлеченность формируется через символ коллективной памяти, жанровая организация следует логике исторического повествования, индикаторы алгоритмической предсказуемости практически отсутствуют, а концептуальная глубина текста стимулирует рефлексии о механизмах насилия и памяти.

Таким образом, сопоставительный психолингвистический анализ демонстрирует, что алгоритмически сгенерированный текст преимущественно активирует аффективные механизмы и ориентирован на поверхностную эмоциональную реакцию, тогда как авторская публикация формирует сложную когнитивную модель исторического события, обеспечивая более глубокое и устойчивое воздействие на сознание адресата в условиях цифровой медиакommunikации.

Таблица 3. Сопоставительный анализ сгенерированной и авторской статьи Дзен-канала «Культурология»

Параметр	Сгенерированная статья о Плаксиной	Авторская статья о мемориале на Дунае
Когнитивно-семантическая когерентность	Формальная связность поддерживается хронологией и повтором центрального мотива, однако причинно-следственные связи развернуты фрагментарно, что затрудняет построение целостной ментальной модели	Смысловая структура иерархична и концептуально организована, причинно-следственные связи эксплицированы, что обеспечивает формирование устойчивой ментальной модели события
Тематическая динамика	Развитие темы осуществляется через аффективное наращивание, тематические элементы усиливают эмоциональный фон без существенного расширения аналитического поля	Тематические позиции последовательно уточняют и углубляют содержание, формируя поступательное смысловое развертывание
Лексическая активационная вариативность	Преобладание экспрессивных и клишированных единиц, активирующих стереотипные	Сочетание фактической и оценочной лексики, вариативность номинаций, отсутствие избыточной

	сценарии страдания и сенсации; ограниченная индивидуализация	клишированности; выраженная авторская позиция
Синтаксическая когнитивная нагрузка информации	Короткие предложения и сегментированные абзацы снижают нагрузку на оперативную память, способствуя быстрому экранному чтению	Развернутые синтаксические конструкции повышают когнитивную нагрузку и стимулируют аналитическую переработку
Прагматическая атрибуция интенции	Интенция направлена на удержание внимания и усиление драматизации; коммуникативная установка ориентирована на потребление сенсационного контента	Интенция просветительская, направлена на совместное осмысление исторического материала; выражена субъектная позиция автора
Эмоционально-оценочная вовлеченность	Доминирует аффективная тональность, формируется устойчивый эмоциональный фон без глубокой рефлексии	Эмоциональность сочетается с аналитичностью, эмпатия поддерживается фактической аргументацией
Когнитивная глубина	Ограниченная, преобладает эмоциональное воздействие	Высокая, формируется причинно-следственная модель
Жанрово-композиционная регуляция ожиданий	Модульная структура с подзаголовками и клиповым принципом организации материала; ощущение шаблонной сборки	Композиция подчинена логике исторического повествования, структурные переходы мотивированы развитием мысли
Индикаторы алгоритмической предсказуемости	Повторяемость формул, симметричность эмоциональных акцентов, стандартизированные переходы между блоками	Индивидуализированные интонационные сдвиги, отсутствие шаблонной симметрии, вариативность композиционных решений
Уровень концептуальной глубины	Ограничен описанием отдельных эпизодов без интеграции в широкую социально психологическую рамку	Высокий уровень концептуализации, включение исторического, социального и символического контекста
Рецептивная адаптивность к медиасреде	Максимальная адаптация к цифровому формату, ориентация на краткие циклы внимания и кликабельность	Сбалансированная адаптация, сочетающая доступность изложения с аналитической насыщенностью

Представленная таблица позволяет наглядно продемонстрировать, что различия между текстами проявляются не только в стилистике и тематике, но прежде всего в характере когнитивной организации содержания, степени концептуальной глубины и модели психологического воздействия на адресата,

что подтверждает продуктивность применения психолингвистической оптики к анализу медиатекстов различного происхождения.

Заключение

Проведенное исследование позволило установить, что тексты, сгенерированные искусственным интеллектом и размещенные на платформе «Дзен», обнаруживают устойчивый комплекс психолингвистических характеристик, среди которых на первый план выступают высокая степень структурной стандартизации, повторяемость тема-рематических схем, ограниченная лексическая вариативность и выраженная ориентация на аффективное вовлечение адресата, вследствие чего формируется специфическая модель рецепции, при которой доминирует поверхностная когнитивная переработка информации, основанная на быстром распознавании шаблонных смысловых блоков и активации стереотипных семантических сценариев, тогда как глубинная интеграция содержания, предполагающая построение сложной ментальной модели и установление разветвленных причинно-следственных связей, оказывается редуцированной.

Следовательно, когнитивно-семантическая когерентность подобных текстов поддерживается преимущественно формальными средствами связности, однако концептуальная глубина нередко остается ограниченной, поскольку развитие темы осуществляется по принципу наращивания эмоционального напряжения, а не аналитического усложнения, что отражается в цикличной тема-рематической динамике, воспроизводящей исходный тезис в новых формулировках без существенного расширения интерпретационного поля, при этом лексическая активационная вариативность часто сводится к репродукции клишированных оценочных единиц, инициирующих у читателя быстрый эмоциональный отклик и создающих эффект узнаваемости, но одновременно снижающих вероятность критической рефлексии.

Синтаксическая организация сгенерированных публикаций, как правило, ориентирована на снижение когнитивной нагрузки за счет преобладания коротких предложений и сегментированной композиции, что облегчает переработку материала в условиях экранного чтения и соответствует динамике цифрового потребления информации, однако подобная структурная стратегия ограничивает возможности для развернутой аргументации и формирования иерархически организованных концептуальных структур в сознании адресата, а индикаторы алгоритмической предсказуемости, проявляющиеся в симметрии композиционных блоков и повторяемости формул перехода, усиливают ощущение шаблонности и стандартизованности речевого поведения.

В отличие от этого авторские публикации демонстрируют более сложную аргументативную организацию, индивидуализированную интонацию и более высокий уровень концептуальной насыщенности, что выражается в развернутой тема-рематической динамике, вариативной лексической структуре и синтаксической многоуровневости, стимулирующих активную переработку информации, формирование устойчивых смысловых связей и включение личного опыта читателя в процесс интерпретации, благодаря чему рецептивная стратегия смещается от быстрого эмоционального реагирования к аналитическому осмыслению и долговременному запоминанию.

Полученные результаты свидетельствуют о принципиально различной направленности психолингвистического воздействия указанных типов текстов на сознание аудитории, поскольку алгоритмически созданные материалы преимущественно активируют механизмы аффективной атрибуции и ускоренного распознавания знакомых медиапаттернов, тогда как авторские тексты инициируют более сложные когнитивные операции, связанные с реконструкцией авторской интенции, оценкой аргументации и формированием критической позиции, что делает актуальным дальнейшее экспериментальное изучение влияния генеративного контента на процессы понимания, запоминания и развития критического мышления.

Литература

1. *Адамбекова Б. А., Сыдыкова Г. М.* Современные проблемы психологии: искусственный интеллект в свете психологических аспектов // Вестник Кыргызского Национального Университета имени Жусупа Баласагына. 2024. № 1(117). С. 103–109. DOI 10.58649/1694–8033-2024-1(117)-103–109.
2. *Айдагулова А.Р.* Особенности текстов, сгенерированных искусственным интеллектом // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2023. № 4(72). С. 154–156.
3. *Акимова МК., Персиянцева С.В.* Анализ способностей интеллектуальной сферы человека и искусственного интеллекта // Искусственный интеллект и общественное развитие: новые возможности и преграды: сборник материалов, Москва, 21 февраля 2022 года. Москва: ООО "МАКС Пресс", 2022. С. 281–283.
4. *Багрова Н.А.* Ежу понятно: идиоматические выражения русского языка глазами нейросети // Бархударовские чтения: сб. науч. ст. участников междунаро. науч.-метод. конф., приуроченной к 130-летию со дня рождения С.Г. Бархударова (3–5 мая 2024 г.). Ереван: РАУ, 2024. С. 25–28.
5. *Величковский Б.М.* Психологические аспекты искусственного интеллекта // Новости искусственного интеллекта. 1995. № 1. С. 12–88.
6. *Давыденко Э.Н., Окунева Е.С.* Человек и машина: психологические аспекты коммуникации с искусственным интеллектом // Актуальные проблемы гуманитарного знания: прошлое и современность: материалы VI Международной научной конференции, Москва, 24 ноября 2024 года. Москва: Научно-исследовательский институт истории, экономики и права, 2024. С. 133–141.
7. *Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация: перевод с английского / Т. А. Дейк; ред. В. И. Герасимов; сост. В. В. Петров; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. 2-е изд. Москва: URSS: ЛЕНАНД, 2015. 310 с.
8. *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе; отв. ред. И. Т. Левыкин. Москва: Наука, 1984. 267 с.
9. *Дудорова М.В.* Специфика проявления текстовых категорий в ИИ-сочинениях // Коммуникативные исследования. 2025. Т. 12, № 4. С. 758–773. DOI 10.24147/2413-6182.2025.12(4).758-773.
10. *Каладзе В.А., Ворсунов А.А.* Исследование различий между текстами, созданными генеративной сетью и человеком // Проблемы теории и практики инновационного развития и интеграции современной науки и образования: материалы V Международной научно-практической конференции, Москва, 14 февраля 2024 года. Москва: ООО «ПРИНТИКА», 2024. С. 124–128.

11. *Круковский М.О.* Искусственный интеллект как фактор антропогенеза: психологический аспект // Научные дискуссии современного российского общества: социально-гуманитарные парадигмы: сборник научных статей. Москва : ООО «НПК Наука», 2025. С. 66–71.

12. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова; Институт языкознания РАН. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 555 с.

13. *Кузьменко М.В.* Искусственный интеллект в исследовательской деятельности и академическом письме: аналитический обзор направлений и ограничений применения // Непрерывное образование: XXI век. 2025. Т. 13, № 3. DOI 10.15393/j5.art.2025.10846

14. *Лебедев А.Н.* Искусственный интеллект и психология // Учёные записки Института психологии РАН. 2023. Т. 3, № 2(8). С. 6–22.

15. *Леонтьев А.А.* Психология общения: учебное пособие для студентов вузов по специальности «Психология» / А. А. Леонтьев. 3-е изд. Москва: Смысл: Academia, 2005. 365 с.

16. *Мальцев Н.Д.* Структурные и филологические особенности текстовых генеративных нейронных сетей // Нефилология. 2024. Т. 10, № 2. С. 452–464. DOI 10.20310/2587-6953-2024-10-2-452-464.

17. *Нуруллина Г.М., Усманова Л.А.* Психолингвистический аспект изучения текста как продукта речевой деятельности // Филология и культура. 2018. № 3(53). С. 72–76

18. *Оломская Н.Н., Юрова Е.А.* Лингвопрагматические особенности сгенерированного текста в медиадискурсе социальных сетей (на примере текстов о выборах губернатора в Нижегородской области 2023) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 2. DOI 10.18384/2224-0209-2025-2-1649.

19. *Осетрова Е.В., Седова А.В.* Характеристики сгенерированного текста: языковой и социально-коммуникативный анализ // Сибирский филологический форум. 2025. № 2(31). С. 45–55. DOI 10.24412/2587-7844-2025-2-45-55.

20. *Павлов А.А.* Созданные с использованием искусственного интеллекта «научные» тексты: текущее состояние и перспективы развития // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2024. № 6. С. 111–127. DOI 10.33397/2619-0559-2024-6-6-111-127.

21. *Спириданчук Н.В., Мамаева Н.А.* Особенности генерации текстового наполнения статей при использовании нейросетей на примере ChatGPT // Информатизация образования и методика электронного обучения: цифровые технологии в образовании: Материалы VIII Международной научной конференции, Красноярск, 24–27 сентября 2024 года. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2024. С. 444–451.

22. *Студеникина К.А.* Оценка языковой способности нейронных моделей на материале предикативного согласования в русском языке // Труды Института

системного программирования РАН. 2022. № 34(6). С. 179–184. DOI 10.15514/ispras-2022-34(6)-14.

23. Суйундукова А.К., Уварова Л.Н. Психологические аспекты искусственного интеллекта // Kazakhstan Science Journal. 2018. Т. 1, № 1(1). С. 24–29.

24. Сухарева Е.С. Пересечения искусственного интеллекта и мышления человека // Язык и личность: социокультурные и психологические трансформации: материалы международной научно-практической конференции, Москва, 15–16 декабря 2023 года. Москва : ООО "Агентство социально-гуманитарных технологий", 2023. С. 231–234.

25. Тельпов Р.Е., Ларцина С.В. Типовые различия естественных и сгенерированных нейронной сетью текстов в количественном аспекте // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 7. С. 47–65

26. Туркулец И.А. Композиционные особенности текстов, сгенерированных ChatGPT, как маркер несамостоятельности выполнения работ студентами // Правовая реальность в условиях цифровизации общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 9–11 ноября 2023 г. Хабаровск: Дальневосточный гос. ун-т путей сообщения, 2023. С. 59–68

27. Фигура Е.В. Генерация текстов как объект лингвистических исследований // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2025. № 3. С. 64–70. DOI 10.18137/RNU.V925X.25.03.P064.

28. Хохлова М.В., Корышев М.В. Сравнительный анализ сгенерированных и оригинальных аннотаций научных статей по филологической тематике // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2024. Т. 24, № 6. С. 999–1006. DOI 10.17586/2226-1494-2024-24-6-999-1006.

29. Черкасова М.Н., Тактарова А.В. Искусственно сгенерированный академический текст (лингвопрагматический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 7. С. 2551–2557. DOI 10.30853/phil20240363.

30. Beaugrande R.-A. de, Dressler W.U. Konzepte der Sprach- und Literaturwiss. Einführung in die Textlinguistik / R.-A. de Beaugrande, W. U. Dressler. Tübingen: Niemeyer, 1981. XIII, 290 S

31. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English: учебное пособие / M. A. K. Halliday, R. Hasan. Harlow: Longman, 1997. XV, 374 p.: tabl. (English language series / Gen. ed. R. Quirk; 9). Библиогр.: p. 357–366

32. Kintsch W. The role of knowledge in discourse comprehension: a construction-integration model / W. Kintsch // Psychological Review. 1988. Vol. 95, No. 2. P. 163–182.

References

1. *Adambekova B.A., Sydykova G.M.* (2024) Sovremennye problemy psilogii: iskusstvennyj intellekt v svete psihologicheskikh aspektov [Modern problems of psychology: artificial intelligence in the light of psychological aspects] // Vestnik Kyrgyzskogo Nacional'nogo Universiteta imeni Zhusupa Balasagyna. № 1(117). S. 103–109. DOI 10.58649/1694-8033-2024-1(117)-103-109
2. *Aidagulova A.R.* (2023) Osobennosti tekstov, sgenerirovannyh iskusstvennym intellektom [Features of texts generated by artificial intelligence] // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully. № 4(72). S. 154–156.
3. *Akimova M.K., Persjanceva S. V.* (2022) Analiz sposobnostej intellektual'noj sfery cheloveka i iskusstvennogo intellekta [Analysis of abilities of human intellectual sphere and artificial intelligence] // *Iskusstvennyj intellekt i obshhestvennoe razvitie: novye vozmozhnosti i pregrady : sbornik materialov, Moskva, 21 fevralja 2022 goda. Moskva : OOO "MAKS Press". S. 281–283*
4. *Bagrova N.A.* (2024) Ezhu ponyatno: idiomaticheskie vyrazhenija russkogo jazyka glazami nejroseti [Easy to understand: idiomatic expressions of Russian language through the eyes of neural networks] // *Barkhudarovskie chtenija: sb. nauch. st. uchastnikov mezhdunar. nauch.-metod. konf., priuroch. k 130-letiju so dnja rozhdenija S. G. Barkhudarova (3–5 maja 2024 g.). Erevan: RAU. S. 25–28.*
5. *Beaugrande R.-A. de, Dressler W.U.* (1981) Konzepte der Sprach- und Literaturwiss. Einfuhrung in die Textlinguistik [Concepts of linguistics and literary studies. Introduction to text linguistics]. Tubingen: Niemeyer. XIII, 290 p.
6. *Cherkasova M.N., Taktarova A.V.* (2024) Iskusstvenno sgenerirovannyj akademicheskij tekst (lingvopragmaticheskij aspekt) [Artificially generated academic text: linguistic and pragmatic aspect] // *Filologicheskije nauki. Voprosy teorij i praktiki. T. 17, № 7. S. 2551–2557. DOI 10.30853/phil20240363*
7. *Davydjenko E.N., Okuhneva E.S.* (2024) Chelovek i mashina: psihologicheskije aspekty kommunikacii s iskusstvennym intellektom [Human and machine: psychological aspects of communication with artificial intelligence] // *Aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniya: proshloe i sovremennost': materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konf., Moskva, 24 nojabrja 2024 goda. Moskva: Nauchno-issledovatel'skij institut istorii, ehkonomiki i prava. S. 133–141*
8. *Dridze T.M.* (1984) Tekstovaja dejatel'nost' v strukture social'noj kommunikacii: problemy semiosotsiopsilogii [Text activity in the structure of social communication: problems of semiosocio-psychology] / ed. I. T. Levykin. Moskva: Nauka. 267 p.
9. *Dudorova M.V.* (2025) Specifika projavlenija tekstovyh kategorij v II-sochinenijah [Specific features of text categories in AI-written works] // *Kommunikativnye issledovanija. T. 12, № 4. S. 758–773. DOI 10.24147/2413-6182.2025.12(4).758-773.*

10. *Figura E.V.* (2025) Generacija tekstov kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovanij [Text generation as an object of linguistic research] // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Serija: Chelovek v sovremennom mire. № 3. S. 64–70. DOI 10.18137/RNU.V925X.25.03.P064
11. *Halliday M.A.K., Hasan R.* (1997) Cohesion in English: uchebnoe posobie [Cohesion in English: textbook]. Harlow: Longman. XV, 374 p. : tabl. (English language series / Gen. ed. R. Quirk; 9). Bibl.: p. 357–366
12. *Hohlova M.V., Koryshev M.V.* (2024) Sravnitel'nyj analiz sgenerirovannyh i original'nyh annotacij nauchnyh statej po filologicheskoi tematike [Comparative analysis of generated and original scientific article abstracts in philology] // Nauchno-tekhnicheskij vestnik informacionnyh tehnologij, meh. i optiki. T. 24, № 6. S. 999–1006. DOI 10.17586/2226-1494-2024-24-6-999-1006
13. *Kaladze V.A., Vorsunov A.A.* (2024) Issledovanie razlichij mezhdju tekstami, sozdannymi generativnoj set'ju i chelovekom [Study of differences between texts created by generative network and human] // Problemy teorii i praktiki innovatsionnogo razvitija i integracii sovremennoj nauki i obrazovanija: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moskva, 14 fevralja 2024 goda. Moskva: OOO "PRINTIKA". S. 124–128.
14. *Kintsch W.* (1988) The role of knowledge in discourse comprehension: a construction-integration model // Psychological Review. Vol. 95, No. 2. P. 163–182.
15. *Krukovskij M.O.* (2025) Iskusstvennyj intellekt kak faktor antropogeneza: psihologicheskij aspekt [Artificial intelligence as a factor of anthropogenesis: psychological aspect] // Nauchnye diskussii sovremennogo rossijskogo obshhestva: social'no-gumanitarnye paradigmy : sbornik nauchnyh statej. Moskva : OOO "NPK Nauka". S. 66–71.
16. *Kubryakova E.S.* (2004) Jazyk i znanie: na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira [Language and knowledge: on the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive perspective. Role of language in cognition] / Institut jazykoznanija RAN. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 555 p.
17. *Kuz'menko M.V.* (2025) Iskusstvennyj intellekt v issledovatel'skoj dejatel'nosti i akademicheskom pis'me: analiticheskij obzor napravlenij i ogranichenij primenenija [Artificial intelligence in research activity and academic writing: analytical review of directions and limitations] // Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek. T. 13, № 3. DOI 10.15393/j5.art.2025.10846
18. *Lebedev A.N.* (2023) Iskusstvennyj intellekt i psihologija [Artificial intelligence and psychology] // Uchenye zapiski Instituta psihologii RAN. T. 3, № 2(8). S. 6–22
19. *Leont'ev A.A.* (2005) Psihologija obshhenija: uchebnoe posobie dlja studentov vuzov po special'nosti "Psihologija" [Psychology of communication: textbook for university students in Psychology] / 3rd ed. Moskva: Smysl : Academia. 365 p.

20. *Mal'cev N.D.* (2024) Strukturnye i filologicheskie osobennosti tekstovyh generativnyh nejronnyh setej [Structural and philological features of text-generative neural networks] // *Neofilologija*. T. 10, № 2. S. 452–464. DOI 10.20310/2587-6953-2024-10-2-452-464

21. *Nurullina G.M., Usmanova L.A.* (2018) Psiholingvisticheskiy aspekt izuchenija teksta kak produkta rechevoj dejatel'nosti [Psycholinguistic aspect of text as a product of speech activity] // *Filologija i kul'tura*. № 3(53). S. 72–76

22. *Olomskaja N.N., Jurova E.A.* (2025) Lingvopragmaticheskie osobennosti sgenerirovannogo teksta v mediadiskurse social'nyh setej (na primere tekstov o vyborah gubernatora v Nizhegorodskoj oblasti 2023) [Linguistic and pragmatic features of AI-generated texts in social media discourse (example: gubernatorial elections in Nizhny Novgorod region, 2023)] // *Rossijskiy social'no-gumanitarnyj zhurnal*. № 2. DOI 10.18384/2224-0209-2025-2-1649

23. *Osetrova E.V., Sedova A.V.* (2025) Harakteristiki sgenerirovannogo teksta: jazykovej i social'no-kommunikativnyj analiz [Characteristics of AI-generated texts: linguistic and socio-communicative analysis] // *Sibirskij filologicheskiy forum*. № 2(31). S. 45–55. DOI 10.24412/2587-7844-2025-2-45-55

24. *Pavlov A.A.* (2024) Sozdannye s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta "nauchnye" teksty: tekushee sostojanie i perspektivy razvitija [AI-generated "scientific" texts: current state and development prospects] // *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij*. № 6. S. 111–127. DOI 10.33397/2619-0559-2024-6-6-111-127

25. *Spiridanchuk N.V., Mamaeva N.A.* (2024) Osobennosti generacii tekstovogo napolnenija statej pri ispol'zovanii nejrosetej na primere ChatGPT [Features of article content generation using neural networks: example of ChatGPT] // *Informatizacija obrazovanija i metodika ehlektronnogo obuchenija: cifrovye tehnologii v obrazovanii: Materialy VIII Mezhdunar. nauch. konf., Krasnojarsk, 24–27 sentjabrja 2024 goda*. Krasnojarsk: Krasnojarskiy gos. ped. un-t im. V.P. Astafeva. S. 444–451

26. *Studenikina K.A.* (2022) Ocenka jazykovej sposobnosti nejronnyh modelej na materiale predikativnogo soglasovanija v russkom jazyke [Evaluation of neural models' linguistic ability on predicative agreement in Russian] // *Trudy Instituta sistemnogo programmirovaniya RAN*. № 34(6). S. 179–184. DOI 10.15514/ispras-2022-34(6)-14

27. *Suhareva E.S.* (2023) Peresechenija iskusstvennogo intellekta i myshlenija cheloveka [Intersections of artificial intelligence and human thinking] // *Jazyk i lichnost': sociokul'turnye i psihologicheskie transformacii : materialy mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf., Moskva, 15–16 dekabrja 2023 goda*. Moskva : OOO "Agentstvo social'no-gumanitarnyh tehnologij". S. 231–234

28. *Sujundukova A.K., Uvarova L.N.* (2018) Psihologicheskie aspekty iskusstvennogo intellekta [Psychological aspects of artificial intelligence] // *Kazakhstan Science Journal*. T. 1, № 1(1). S. 24–29

29. *Tel'pov R.E., Larcina S.V.* (2023) Tipovye razlichija estestvennyh i sgenerirovannyh nejronnoj set'ju tekstov v kvantitativnom aspekte [Typical differences

between human and AI-generated texts in quantitative aspect] // Nauchnyj dialog. T. 12, № 7. S. 47–65

30. *Turkulets I.A.* (2023) Kompozicionnye osobennosti tekstov, sgenerirovannyh ChatGPT, kak marker nesamostojatel'nosti vypolnenija rabot studentami [Compositional features of ChatGPT-generated texts as a marker of students' non-independent work] // Pravovaja real'nost' v uslovijah cifrovizacii obshhestva: materialy Vserossijskoj nauch.-prakt. konf., Habarovsk, 9–11 nojabrja 2023 g. Habarovsk: Dal'nevost. gos. un-t putej soobshhenija. S. 59–68

31. *Van Dijk T.A.* (2015) Jazyk. Poznanie. Kommunikacija [Language. Cognition. Communication] / transl. from English; ed. V. I. Gerasimov; comp. V. V. Petrov; introd. Y. N. Karaulova, V. V. Petrov. 2nd ed. Moskva: URSS : LENAND. 310 p.

32. *Velichkovskij B. M.* (1995) Psihologicheskie aspekty iskusstvennogo intellekta [Psychological aspects of artificial intelligence] // Novosti iskusstvennogo intellekta. № 1. S. 12–88

Статья поступила в редакцию 23.02.2026. Принята к публикации 25.03.2026

The paper was submitted on 23.02.2026. Accepted for publication 25.03.2026

Грицай Людмила Александровна, доктор педагогических наук, доцент, доцент Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Россия)

Gritsai Lyudmila Alexandrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

УДК 81'23

Катекина А.А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, ул. Кремлёвская, 18
Казань, Россия
akatekina@gmail.com

СЕМАНТИКА И ВОСПРИЯТИЕ НУМЕРАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА «ЧЕТЫРЕ» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ русских и китайских фразеологических единиц, содержащих числительное «четыре». Исследование выполнено в русле лингвокультурологии с привлечением элементов сопоставительного и семантического анализа. Особое внимание уделяется амбивалентности китайского числительного 四 (sì): омофония с иероглифом «смерть» (死) формирует тетрафобию, но в составе чэньюев эти коннотации пересиливаются целостным значением. Цель работы – выявить семантические, аксиологические и лингвокультурные особенности фразеологизмов с нумеральным компонентом «четыре» и определить типы их соответствия в русском языке. Материалом исследования послужила выборка из более чем 70 фразеологических единиц, извлеченных из авторитетных лексикографических источников русского и китайского языков. Методологическую основу составили лингвокультурологический, семантический, когнитивный и сопоставительный анализ, дополненные элементами корпусного подхода. Психолингвистический подход используется в работе как теоретическая основа, задающая перспективу для последующей экспериментальной верификации выводов. Результаты показывают, что в китайской фразеологии нумеральный компонент 四 преимущественно реализует значения множественности и полноты охвата, однако культурно маркированные негативные коннотации, связанные с омофонией, могут сохраняться, формируя амбивалентную семантику. В русской фразеологии число «четыре» актуализирует идеи порядка, завершенности и очевидности, при этом негативные или иронические коннотации возникают контекстуально и не закреплены за числом как таковым. Исследование выявляет частичные семантические соответствия и культурные асимметрии, что углубляет понимание механизмов концептуализации чисел во фразеологии.

Ключевые слова: фразеология, нумеральный компонент «четыре», лингвокультурный код, китайский язык, русский язык.

Для цитирования: Катекина А.А. Семантика и восприятие нумератива «четыре» в русской и китайской фразеологии // Организационная психолингвистика. – 2026. – № 1(33). – С. 111–140.

Katekina A.A.
Kazan Federal University
Kazan, Russia

SEMANTICS AND PERCEPTION OF THE NUMERAL COMPONENT 'FOUR' IN RUSSIAN AND CHINESE PHRASEOLOGY: A LINGUOCULTURAL APPROACH

Abstract. The article presents a comparative analysis of Russian and Chinese phraseological units containing the numeral 'four'. The study is conducted within the framework of linguocultural research, incorporating elements of comparative and semantic analysis. Particular attention is paid to the ambivalence of the Chinese numeral 四 (*sì*): on the one hand, its homophony with the character 'death' (死) generates *stable negative associations* and underlies the phenomenon of tetraphobia; on the other hand, within *chéngyǔ* and fixed expressions, these connotations may be neutralized by the integral meaning of the phraseological unit, giving way to the symbolism of spatial completeness and totality. However, in certain cases, negative evaluative meanings persist, indicating the semantic ambivalence of this component. The study aims to identify the semantic, value-based, and linguocultural features of phraseological units with the numeral component 'four' and to determine the types of their correspondences in Russian. The empirical material consists of a dataset of over 70 phraseological units extracted from authoritative lexicographic sources of the Russian and Chinese languages. The methodological framework includes linguocultural, semantic, cognitive, and comparative analysis, supplemented by elements of a corpus-based approach. A psycholinguistic perspective is employed as a theoretical foundation, providing a basis for subsequent experimental verification. The findings demonstrate that in Chinese phraseology, the numeral component 四 predominantly conveys meanings of multiplicity and completeness; however, culturally marked negative connotations associated with homophony may persist, resulting in semantic ambivalence. In Russian phraseology, the numeral 'four' tends to actualize notions of order, completeness, and clarity, while negative or ironic connotations arise contextually and are not inherently associated with the numeral itself. The study reveals partial semantic correspondences alongside cultural asymmetries, contributing to a deeper understanding of the mechanisms of numerical conceptualization in phraseology. A promising direction for further research lies in the experimental verification of these findings using psycholinguistic methods. This paper is relevant to specialists in contrastive linguistics, translation studies, linguoculturology, and psycholinguistics.

Keywords: phraseology, numeral component 'four', linguocultural code, Chinese language, Russian language.

Cite as: *Katekina A.A. Semantics and Perception of the Numeral Component 'Four' in Russian and Chinese Phraseology: A Linguocultural Approach // Organizational Psycholinguistics. – 2026. – No. 1(33). – pp. 111–140.*

Введение

В условиях активного развития межкультурной коммуникации и сопоставительных исследований особую актуальность приобретает изучение языковых единиц, аккумулирующих культурно значимую информацию. К числу таких единиц относятся фразеологизмы, в семантике которых отражаются устойчивые представления народа о мире, ценностях и нормах. Одним из значимых компонентов фразеологических единиц являются числительные, функционирующие не столько как количественные показатели, сколько как символы культурного опыта. В данной работе для обозначения числового элемента в составе фразеологизма используется термин «нумеральный компонент», что позволяет избежать терминологической неоднозначности, связанной с понятием «нумератив» (счетное слово в классифицирующих языках).

Число «четыре» занимает особое место в системе числовой символики различных культур. Его интерпретация в русском и китайском языках демонстрирует как универсальные, так и национально-специфические черты. Целью настоящей статьи является выявление и сопоставительный анализ фразеологизмов с числовым компонентом «четыре» в русском и китайском языках с позиций лингвокультурного подхода.

Несмотря на устойчивый интерес современной лингвистики к числовому коду культуры и нумеративной фразеологии, фразеологические единицы с нумеральным компонентом «четыре» до настоящего времени не получили системного сопоставительного описания в китайско-русской перспективе. Имеющиеся исследования, как правило, фокусируются либо на общих вопросах символики чисел, либо на анализе отдельных языков, в то время как типология межъязыковых соответствий, культурно обусловленные различия семантики и механизмы лингвокультурной интерпретации фразеологизмов с данным нумеральным компонентом остаются недостаточно изученными. Это определяет необходимость

комплексного сопоставительного анализа, основанного на лингвокультурологическом подходе и корпусных данных.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые осуществляется системный сопоставительный анализ фразеологических единиц с нумеральным компонентом «четыре» в русском и китайском языках с опорой на лингвокультурологический подход и данные авторитетных словарей. В работе предлагается типология межъязыковых соответствий, позволяющая выявить универсальные и национально-специфические черты функционирования числового компонента в двух лингвокультурах. Новизна также состоит в уточнении характера амбивалентности китайского числительного 四: в отличие от распространенного тезиса о полной нейтрализации негативных коннотаций во фразеологизмах, в работе показывается, что в ряде чэнъюев негативная оценочность сохраняется, что позволяет говорить о сложном взаимодействии лексической омофонии и фразеологического значения.

Теоретическую базу исследования составляют труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвящённые проблемам фразеологии, лингвокультурологии и символики чисел в языке. В работах В.Н. Телии фразеологические единицы рассматриваются как особый тип языковых знаков, аккумулирующих культурную информацию, ценностные установки и стереотипы национального сознания [16, с. 56]. Такой подход позволяет интерпретировать фразеологизмы с нумеральными компонентами как элементы лингвокультурного кода, отражающие коллективный опыт и систему культурных представлений носителей языка.

Концептуальные положения лингвокультурологии, разработанные В.А. Масловой [12, с. 45], а также Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, обосновывают принципиальную неразрывность языка и культуры и

возможность реконструкции национально-специфических смыслов через анализ устойчивых языковых единиц [5, с. 112–114]. В рамках данного направления числовые компоненты фразеологизмов трактуются как культурно маркированные знаки, включённые в систему символических оппозиций и ценностных координат языковой картины мира.

Междисциплинарный характер современной лингвистики открывает перспективы обращения к психолингвистическим и когнитивным подходам при анализе фразеологических единиц с числовым компонентом. Как отмечает А.А. Залевская, значение слова (и фразеологизма как целостной номинативной единицы) не сводится к словарной дефиниции, но включает многообразные связи в структуре внутреннего лексикона носителя языка [8, с. 145, 148]. С позиций психолингвистики числовые компоненты могут рассматриваться как особые «ключи» доступа к культурно обусловленным когнитивным сценариям и ассоциативным полям [9, с. 78, 82]. В свою очередь, исследования Т.В. Черниговской подчеркивают неразрывную связь языковых структур, в том числе числовых, с процессами категоризации и концептуализации мира в сознании человека [17, с. 212, 215]. В настоящей работе психолингвистический подход используется как теоретическая основа, позволяющая обосновать значимость изучения внутренних механизмов восприятия числовых компонентов, и как перспективное направление для последующей экспериментальной верификации полученных выводов, не являясь при этом методом непосредственного анализа языкового материала.

Значительный интерес в современной лингвистике представляет проблема нумеративной фразеологии, связанная с выявлением символического и аксиологического потенциала чисел в составе устойчивых выражений. В исследованиях О.А. Булгаковой числовые компоненты русской и китайской фразеологии анализируются в лингвокультурологическом и сопоставительном аспектах, что позволяет выявить как универсальные, так и

национально-специфические особенности их семантики и функционирования [3, с. 92]. В работах М.А. Бредис, О.В. Ломакиной и Б. Сюэ обосновывается продуктивность числового кода как инструмента лингвокультурного анализа, однако предложенная в них типология межъязыковых соответствий не охватывает специфику нумерального компонента «четыре» в полном объеме, оставляя пространство для дальнейшего уточнения [2, с. 78]. В ряде работ подчёркивается, что числовые элементы в составе фразеологических единиц не выполняют исключительно количественную функцию, а выступают носителями культурно значимых смыслов, связанных с традиционными представлениями, мифологическими и символическими моделями мышления. При этом, как справедливо отмечают Т.Г. Никитина и Е.И. Роголёва, интерпретация национально-специфических значений числовых компонентов требует применения инновационных приемов лингвокультурологической репрезентации, что подчеркивает необходимость разработки гибких методов анализа, учитывающих как универсальные, так и идиоэтнические черты исследуемых единиц [13, с. 179].

Особое место в изучении числовой символики занимает число «четыре», обладающее высокой культурной маркированностью, особенно в китайской лингвокультуре. Корпусные подходы к изучению фразеологии с числовыми компонентами позволяют эмпирически проверять семантические и частотные характеристики устойчивых выражений. В качестве основного материала используются академические словари русского языка и специализированные китайские толковые словари и словари чэнъюев (устойчивых фразеологических словосочетаний) [6; 15]. Эти источники фиксируют нормативные значения, частоту употребления и культурные коннотации числовых элементов.

Межкультурный аспект исследования реализуется через сопоставление русской и китайской фразеологических систем, что позволяет выявить как

универсальные, так и культурно-специфические черты функционирования нумерального компонента «четыре» в двух лингвокультурах. Анализ литературы показывает, что подобное сопоставление востребовано в современной лингвистике и требует системного корпусного исследования для выявления типологии межъязыковых соответствий и культурно обусловленных особенностей семантики.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили фразеологические единицы с нумеральным компонентом «четыре», зафиксированные в авторитетных русских и китайских лексикографических источниках. Русский языковой материал был отобран на основе фразеологических и толковых словарей современного русского языка, фиксирующих нормативные значения и употребление устойчивых выражений с числовыми компонентами. Китайский корпус исследования сформирован на базе академических толковых и фразеологических словарей китайского языка, в том числе специализированных словарей чэнъюев, отражающих семантику и культурные коннотации устойчивых выражений с нумеральным компонентом 四 si.

Общий объём анализируемого материала составляет более 70 фразеологических единиц (45 русских и 31 китайских), что обеспечивает репрезентативность исследования и позволяет выявить устойчивые закономерности функционирования нумерального компонента «четыре» в сопоставляемых лингвокультурах.

Методологическую основу исследования образуют общенаучные и специальные лингвистические методы. В качестве базового используется описательный метод, включающий приёмы наблюдения, классификации и систематизации фразеологических единиц с числовым компонентом.

Лингвокультурологический анализ применяется для выявления культурно значимых смыслов и символических коннотаций нумерального компонента «четыре» в составе устойчивых выражений.

Сопоставительный метод позволяет установить типы межъязыковых соответствий между русскими и китайскими фразеологическими единицами, выявить универсальные и национально-специфические особенности их семантики и функционирования. В рамках сопоставления используются следующие типы соответствий: полные эквиваленты, частичные эквиваленты, функциональные аналоги и безэквивалентные единицы.

Для уточнения семантических характеристик и проверки устойчивости выявленных значений применяется элемент корпусного анализа, позволяющий учитывать частотность и контекстуальные особенности употребления фразеологизмов. Использование корпусных данных обеспечивает эмпирическую верификацию выводов и повышает надёжность интерпретации материала.

Комплексное применение перечисленных методов обеспечивает многоаспектное рассмотрение фразеологических единиц с нумеральным компонентом «четыре» и позволяет выявить их роль в формировании лингвокультурного кода русского и китайского языков.

Предпринятый в работе анализ опирается преимущественно на данные лексикографических источников, что позволяет выявить системные, устоявшиеся значения фразеологических единиц. Вместе с тем, вслед за А.А. Залевской, мы признаем, что полное представление о семантике и коннотативном потенциале языковых единиц требует обращения к экспериментальным данным, фиксирующим их реальное функционирование в сознании носителей языка [9, с. 20, 115]. Как показано в исследовании М. Нивес Риверы, лексикон выполняет функцию медиатора между неязыковой когнитивной системой чисел (Approximate Number System, или

системой приблизительных количественных оценок) и языковыми выражениями, что подтверждает необходимость интеграции данных когнитивной психологии и лингвистики при изучении единиц с числовым компонентом [19, с. 8–10].

При разработке типологии межъязыковых соответствий мы опирались на теоретические положения, разработанные в трудах Д.О. Добровольского, который обосновывает необходимость разграничения собственно языковых и культурно обусловленных факторов при сопоставительном анализе фразеологии [7, с. 245, 247, 248, 250]. Методологически значимыми также являются работы Н.М. Шанского, заложившие основы структурно-семантического анализа русских фразеологизмов [18], и А.Н. Баранова с Д.О. Добровольским, обобщившие современные подходы к типологии фразеологических единиц [1, с. 87–102].

Перспективным направлением дальнейших исследований, выходящим за рамки данной работы, является проведение ассоциативных экспериментов, позволяющих верифицировать и дополнить выводы, полученные в ходе лексикографического анализа. Как отмечает А.А. Залевская, значение слова (и фразеологизма как целостной номинативной единицы) не сводится к словарной дефиниции, но включает многообразные связи в структуре внутреннего лексикона носителя языка [8, с. 145, 148]. Обращение к психолингвистическим методам в перспективе позволит изучить реальное функционирование числовых фразеологизмов в сознании носителей языка, что дополнит результаты лингвокультурологического анализа.

Результаты и обсуждение

Для русского сознания число четыре прочно связано с идеей порядка – достаточно вспомнить четыре стороны света, четыре времени года или

четыре стихии, лежащие в основе мироздания. Данная символика находит отражение во фразеологическом фонде русского языка.

К числу репрезентативных фразеологических единиц относятся: - *сидеть в четырёх стенах* (разг. экспрес.) – (1) Ни с кем не общаясь, в полном одиночестве, (2) Не выходя из помещения; *на все четыре стороны* (разг.) – куда угодно, куда только захочется (уходить, убираться, прогонять); *как дважды два четыре* – совершенно ясно, понятно; *четвертое измерение* (ирон.) – перен. сверхъестественная и бесплодно искомая величина, нечто непонятное и не разгадываемое; *на четырех ногах* (прост. экспрес.) – очень быстро, поспешно (убежать, уехать и т. п.); *между четырех глаз* (устар.) – наедине с кем-либо; без свидетелей.

Русские фразеологизмы с числом «четыре» отражают в языковой картине мира представления о полноте, завершённости, пространственной и временной упорядоченности, что проявляется в их семантике и употреблении. Например, выражение «сидеть в четырёх стенах» обозначает пребывание в полном одиночестве и ограниченное пространство, где нумеральный компонент «четыре» символизирует замкнутую, завершённую систему. Аналогичным образом «между четырёх глаз» фиксирует приватность общения, формируя образ замкнутого пространства. В выражениях, описывающих направленность или охват, таких как «на все четыре стороны», число «четыре» актуализирует идею распространения действия во всех направлениях и полноты охвата, а в «стоять на четырёх углах» закрепляет устойчивость и целостность структуры. Образные и логические функции нумерального компонента проявляются в выражениях «как дважды два четыре», где число символизирует очевидность и неоспоримость, и «четвёртое измерение», которое иронически обозначает сверхъестественное или непостижимое, расширяя привычное трёхмерное пространство. В динамических выражениях, таких как «на четырёх ногах»,

нумеральный компонент усиливает представление о полной активности и скорости действия. Коннотация этих единиц преимущественно нейтральная, ироническая или переносная встречается реже, а негативная окраска формируется контекстуально (см. табл. 1).

Таблица 1. Русские фразеологические единицы с нумеральным компонентом «четыре»

№	ФЕ	Значение	Коннотация	Тип соответствия
Семантическая группа: порядок, завершенность, основа, очевидность				
1.	Без троицы дом не строится, без четырёх углов изба не становится	о необходимости основы, фундамента в любом деле	нейтральная	функциональный аналог (к 四角俱全)
2.	Без четырёх углов изба не рубится	о необходимости основы, фундамента в любом деле	нейтральная	функциональный аналог (к 四角俱全)
3.	Дом о четырёх углах	о самом простом, элементарном жилище	нейтральная	функциональный аналог (к 四方)
4.	Четыре угла дому на строение, четыре времени году на совершение	о закономерности, порядке вещей	нейтральная	функциональный аналог (к 四时八节, 四序迁流)
5.	сидеть в четырёх стенах	ни с кем не общаясь, в полном одиночестве; не выходя из помещения	нейтральная / экспрессивная	безэквивалентный
6.	между четырёх глаз	(устар.) наедине с кем-либо, без свидетелей	нейтральная	безэквивалентный
7.	со всех четырёх сторон	отовсюду, со всех направлений	нейтральная	частичный эквивалент (к 四面受敌, 四面八方)
8.	на все четыре стороны	куда угодно, куда только захочется (уходить, убираться, прогонять)	нейтральная / разговорная	функциональный аналог (к 四面八方)
9.	как дважды два четыре	совершенно ясно, понятно, очевидно	нейтральная	безэквивалентный
10.	на все четыре ветра	(разг. устар.) куда угодно, куда	нейтральная / экспрессивная	функциональный аналог (к 四面八方)

		захочется, в любом направлении		
Семантическая группа: устойчивость и неустойчивость, скорость, неэффективность				
11.	Конь о четырёх ногах, да и то спотыкается / Конь на четырёх ногах, да и то спотыкается	ошибаться может каждый	нейтральная	функциональный аналог (к китайским пословицам о несовершенстве)
12.	Как кошку ни брось, она четырьмя лапами на землю встанет / Кошка всегда на четыре лапы падает	о способности выходить из трудных ситуаций	нейтральная	безэквивалентный
13.	на четырёх ногах	(прост. экспрес.) очень быстро, поспешно (убежать, уехать и т. п.)	нейтральная / разговорная	безэквивалентный
14.	Четыре жестких жернова хорошей муки не намелят	о неэффективности при отсутствии правильного подхода	нейтральная	безэквивалентный
Семантическая группа: пространственная полнота и замкнутость				
15.	четыре стороны света	все направления, весь мир	нейтральная	функциональный аналог (к 四海, 四面八方)
16.	Четыре страны света на четырёх морях положены	о космическом устройстве мира	нейтральная	функциональный аналог (к 四海, 四方)
17.	Четыре кола вбито, да небом покрыто	о бедном жилище, о незавидной доле	нейтральная / поэтическая	безэквивалентный
18.	Четыре дуба у реки стоят	загадка, символическое описание	нейтральная	безэквивалентный
19.	У него гостят четыре угла	(ирон.) об одиноком, замкнутом человеке	нейтральная / экспрессивная	безэквивалентный
Семантическая группа: временная цикличность, сроки				
20.	Заёмные три года ждут, на четвёртый забывают	об отсрочке долга, который в итоге прощается	нейтральная	безэквивалентный
21.	четыре времени года	весь год, круглый год	нейтральная	функциональный аналог (к 四时八节, 四序迁流)

22.	Лен две недели цветет, четыре недели спеет, на седьмую семя летит	о сроках созревания льна (перен. о точном знании дела)	нейтральная	безэквивалентный
23.	На одной неделе четверга четыре	о небывалом, невозможном событии	ироническая	безэквивалентный
24.	На одной неделе четверга четыре, а деревенский месяц – с неделей десять	ирон. о путанице со сроками, о неразберихе	ироническая	безэквивалентный
Семантическая группа: количество, мера, оценка				
25.	Деревня большая: четыре двора, восемь улиц	ирон. о месте, которое называют большим, но оно таковым не является	ироническая	безэквивалентный
26.	Четыре двора, а в каждом дворе кум да кума	о небольшом сообществе, где все друг друга знают	нейтральная	безэквивалентный
27.	Одна труба, четыре избы, восемь – улица	о маленькой деревне	нейтральная	безэквивалентный
28.	Шуми, деревня: четыре двора, двое ворот, одна труба	ирон. о маленькой, но шумной деревне	ироническая	безэквивалентный
29.	Семь без четырёх да три улетело	о путанице в подсчёте, о неясном количестве	ироническая	безэквивалентный
30.	Ложка узка, таскает по два куска, сделаешь пошире, вытащит четыре	о том, что большее вместилще позволяет взять больше	нейтральная	безэквивалентный
31.	Покупала по четыре денежки, а продавала пару по два грошика	о невыгодной сделке, об отсутствии коммерческой хватки, о неумении вести дела	ироническая / негативная	безэквивалентный
Семантическая группа: социальный статус, богатство, бедность				
32.	Было у Макея четыре лакея, а ныне Макей сам лакей	о разорении, утрате былого положения	ироническая / негативная	безэквивалентный
33.	Четыре полы, а бока голы	ирон. о бедности при внешнем лоске	ироническая	безэквивалентный
34.	Ах, судья, судья: четыре полы, восемь карманов!	ирон. о взяточнике, мздоимце	ироническая / негативная	безэквивалентный

35.	Ах, ты, хитрец! Четыре полы, восемь карманов	ирон. о хитром, изворотливом человеке	ироническая / негативная	безэквивалентный
36.	У меня молодца четыре отца, пятый батюшка	о человеке, у которого много наставников или покровителей	нейтральная	безэквивалентный
37.	Челом – четырёх, а пятому – помогай бог!	о почтении к старшим или уважаемым людям	нейтральная	безэквивалентный
38.	Четыре соседа, восемь домов	о ближайшем окружении (из поговорки 四邻八舍)	нейтральная	функциональный аналог (к 四邻八舍)
39.	четыре глаза (четырёхглазый)	пренебр. прозвище человека, носящего очки	негативная / грубоватая	безэквивалентный
40.	Четыре глаза у жюри, и не в одном совести	шутл.-ирон. о нечестном судействе, о людях, у которых нет совести	ироническая / негативная	безэквивалентный
Семантическая группа: свобода выбора, жизненный путь				
41.	В чистом поле четыре воли: хоть туда, хоть сюда, хоть инаково	о свободе выбора, об отсутствии ограничений	нейтральная	безэквивалентный
42.	Макар поклонится, на четыре стороны поглядится	о возможности выбора, оглядывания по сторонам	нейтральная	частичный эквивалент (к 四面 八方)
43.	Ковать на четыре молота	о совместных усилиях, о работе всем миром	нейтральная	безэквивалентный
44.	Был мал – в четыре дудки играл: вырос велик – землю поднял	о человеке, который в детстве был беззаботен, а вырос — стал трудиться	нейтральная	безэквивалентный
Семантическая группа: сверхъестественное, непостижимое				
45.	четвёртое измерение	(ирон.) сверхъестественная и бесплодно искомая величина, нечто непонятное и неразгадываемое	ироническая	безэквивалентный

Представленная таблица позволяет систематизировать русские фразеологические единицы с числовым компонентом «четыре» и наглядно продемонстрировать их семантические, коннотативные и структурные особенности. Как видно из таблицы, в русском языке отсутствуют полные эквиваленты китайских чэнъюев с компонентом 四: часть фразеологизмов имеет частичные соответствия или функциональные аналоги (например, *на все четыре стороны* сопоставимы с китайскими *四面八方* и *四通八达*; *четыре соседа, восемь домов* – с *四邻八舍*), остальные являются безэквивалентными и не имеют соответствий в китайской фразеологии (как *дважды два четыре, четвёртое измерение, четыре глаза, между четырех глаз, сидеть в четырех стенах* и др.).

Особого внимания заслуживают пословицы и поговорки, включённые в таблицу. Они расширяют представление о роли числа «четыре» в русской языковой картине мира, демонстрируя как универсальные идеи порядка, завершённости и устойчивости (ср.: *Без четырёх углов изба не рубится, Конь о четырёх ногах, да и то спотыкается*), так и специфические иронические коннотации (*Деревня большая: четыре двора, восемь улиц, Ах, судья, судья: четыре полы, восемь карманов!*). В отличие от китайской фразеологии, где негативные коннотации числа 四 связаны преимущественно с омофонией (四 / 死 «смерть»), в русском языке негативная или ироническая окраска возникает контекстуально либо закрепляется за единицами, не имеющими прямого отношения к числовой символике и связаны с социально-бытовой стигматизацией (например, *четыре глаза* – прозвище человека в очках).

Показательно, что в русской традиции отсутствует устойчивая отрицательная символика числа «четыре», сопоставимая с китайской тетрафобией. Даже в пословицах, описывающих бедность или неблагополучие (*Четыре полы, а бока голы; Четыре кола вбито, да небом покрыто*), число «четыре» выступает не как источник негативной оценки, а

как количественный маркер, нейтрально описывающий ситуацию. Ироническая или негативная окраска возникает исключительно в контексте, как, например, в поговорке (*Покупала по четыре денежки, а продавала пару по два грошика*), где число «четыре» участвует в создании образа невыгодной сделки, но сама негативная оценка формируется противопоставлением цены покупки и продажи, а не символикой числа.

Сопоставление с китайскими фразеологизмами с числом 四 показывает, что прямых полных эквивалентов практически нет. Часть русских выражений имеет частичные эквиваленты или функциональные аналоги, например, «на все четыре стороны» сопоставимо с китайскими 四面八方 и 四通八达, «между четырёх глаз» – с 四下无人 и 四顾无人. В то же время многие русские фразеологизмы с компонентом «четыре» не имеют соответствий в китайской фразеологии (например, как *дважды два четыре, четвёртое измерение, четыре глаза*), а некоторые китайские чэнъюи с компонентом 四 (например, 四马攒蹄, 四平八稳) являются безэквивалентными для русской лингвокультуры из-за различий в образной основе или аксиологических оттенках. Таким образом, нумеральный компонент «четыре» в русском языке выступает как образный и символический маркер полноты, завершённости и направленности, тогда как в китайских чэнъюях число формализовано и часто несёт историко-философскую или идиоматическую нагрузку. Анализ выявляет как универсальные, так и национально-специфические механизмы формирования числовых фразеологизмов, демонстрируя потенциал нумерального компонента как элемента лингвокультурного кода.

Символика числа четыре в китайской традиции имеет глубокие космологические основания. Как отмечает В. В. Малявин, четверка (四) лежит в основе традиционной китайской картины мира, структурируя пространство (четыре стороны света), время (четыре сезона) и сакральную географию

(четыре священных горы, четыре моря) [11, с. 245, 247]. Философское осмысление числа четыре нашло отражение в конфуцианской и даосской традициях, где оно связывалось с идеей полноты и упорядоченности мироздания [10, с. 156–162].

В современной китайской культуре прослеживается устойчивая тенденция к избеганию числового иероглифа 四 *sì* «четыре» в повседневной коммуникации и социокультурных практиках. Это проявляется, в частности, в особенностях нумерации этажей в зданиях, где цифра 4 часто заменяется эвфемистическими обозначениями (3В, 3+1 и др.), а также в отрицательном отношении к автомобильным регистрационным номерам, содержащим данный компонент. Подобное отношение обусловлено спецификой китайской фонетической системы: иероглиф 四 *sì* «четыре» является омофоном иероглифа 死 *sǐ* «смерть», что формирует устойчивую ассоциативную связь между числом и представлениями о гибели и несчастье. В массовом сознании китайцев число четыре функционально сопоставимо с числом тринадцать в западноевропейской культурной традиции, что подтверждается распространением феномена тетрафобии – культурно обусловленного страха перед данным числовым компонентом.

Важно подчеркнуть, что негативная ассоциация числа 四 со «смертью» реализуется преимущественно на уровне изолированной лексемы. При включении данного компонента в состав устойчивого фразеологического сочетания (чэньюя) механизм его восприятия меняется. Как отмечает А.А. Залевская, в естественной речевой деятельности языковые единицы воспринимаются не изолированно, а целостно – через актуализацию связанных с ними ситуаций, представлений и выводных знаний [9, с. 25]. Это позволяет предположить, что во внутреннем лексиконе носителя китайского языка чэньюи с компонентом 四 хранятся и активируются как целостные единицы. Однако, как показывает анализ материала, исходная негативная

коннотация числового компонента не всегда полностью нейтрализуется; в ряде случаев она сохраняется и вносит вклад в общее значение фразеологизма.

Так в чэньюях 四分五裂 (раскол), 四面楚歌 (безвыходное положение), 四海鼎沸 (смута), 四体不勤 (белоручка), 丢三落四 (растеряха) негативная коннотация выражена ярко, и компонент «четыре» является органичной частью негативного образа. Таким образом, правильнее говорить не о полной нейтрализации негативной семантики числа, а о том, что фразеологическое значение пересиливает лексическую омофонию, однако негативный оценочный потенциал числа может сохраняться и использоваться в языке, что создает эффект семантической амбивалентности.

Для наглядного представления выявленных соответствий представим основные фразеологические параллели в виде обобщающей таблицы 2.

Таблица 2. Китайские фразеологические единицы с числовым компонентом 四

№	Чэньюй (ФЕ)	Значение и перевод	Коннотация	Тип соответствия
1.	四海为家 sì hǎi wéi jiā	«Четыре моря становятся домом» – чувствовать себя везде как дома; гражданин мира	нейтральная	частичный эквивалент
2.	四分五裂 sì fēn wǔ liè	«На четыре разделились, на пять разорвались» – не дружно; вразнобой; хаотично	негативная	частичный эквивалент
3.	四面楚歌 sì miàn chǔ gē	«С четырех сторон песни (княжества) Чу» – безвыходное положение	негативная	частичный эквивалент
4.	四通八达 sì tōng bā dá	«Соединенные в четырёх направлениях, достигают восемь» – во все стороны	нейтральная	частичный эквивалент
5.	四平八稳 sì píng bā wěn	«Четыре ровно, восемь устойчиво» – прочный, надежный; наверняка	нейтральная / ироническая	безэквивалентный
6.	四面八方 sì miàn bā fāng	«Четыре стороны, восемь направлений» – со всех сторон, повсюду	нейтральная	частичный эквивалент

7.	四大皆空 sì dà jiē kōng	«Четыре элемента - все пусты» – полная пустота	нейтральная / философская	безэквивалентный
8.	四下无人 sì xià wú rén	«По четырем сторонам нет людей» – кругом ни души	нейтральная	частичный эквивалент
9.	四四方方 sì sì fāng fāng	«Четыре-четыре, квадрат-квадрат» – ровный, четкий; (перен.) честный, правильный	нейтральная	функциональный аналог
10.	四时八节 sì shí bā jié	«Четыре сезона восемь праздников» – круглый год	нейтральная	функциональный аналог
11.	四体百骸 sì tǐ bǎi hái	«Четыре конечности сто костей» – от макушки до пят, плоть и кости	нейтральная	функциональный аналог
12.	四海升平 sì hǎi shēng píng	«Четыре моря восходят к миру» – всеобщий мир и процветание; политическая стабильность	позитивная	функциональный аналог
13.	四海承风 sì hǎi chéng fēng	«Четыре моря принимают учение» – все следуют добрым нравам/учению	позитивная	функциональный аналог
14.	四海鼎沸 sì hǎi dǐng fèi	«Четыре моря котел кипит» – смута, крайняя политическая нестабильность	негативная	безэквивалентный
15.	四书五经 sì shū wǔ jīng	«Четыре книги и пять канонов» (конфуцианская философия)	нейтральная	безэквивалентный
16.	四角俱全 sì jiǎo jù quán	«Все четыре угла на месте» – все на своих местах, полная гармония	нейтральная	функциональный аналог
17.	四荒八极 sì huāng bā jí	«Четыре пустоши восемь пределов» – на краю света, в самых дальних уголках земли	нейтральная	безэквивалентный
18.	四马攒蹄 sì mǎ cuán tí	«Четыре лошади стягивают копыта» – связанный по рукам и ногам, безвыходное положение	нейтральная	безэквивалентный
19.	四体不勤 sì tǐ bù qín	«Четыре конечности не прилагают усилия» – белоручка	негативная	безэквивалентный
20.	四海九州 sì hǎi jiǔ zhōu	«Четыре моря девять областей» – все земли Поднебесной	нейтральная	частичный эквивалент

21.	四面受敌 sì miàn shòu dí	«Со всех четырёх сторон подвергаться нападению врага» – подвергаться всестороннему давлению, быть атакованным со всех сторон	негативная	частичный эквивалент
22.	四顾无人 sì gù wú rén	«Посмотреть во все четыре стороны – нет людей» – кругом ни души	нейтральная	частичный эквивалент
23.	四战之地 sì zhàn zhī dì	«Земля четырех сражений» – стратегически важное место, зона военных действий	нейтральная	безэквивалентный
24.	四邻八舍 sì lín bā shè	«Четыре соседа, восемь домов» – ближайшие соседи	нейтральная	функциональный аналог
25.	四衢八街 sì qú bā jiē	«Четыре дороги, восемь улиц» – перекресток, оживленное место	нейтральная	функциональный аналог
26.	四姻九戚 sì yīn jiǔ qī	«Четыре свата, девять родственников» – дальняя и ближняя родня	нейтральная	безэквивалентный
27.	四序迁流 sì xù qiān liú	«Четыре сезона сменяют друг друга» – течение времени	нейтральная	функциональный аналог
28.	张三李四 zhāng sān lǐ sì	«Чжан третий, Ли четвертый» – некто; какие-то люди	нейтральная	функциональный аналог
29.	志在四方 zhì zài sì fāng	«Стремления на четыре стороны» – ставить высокие цели и задачи в жизни	позитивная	безэквивалентный
30.	丢三落四 diū sān là sì	«Потерять три, уронить четыре» – рассеянный и несобранный	негативная	функциональный аналог
31.	低三下四 dī sān xià sì	«Низкий третий, опущенный четвертый» – раболепный, униженный	негативная	функциональный аналог

Сопоставительный анализ фразеологических единиц с нумеральным компонентом «четыре» в русском и китайском языках позволяет выявить как универсальные, так и культурно-специфические черты их семантики и

функционирования. Результаты сопоставления обобщены в таблице 3, отражающей параметрические различия двух лингвокультурных традиций.

Таблица 3. Универсальные и культурно-специфические характеристики нумерального компонента «четыре» в русской и китайской фразеологии

Параметр сопоставления	Русская лингвокультура	Китайская лингвокультура
Космологическая символика	Четыре стороны света, четыре времени года, четыре стихии как элементы традиционной картины мира	四海 (четыре моря), 四方 (четыре стороны), 四时 (четыре сезона) как структурообразующие элементы космологии
Семантическая доминанта в составе ФЕ	Порядок, завершённость, устойчивость, целостность (<i>сидеть в четырёх стенах, как дважды два четыре</i>)	Пространственная полнота, множественность, всеохватность (<i>四海为家, 四面八方</i>)
Негативные коннотации	Контекстуальные, иронические, не закреплены за числом как таковым; возникают преимущественно в сатирических контекстах (<i>четвёртое измерение, Ах, судья, судья: четыре полы, восемь карманов!</i>)	Системные, обусловлены омофонией 四 / 死 (смерть); феномен тетрафобии на уровне изолированной лексемы; в составе ФЕ могут сохраняться (<i>四分五裂, 四面楚歌, 四体不勤</i>)
Продуктивные структурные модели	Фольклорно-игровые модели с оппозицией «четыре — восемь» (<i>четыре полы, восемь карманов; четыре двора, восемь улиц</i>)	Кодифицированные модели чэнъюев с параллелизмом 四...八... (<i>四通八达, 四平八稳, 四面八方</i>)
Наличие полных межъязыковых эквивалентов	Отсутствуют	Отсутствуют
Типологическая характеристика	Числовой компонент выполняет преимущественно символическую функцию, не обременён устойчивыми негативными ассоциациями	Числовой компонент совмещает космологическую символика с фонетически обусловленной негативной маркированностью, создавая эффект семантической амбивалентности

Как демонстрирует таблица 3, при наличии ряда универсальных черт (связь числа с пространственной и временной упорядоченностью, использование в устойчивых формулах для выражения полноты и завершённости) русская и китайская фразеологические системы обнаруживают принципиальные различия в характере функционирования нумерального компонента «четыре».

В русской лингвокультуре число «четыре» выступает преимущественно как символ порядка и целостности, свободный от устойчивых негативных коннотаций. Даже в случаях иронического или сатирического употребления (ср.: *четвёртое измерение, Ах, судья, судья: четыре полы, восемь карманов!*) негативная окраска формируется контекстуально и не экстраполируется на числовой компонент как таковой. Включение числа «четыре» в состав пословиц и поговорок закрепляет за ним семантику основы, фундаментальности (*Без четырёх углов изба не рубится*) либо диалектику устойчивости и случайности (*Конь о четырёх ногах, да и то спотыкается*).

В китайской лингвокультуре числовой компонент 四 характеризуется семантической амбивалентностью. С одной стороны, он наследует традиционную космологическую символику, связанную с идеями полноты и всеохватности, что находит отражение в чэньюях типа 四海为家, 四面八方, 四平八. С другой стороны, фонетическая омофония с иероглифом 死 «смерть» формирует устойчивую негативную ассоциацию, которая на уровне изолированной лексемы порождает феномен тетрафобии — культурно обусловленного избегания числа в повседневных практиках (нумерация этажей, регистрационные номера и т.п.). При включении в состав фразеологизма данная негативная коннотация может пересиливаться целостным значением единицы, однако, как показывает анализ материала, она не всегда полностью нейтрализуется. В чэньюях 四分五裂, 四面楚歌, 四体不勤, 丢

三落四, 低三下四 негативная оценочность сохраняется, причём число «четыре» выступает органичным компонентом негативного образа.

Принципиальное различие заключается в природе негативной маркированности: в русском языке она является контекстуально-прагматической, возникающей в определённых речевых ситуациях, тогда как в китайском языке она имеет системно-языковой характер, будучи закреплённой на уровне фонетической ассоциации и проявляющейся даже за пределами фразеологии (в повседневных поведенческих практиках).

Выявленные различия имеют существенное значение для переводческой практики и межкультурной коммуникации. Буквальное сохранение числового компонента при переводе китайских чэньюев на русский язык в большинстве случаев оказывается нецелесообразным, поскольку:

1. в русском языке отсутствует устойчивая культурная ассоциация числа «четыре» со смертью или несчастьем;
2. русские функциональные аналоги чаще передают смысл без сохранения числовой символики;
3. прагматический эффект китайских фразеологизмов, связанный с амбивалентностью числа, требует иных средств выражения в русском языке.

В свою очередь, при переводе русских фразеологизмов и пословиц с компонентом «четыре» на китайский язык необходимо учитывать, что сохранение числового компонента 四 может привести нежелательные коннотации, связанные с омофонией, что потребует либо замены на другой числовой компонент (например, 八 «восемь»), либо использования описательного перевода, либо актуализации семантики полноты и всеохватности, присущей числу 四 в составе чэньюев.

Таким образом, проведённое сопоставление позволяет заключить, что при формальном совпадении числового компонента его функционально-семантический потенциал в русской и китайской фразеологических системах реализуется по-разному, что обусловлено как структурными особенностями языков, так и спецификой культурно-символических систем. Данный вывод углубляет понимание механизмов концептуализации чисел во фразеологии и открывает перспективы для дальнейших исследований в области межкультурной коммуникации и переводоведения.

Заключение

Проведённое исследование показало, что нумеральный компонент «четыре» является значимым элементом лингвокультурного кода в русском и китайском языках, однако его символическое и аксиологическое наполнение существенно различается. В русской лингвокультуре число «четыре» преимущественно связано с представлениями о целостности, пространственной упорядоченности и норме. Негативные или иронические коннотации не закреплены за числом как таковым и возникают контекстуально, что отличает русскую традицию от китайской.

В китайской лингвокультуре нумеральный компонент 四 характеризуется семантической амбивалентностью: традиционная космологическая символика полноты и всеохватности сосуществует с устойчивой негативной оценкой, обусловленной фонетико-семантической ассоциацией с понятием смерти. В составе фразеологизмов данная амбивалентность проявляется по-разному: в одних чэнъюях целостное значение пересиливает омофоническую ассоциацию, в других — негативная коннотация, репрезентирует ситуации кризиса, распада и неблагополучия, сохраняется, составляя неотъемлемую часть образной основы выражения.

Сопоставительный анализ подтвердил асимметрию русской и китайской фразеологических систем: при наличии функциональных и концептуальных аналогов числовой компонент в русском языке, как правило, не сохраняется, тогда как в китайском он выступает важным носителем культурной информации. Это позволяет рассматривать нумеральный компонент «четыре» как маркер культурной специфики и инструмент символического кодирования опыта.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных выводов в переводоведении, межкультурной коммуникации и преподавании русского и китайского языков как иностранных. Теоретическая ценность работы состоит в уточнении роли нумеральных компонентов как элементов лингвокультурного кода и в расширении представлений о национально-специфических механизмах фразеологической номинации.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с верификацией полученных выводов экспериментальными методами. Представляется целесообразным проведение серии ассоциативных экспериментов с носителями русского и китайского языков, направленных на выявление реального коннотативного потенциала нумерального компонента «четыре» как в изолированном употреблении, так и в составе фразеологических единиц. Кроме того, актуальным представляется анализ функционирования нумеративных фразеологизмов в современном медиадискурсе, что позволит проследить динамику их семантики и прагматики в реальной коммуникации. Междисциплинарный подход, объединяющий лингвокультурологию, психолингвистику и когнитивную лингвистику, открывает новые перспективы для изучения числового кода культуры.

Литература

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии: краткий курс. – 2-е изд. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 312 с.
2. Бредис М.А., Ломакина О.В., Сюэ Б. Числовой код лингвокультуры: анализ нумератива «четыре» как компонента фразеологических единиц и паремий (на материале типологически разных языков) // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. – 2023. – № 1 (13). – С. 72–82. – DOI 10.22405/2712-8407-2023-1-72-82.
3. Булгакова О.А. Символика цифр в нумеральных фразеологизмах русского и китайского языков // Филология и человек. – 2024. – № 1. – С. 87–97. – DOI 10.14258/filichel(2024)1-06.
4. Ван Ш. Числа в китайской фразеологии // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 2. – С. 121–128.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / отв. ред. акад. Ю. С. Степанов. – М.: Индрик, 2005. – 1037 с.
6. Готлиб О.М., Му Х. Китайско-русский фразеологический словарь: около 3500 выражений. – 2-е изд., стереотип. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – 596 с.
7. Добровольский Д.О. Беседы о немецком слове. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 752 с.
8. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. – М.: РГГУ, 2007. – 560 с.
9. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.
10. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. – М.: Наука, 1994. – 432 с.
11. Малявин В.В. Китайская цивилизация. – М.: Астрель: Дизайн. Информация. Картография, 2000. – 632 с.
12. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
13. Никитина Т.Г., Роголёва Е.И. Инновационные приемы лингвокультурологической репрезентации русских фразеологизмов в словаре для иноязычных обучающихся // Русистика. – 2024. – Т. 22, № 2. – С. 171–189. – DOI 10.22363/2618-8163-2024-22-2-171-189.
14. Пелипенко Л.М. Когнитивно-семиотические и лингвокультурные особенности нумеративных фразеологических единиц (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2016. – 208 с.

15. Сизов С.Ю. Китайско-русский словарь идиом. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. – 320 с.
16. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты: монография. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
17. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: мозг, язык и сознание. – М.: АСТ, 2021. – 400 с.
18. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие. – М.: Ленанд, 2015. – 274 с.
19. Nieves Rivera M. On the Relationship between (Non) Exact Interpretations of Numerals and Language: Integrating Two Independent Cognitive Systems: PhD diss. – Columbus: Ohio State University, 2022. – 132 p.
20. Wiese H. Numbers, Language, and the Human Mind. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 358 p.

References

1. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. (2014) Osnovy frazeologii [The fundamentals of phraseology], 312 p.
2. Bredis M.A., Lomakina O.V., Sjuje B. (2023) Chislovoj kod lingvokul'tury: analiz numerativa «chetyre» kak komponenta frazeologicheskikh edinic i paremij (na materiale tipologicheski raznyh jazykov) [Numerical code of linguoculture: an analysis of the numeral "four" as a component of phraseological units and paremias (based on typologically diverse languages)]. Tul'skij nauchnyj vestnik. Serija Istorija. Jazykoznanie [Tula scientific bulletin. Series: history. Linguistics], 1 (13), pp. 72-82. DOI: 10.22405/2712-8407-2023-1-72-82
3. Bulgakova O.A. (2024) Simvolika cifr v numeral'nyh frazeologizmah russkogo i kitajskogo jazykov [Symbolism of Numerals in Russian and Chinese Numeral Phraseological Units]. Filologija i chelovek [Philology and the Human], 1, pp. 87-97. DOI: 10.14258/filichel(2024)1-06
4. Van Sh. (2008) Chisla v kitajskoj frazeologii [Numerals in chinese phraseology]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [Moscow University Bulletin. Series 19: linguistics and intercultural communication], 2, pp. 121–128.
5. Vereshagin E.M., Kostomarov V.G. (2005) Jazyk i kul'tura: tri lingvostranovedcheskie koncepcii: leksicheskogo fona, rechepovedencheskikh taktik i sapientemy [Language and culture: three linguo-cultural concepts: lexical background, speech behavior tactics, and sapienteme], 1037 p.
6. Gotlib O.M., Mu Huain. (2019) Kitajsko-russkij frazeologicheskij slovar'. Okolo 3500 vyrazhenij [Chinese-Russian phraseological dictionary], 596 p.

7. *Dobrovol'skij D.O.* (2013) *Besedy o nemeckom slove* [Conversations about the German Word], 752 p.
8. *Zalevskaja A.A.* (2007) *Vvedenie v psiholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics], 560 p.
9. *Zalevskaja A.A.* (2011) *Znachenie slova cherez prizmu jeksperimenta* [Word Meaning through the prism of experiment], 240 p.
10. *Kobzev A.I.* (1994) *Uchenie o simvolah i chislah v kitajskoj klassicheskoj filosofii* [The Teaching of symbols and numbers in classical Chinese philosophy], 432 p.
11. *Maljavin V.V.* (2000) *Kitajskaja civilizacija* [Chinese civilization], 632 p.
12. *Maslova V.A.* (2001) *Lingvokul'turologija* [Cultural linguistics], 208 p.
13. *Nikitina T. G., Rogaljova E. I.* (2024) *Innovacionnye priemy lingvokul'turologicheskoj reprezentacii russkih frazeologizmov v slovare dlja inozazychnyh obuchajushhihsja* [Innovative Techniques for Linguoculturological Representation of Russian Phraseological Units in a Dictionary for Foreign Language Learners]. *Rusistika* [Russian Studies], vol. 22, 2, pp. 171-189. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-2-171-189
14. *Pelipenko L.M.* (2016) *Kognitivno-semioticheskie i lingvokul'turnye osobennosti numerativnyh frazeologicheskikh edinic (na materiale anglijskogo i russkogo jazykov)* [Cognitive-semiotic and linguocultural features of numeral phraseological units (based on English and Russian languages)], 208 p.
15. *Sizov S. Ju.* (2005) *Kitajsko-russkij slovar' idiom* [Chinese-Russian dictionary of idioms], 320 p.
16. *Telija V.N.* (1996) *Russkaja frazeologija: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic, and linguocultural aspects], 288 p.
17. *Chernigovskaja T.V.* (2021) *Cheshirskaja ulybka kota Shrjodingera: jazyk i soznanie* [The cheshire smile of Schrödinger's cat: brain, language and consciousness], 400 p.
18. *Shanskij N.M.* (2015) *Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka* [Phraseology of the Modern Russian Language], 274 p.
19. *Nieves Rivera M.* On the relationship between (non) exact interpretations of numerals and language: integrating two independent cognitive systems: PhD diss. Columbus: Ohio State University, 2022. 132 p.
20. *Wiese H.* (2003) *Numbers, Language, and the Human Mind*, 358 p.

Статья поступила в редакцию 04.03.2026. Принята к публикации 28.03.2026
The paper was submitted on 04.03.2026. Accepted for publication 28.03.2026

Катекина Анастасия Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия)

Katekina Anastasia Alexandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication at Kazan (Volga Region) Federal University (Russia)

УДК 159.922

Долганина В.В.

Ставропольский государственный педагогически институт,
355029, ул. Ленина, 417 «А»
Ставрополь, Россия
vera.dolganina@xmail.ru

Кольцова И.В.

Ставропольский государственный педагогически институт,
355029, ул. Ленина, 417 «А»
Ставрополь, Россия
kucher-1979@mail.ru

Ширванян А.Э.

Ставропольский государственный педагогически институт,
355029, ул. Ленина, 417 «А»
Ставрополь, Россия
arevik-83@mail.ru

СКРЫТЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ МАНИПУЛЯЦИИ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Аннотация. В современном информационном обществе внимание аудитории становится ключевым ресурсом, а средства массовой информации выступают мощным инструментом психологического воздействия. Статья посвящена теоретическому анализу скрытых психологических механизмов манипуляции массовым сознанием, реализуемых в текстах современных СМИ. Актуальность исследования обусловлена усилением негативных тенденций в медиасреде, связанных с формированием упрощенных стереотипов, размыванием ценностных ориентиров и внедрением определенных моделей поведения. Методологическую базу работы составили положения психологии воздействия, когнитивной лингвистики и теории массовых коммуникаций. В ходе исследования применялись методы теоретического анализа, систематизации и интерпретативного анализа. В статье подробно рассматривается содержание понятия «манипуляция», проводится его разграничение со смежными категориями, такими как пропаганда. Особое внимание уделяется когнитивным механизмам обработки информации, используемым в манипулятивных целях: спецификации, противопоставлению, градуированию, концептуальной метафоре, метонимии и метафтонимии. Анализируются стратегии управления общественным сознанием (отвлечение внимания, инфантилизация аудитории, схема «проблема-реакция-решение») и роль имплицитной информации в снижении критичности восприятия. Делается вывод о многоуровневой природе манипуляции, объединяющей когнитивные, лингвистические и психологические компоненты. Статья вносит вклад в понимание «когнитивных уязвимостей» аудитории и определяет перспективы дальнейших эмпирических исследований и разработки методик повышения медиаграмотности.

Ключевые слова: манипуляция массовым сознанием, скрытые механизмы воздействия, когнитивная лингвистика, психология влияния, концептуальная метафора, когнитивные искажения.

Для цитирования: Кольцова И.В., Долганина В.В., Ширванян А.Э. Скрытые психологические механизмы манипуляции массовым сознанием в текстах современных СМИ // Организационная психолингвистика. – 2026. – № 1(33). – С. 140–151.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

© Долганина В.В.,
Кольцова И.В.,
Ширванян А.Э.,
2026

Dalganina V.V.
Koltsova I.V.
A.E. Shirvanyan
Stavropol State Pedagogical Institute
Stavropol, Russia

HIDDEN PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF MASS CONSCIOUSNESS MANIPULATION IN MODERN MEDIA TEXTS

Abstract. In today's information society, audience attention is becoming a key resource, and mass media are a powerful tool of psychological influence. This article provides a theoretical analysis of the hidden psychological mechanisms of mass consciousness manipulation implemented in contemporary media texts. The relevance of this study stems from the increasing negative trends in the media environment associated with the formation of simplified stereotypes, the erosion of value orientations, and the introduction of certain behavioral models. The methodological framework of this work is based on the principles of persuasive psychology, cognitive linguistics, and mass communication theory. The study utilized methods of theoretical analysis, systematization, and interpretive analysis. The article examines in detail the concept of «manipulation», distinguishing it from related categories such as propaganda. Particular attention is paid to the cognitive mechanisms of information processing used for manipulative purposes: specification, contrast, gradation, conceptual metaphor, metonymy, and metaphonymy. This article analyzes strategies for managing public consciousness (distraction, audience infantilization, and the «problem-reaction-solution» paradigm) and the role of implicit information in reducing critical perception. It concludes that manipulation is multi-layered, combining cognitive, linguistic, and psychological components. This article contributes to our understanding of audience «cognitive vulnerabilities» and identifies prospects for further empirical research and the development of methods for improving media literacy.

Keywords: manipulation of mass consciousness, hidden mechanisms of influence, cognitive linguistics, psychology of influence, conceptual metaphor, and cognitive distortions.

Cite as: *Dalganina V.V., Koltsova I.V., Shirvanyan A.E.* Hidden psychological mechanisms of mass consciousness manipulation in modern media texts // *Organizational Psycholinguistics*. – 2026. – No. 1(33). – pp. 140–151.

Введение

В современном мире главным ресурсом и «валютой» будущего становится внимание аудитории. Способность индивида управлять собственным вниманием и критически воспринимать информацию напрямую коррелирует с уровнем его когнитивной свободы. В условиях информационного перенасыщения именно средства массовой информации (СМИ) выступают одним из наиболее мощных инструментов психологического управления вниманием и, как следствие, манипулирования сознанием широких масс. В настоящее время наблюдается усиление негативных тенденций, связанных с формированием упрощенных стереотипов массового сознания, размыванием ценностных ориентиров и внедрением определенных моделей поведения, что актуализирует проблему выявления скрытых механизмов такого воздействия.

Методология и методы

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы в области психологии воздействия (С. Бузарнеску [2], Е.Л. Доценко [4], Р.В. Патюкова [7]), когнитивной лингвистики (В.И. Заботкина [5], Е.М. Позднякова [5], Л.А. Фурс [8]), и теории массовых коммуникаций (Г. Шиллер [9], Х. Наом [10]).

В работе был использован комплекс методов исследования:

- теоретический анализ научной литературы по проблеме манипуляции массовым сознанием;
- систематизация и классификация выявленных механизмов и стратегий воздействия;
- элементы концептуального анализа для описания когнитивных механизмов (метафора, метонимия, спецификация);

- интерпретативный анализ для выявления имплицитных смыслов и психологических «мишеней» воздействия.

Цель статьи заключается в теоретическом анализе скрытых психологических механизмов, лежащих в основе манипуляции массовым сознанием посредством текстов современных СМИ.

Теоретический обзор

Понятие манипуляции находится в центре внимания современного социогуманитарного знания. В работах отечественных исследователей манипулирование понимается как форма духовного воздействия, скрытое господство, осуществляемое насильственным путем, управление внутренним миром человека [1]. Наиболее полное определение дает Е.Л. Доценко [4], который видит в манипуляции сознанием «вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент». Он также подчеркивает, что это воздействие нацелено на изменение направления активности другого человека и выполняется настолько искусно, что остается незамеченным [4, с. 52].

Ключевой характеристикой манипуляции выступает ее скрытый характер: как подчеркивал Г. Шиллер [9], «для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной». В лингвистической традиции манипуляция рассматривается как один из видов речевого воздействия, а О.Н. Быкова [3] определяет языковую манипуляцию общественным сознанием при помощи СМИ как одну из наиболее актуальных и наименее изученных проблем современной культуры речевого общения.

Важным теоретическим различием является разграничение манипуляции и пропаганды. Если пропаганда направлена на открытое формирование общественного мнения и часто включает прямое обращение

или призывы к действиям, то манипуляция предполагает воздействие, которое реципиентом не осознается [2]. При этом в реальной медийной практике эти феномены часто переплетаются и взаимодополняют друг друга.

Скрытые механизмы манипуляции в современных СМИ направлены на подавление критического мышления и программирование поведения аудитории через обращение к эмоциям, а не к логике. Современные исследования в области когнитивной лингвистики позволяют выявить глубинные механизмы обработки информации, которые активизируются при манипулятивном воздействии. Л.А. Фурс [8] на материале новостных изданий выделяет такие когнитивные механизмы, как спецификация, противопоставление, градуирование, концептуальная метонимия, метафора и метафтонимия, а также случаи взаимодействия различных механизмов. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Механизм спецификации заключается в намеренном сужении или, наоборот, расширении объема понятия для создания нужной оценки. Автор текста может представить частный случай как закономерность (генерализация) или, напротив, описать общую проблему через единичный, эмоционально заряженный эпизод. В результате у читателя формируется искаженное представление о масштабе явления.

Противопоставление структурирует картину мира по бинарному принципу «свой – чужой». В новостных текстах это реализуется через жесткое разделение участников событий на конфликтующие группы, где одна сторона наделяется позитивными коннотациями, а другая – негативными. Такое поляризованное восприятие блокирует способность видеть сложность ситуации, навязывая упрощенную модель реальности.

Градуирование – прием, основанный на изменении интенсивности признака или оценки, часто путем подбора слов с разной степенью экспрессии (эвфемизмов или дисфемизмов). Плавно усиливая или ослабляя окраску на

протяжении текста, автор управляет эмоциональным состоянием аудитории, подводя ее к запланированному выводу.

Концептуальная метонимия переносит целый комплекс смыслов (фрейм) с одной сущности на другую на основе их смежности. Классический пример: замена конкретных людей названием страны или города («Кремль считает», «Киев запретил»). Этот прием обезличивает ответственность или, наоборот, наделяет абстрактное понятие человеческими свойствами.

Метафора служит инструментом моделирования реальности, осмысливая сложные явления через простые и понятные образы (медицинские, военные, театральные метафоры). Метафора не просто украшает текст, а задает рамку восприятия, диктуя аудитории, как именно нужно думать о проблеме и какие решения будут считаться «естественными».

Метафтонимия представляет собой сложный гибрид метафоры и метонимии, где один троп переходит в другой. В публицистике это создает многослойный образ, который трудно подвергнуть критическому анализу, так как он воздействует сразу на нескольких когнитивных уровнях.

В.И. Заботкина и Е.М. Позднякова [5] предлагают рассматривать манипуляцию через призму концептуальных проекций и когнитивных искажений. Исследователи разрабатывают полидоменную интегративную мега-модель медиаманипулирования, применение которой способствует пониманию когнитивных уязвимостей в массовой коммуникации. Данный подход позволяет объяснить, почему одни и те же техники оказываются эффективны для широких аудиторий – они апеллируют к универсальным особенностям когнитивной обработки информации.

Эффективность манипулятивного воздействия также определяется психологическими особенностями восприятия. Р.В. Патюкова и Н.Н. Оломская [7] выделяют такие методики, как программирование психики, дезинформация, умалчивание, массовое внушение, распространение слухов. Ключевую роль в этом процессе играет имплицитная информация – та часть

содержания текста, которая не выражена прямо, но может быть извлечена адресатом. Именно благодаря имплицитным смыслам манипуляция остается скрытой и эффективной.

На макроуровне анализ стратегий манипулирования, предложенный Х. Наомом [10], позволяет систематизировать подходы к управлению общественным сознанием. Среди них можно выделить:

Стратегию отвлечения внимания, когда общественность отвлекают от важных социально-экономических проблем потоком незначительной информации.

Стратегию «проблема-реакция-решение», когда искусственно создается проблема, вызывающая нужную реакцию общества, которая затем используется для принятия непопулярных мер.

Стратегию постепенного применения (или «кипячения лягушки»), предполагающую медленное и незаметное внедрение нежелательных изменений.

Инфантилизацию аудитории, то есть обращение к народу как к детям, с использованием примитивных аргументов и символов.

Апелляцию к эмоциям, а не к разуму, что блокирует способность к критическому анализу.

С точки зрения психологии, манипуляция представляет собой ситуацию, созданную для влияния на поведение индивида или группы. По мнению С. Бузарнеску [2], манипуляция искажает правду с помощью ложных аргументов, обращаясь к иррациональным областям сознания, что работает на массовом уровне вне зависимости от реального положения дел. В условиях, когда общество переполнено информацией из ангажированных источников, как никогда важно наличие независимых каналов коммуникации.

Выводы

Проведенный теоретический анализ позволяет сделать вывод о сложной, многоуровневой природе скрытых психологических механизмов манипуляции массовым сознанием в текстах современных СМИ.

Когнитивные механизмы (спецификация, противопоставление, градуирование, концептуальная метафора и метонимия) формируют уязвимые структуры обработки информации. Они не просто искажают отдельные факты, а перестраивают саму модель реальности в сознании реципиента, задавая выгодные манипулятору рамки восприятия.

Лингвистические приемы и стратегии (инфантилизация аудитории, отвлечение внимания, стратегия «проблема-реакция-решение») служат инструментами реализации когнитивных искажений на уровне текста. Они направлены на упрощение сложной картины мира и блокировку рационального анализа.

Психологические механизмы (снижение критичности мышления через апелляцию к эмоциям, стереотипам и имплицитным смыслам) обеспечивают «вход» манипулятивных установок в индивидуальное сознание и их закрепление. Воздействие на эмоциональную сферу делает информацию менее подверженной логической проверке.

Перспективным направлением дальнейших исследований является эмпирическая верификация описанных механизмов на материале конкретных медиатекстов (контент-анализ, эксперимент), а также изучение способов повышения когнитивной устойчивости аудитории к манипулятивному воздействию через развитие навыков медиаграмотности.

Литература

1. Бессонов Б.Н. Идеология духовного подавления. – М.: Издательство Московского университета, 2008. – 296 с.
2. Бузарнеску С. Речевая манипуляция как инструмент управления сознанием // Русистика без границ. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 54–62.

3. Быкова О.Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. – Красноярск, 1999. – Вып. 1 (8). – С. 99–103.

4. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – СПб.: Речь, 2003. – 304 с.

5. Заботкина В.И., Позднякова Е.М. Манипулятор и манипулируемый: искажение когнитивных процессов в медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2025. – № 4. – С. 44–56.

6. Моисеенко Д.А. Скрытые средства воздействия на массовое сознание в текстах СМИ [Электронный ресурс] // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». – 2019. – № 3. – URL: <http://vestnik-rosnou.ru/человек-в-современном-мире-human-modern-world/2019/3/86> (дата обращения: 02.03.2026). – DOI 10.25586/RNU.V925X.19.03.P.086.

7. Патюкова Р.В., Оломская Н.Н. Методы и приемы языкового манипулирования в текстах СМИ // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – № 4. – С. 115–122.

8. Фурс Л.А. Когнитивные механизмы манипулятивного воздействия в медиадискурсе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2025. – № 3. – С. 227–234.

9. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / пер. с англ. – М.: Мысль, 1980. – 326 с.

10. Naomi H. (2000). *The gentle art of verbal self-defense at work*. Prentice Hall Press. 320 p.

References

1. Bessonov B.N. (2008). *Ideologiya dukhovnogo podavleniya* [The ideology of spiritual suppression]. Moscow University Press. 296 p.

2. Buzzarnescu S. (2020). Rechevaya manipulyatsiya kak instrument upravleniya soznaniem [Speech manipulation as a tool for mind control]. *Rusistika bez granits*, 4(4), pp. 54-62.

3. Bykova O.N. (1999). Yazykovoe manipulirovanie [Linguistic manipulation]. In *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya: Vestnik Rossiiskoi ritoricheskoi assotsiatsii* (Iss. 1, pp. 99-103).

4. Dotsenko E.L. (2003). *Psikhologiya manipulyatsii: Fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [The psychology of manipulation: Phenomena, mechanisms, and protection]. Rech. 304 p.

5. Zabotkina V.I., & Pozdnyakova, E.M. (2025). Manipulyator i manipuliruemyi: Iskazhenie kognitivnykh protsessov v mediadiskurse [The manipulator and the

manipulated: Distortion of cognitive processes in media discourse]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, (4), pp. 44-56.

6. *Moiseenko D.A.* (2019). Skrytye sredstva vozdeistviya na massovoe soznanie v tekstakh SMI [Hidden means of influencing mass consciousness in media texts]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya "Chelovek v sovremennom mire"*, (3). <http://vestnik-rosnou.ru/человек-в-современном-мире-human-modern-world/2019/3/86>. doi:10.25586/RNU.V925X.19.03.P.086

7. *Patyukova R.V., & Olomsкая, N.N.* (2020). Metody i priemy yazykovogo manipulirovaniya v tekstakh SMI [Methods and techniques of linguistic manipulation in media texts]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, (4), pp. 115-122.

8. *Furs L.A.* (2025). Kognitivnye mekhanizmy manipulyativnogo vozdeistviya v mediadiskurse [Cognitive mechanisms of manipulative influence in media discourse]. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya"*, (3), pp. 227-234.

9. *Schiller, H.* (1980). *Manipulyatory soznaniem* [The mind managers]. Mysl. (Original work published 1973)

10. *Naomi H.* (2000). *The gentle art of verbal self-defense at work*. Prentice Hall Press. 320 p.

Статья поступила в редакцию 02.03.2026. Принята к публикации 22.03.2026
The paper was submitted on 02.03.2026. Accepted for publication 22.03.2026

Долганина Вера Васильевна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и возрастной психологии Ставропольского государственного педагогического института (Россия)

Кольцова Ирина Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и возрастной психологии Ставропольского государственного педагогического института (Россия)

Ширванян Аревик Эрниковна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории, истории общей педагогики и социальных практик Ставропольского государственного педагогического института (Россия)

Dolganina Vera Vasilyevna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General and Age Psychology at Stavropol State Pedagogical Institute (Russia)

Koltsova Irina Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Age Psychology at Stavropol State Pedagogical Institute (Russia)

Shirvanyan Arevik Ernikovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory, History of General Pedagogy, and Social Practices at Stavropol State Pedagogical Institute (Russia)

81'255.4:164.03

Сахневич С.В.Институт деловой карьеры
109029, ул. Нижегородская, д. 32, стр. 4
Москва, Россия
crash68@yandex.ru**АНАЛИЗ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА В ПРОЦЕССЕ
ПЕРЕВОДА НА ОСНОВЕ АНАЛОГИИ С «ТЕЛЕСКОПОМ ФРЕГЕ»**

Аннотация. В статье обосновывается неизбежность субъективности в переводческой деятельности, доминирующей, но не подкрепленной вескими доказательствами, точки зрения об утопичности объективного перевода (Гачечиладзе, Касевич, Леонтьева, Миловидов и др.). Однако, в отличие от теоретических утверждений вышеприведенных авторов о субъективизации перевода, статья предоставляет логически структурированное доказательство, опираясь на концепцию «денотата / смысла / идеи» Готлоба Фреге и его аналогию с наблюдением Луны через телескоп, где Луна – денотат; изображение в объективе телескопа – смысл; а изображение на сетчатке глаза – идея. Анализ показывает, что, хотя объективный смысл (изображение в объективе) может быть стремлением переводчика, сам акт интерпретации этого смысла, необходимый для его передачи в ином языке, неизбежно проходит через призму личной «сетчатки» переводчика, где аналогией денотату служит исходный текст, смыслу – объективный переводящий текст, а идее – субъективный переводящий текст. Выводы основываются на логическом анализе фрегевской модели в применении к процессу перевода. Показано, что возможность полного исключения «сетчатки» переводчика из процесса передачи смысла – изображения в объективе – является фундаментальной иллюзией объективности перевода.

Ключевые слова: денотат, идея, интерпретация, личность переводчика, луна, мета-переводчик, объективный переводящий текст, смысл, субъективный переводящий текст, «телескоп Фреге».

Для цитирования: Сахневич С.В. Анализ проявления личности переводчика в процессе перевода на основе аналогии с «телескопом Фреге» // Организационная психолингвистика. – 2026. – № 1(33). – С. 151–167.

Sakhnevich S.V.
Institute of Business Career
Moscow, Russia

ANALYSIS OF THE TRANSLATOR'S PERSONALITY MANIFESTATION IN THE TRANSLATION PROCESS BASED ON THE ANALOGY WITH «FREGE'S TELESCOPE»

Abstract. This article argues for the inevitability of subjectivity in translation, challenging the dominant, yet unsubstantiated, viewpoint that objective translation is a utopian ideal (Gachechiladze, Kasevich, Leontyeva, Milovidov, et al.). However, unlike the theoretical assertions of the aforementioned authors regarding the subjectivization of translation, this article provides a logically structured proof, drawing upon Gottlob Frege's «reference/sense/idea» concept and his analogy of observing the Moon through a telescope, where the Moon is the reference; the image in the telescope's lens is the sense; and the image on the observer's retina is the idea. The analysis demonstrates that, while objective sense (the image in the lens) may be the translator's aspiration, the very act of interpreting this sense, necessary for its transmission in another language, inevitably passes through the prism of the translator's personal «retina», where the source text serves as an analogy to the reference, the objective translating text to the sense, and the subjective translating text to the idea. The conclusions are based on a logical analysis of Frege's model applied to the translation process. It is shown that the possibility of completely excluding the translator's «retina» from the process of conveying the sense – the image in the lens – is a fundamental illusion of the objectivity of translation.

Keywords: denotation, «Frege's telescope», idea, interpretation, meta-translator, moon, objective target text, sense, subjective target text, translator's personality.

Cite as: *Sakhnevich S.V.*, Analysis of the translator's personality manifestation in the translation process based on the analogy with «Frege's telescope» // Organizational Psycholinguistics. – 2026. – No. 1(33). – pp. 151–167.

Введение

Несмотря на устоявшиеся положения о неизбежности субъективности в переводческой деятельности, дискуссия о ней часто остается в рамках теоретических умозрений. Отсутствие доказательств для доминирующей точки зрения о невозможности «объективного перевода» с позиций так называемого «метафизического подхода» к переводческой деятельности может затруднять развитие переводческой практики и подготовки переводчиков, потому что, если переводчики и заказчики полагают, что возможен абсолютно объективный перевод, это может приводить к нереалистичным ожиданиям, занижению роли переводчика как творческого

интерпретатора и недостаточному вниманию к культурным тонкостям. Окончательное же доказательство утопичности «объективного перевода» [2, с. 160] может способствовать принятию вызовов современности в сфере перевода. Например, в эпоху быстрого развития технологий машинного перевода возникает вопрос о том, могут ли машины заменить людей в переводческой деятельности. Сторонники машинного перевода часто утверждают, что машины способны обеспечить более объективный и точный перевод, чем люди [1, с. 16]. Однако, если будет эмпирически доказано, что субъективность является неизбежным и фундаментальным аспектом перевода [4, с. 5], это укрепит позиции сторонников человеческого перевода и подчеркнет важность творческих, культурных и контекстуальных навыков, которые недоступны машинам. Далее, понимание неизбежности субъективности в переводе имеет практические последствия для подготовки переводчиков. Если признать, что объективный перевод недостижим, то акцент в обучении должен быть сделан не на достижении невозможного идеала, а на развитии критического мышления, осознании собственных предубеждений и умении обосновывать свои переводческие решения. Поэтому остается актуальным обоснование положений о неизбежности субъективности в переводческой деятельности. Использование «телескопа Фреге» как аналитического инструмента *может* способствовать проверке этих положений.

Следует отметить, что в истории перевода существовала и противоположная точка зрения, восходящая к идеям о возможности создания «идеального» или «абсолютного» перевода. Сторонники этого подхода, как правило, ориентировались на доминирование формы или содержания оригинала, полагая, что при достаточной квалификации и следовании строгим правилам переводчик способен стать «прозрачным стеклом», полностью устранив свое влияние на конечный продукт. В рамках

лингвистической теории перевода, особенно на ранних этапах ее становления, нередко постулировалась возможность установления жестких соответствий между языковыми единицами, что имплицитно предполагало минимизацию роли переводчика как интерпретатора. Хотя современная наука в значительной степени отошла от таких взглядов, их критика важна для понимания эволюции переводческой мысли и для более четкого позиционирования предлагаемой нами модели, которая утверждает обратное – неизбежность и конститутивность субъективности.

Противоречие: между умозрительной концепцией о неизбежной субъективной интерпретации текста переводчиком и отсутствием аналитического инструмента для доказательства вышеупомянутой неизбежности.

Проблема: как доказать, что субъективность переводчика невозможно устранить?

Цель: доказать неизбежность влияния личности переводчика в формировании смысла перевода, используя аналогию с «телескопом» Фреге.

Объект: процесс перевода как деятельность по формированию смысла текста.

Предмет: аналогия «телескопа» Фреге с субъективностью переводчика.

Гипотеза: личность переводчика, преломляя исходный текст через призму языка и культуры – подобно «телескопу» Фреге – оказывает существенное влияние на формирование смысла перевода.

Задачи:

1. Проанализировать концепцию «телескопа» Фреге и ее применимость для описания процесса перевода.
2. Выявить факторы, обуславливающие субъективность переводчика.
3. Исследовать влияние субъективности переводчика на формирование смысла перевода.

4. Предложить модель анализа проявления личности переводчика в процессе перевода на основе аналогии с «телескопом» Фреге.

Основная часть

Для того, чтобы установить отношения между объектами и названиями объектов и развести понятия «денотат, смысл, идея», Фреге вводит аналогию с наблюдением Луны через телескоп. В частности, Луна – это денотат, ОБЪЕКТ наблюдения во ВНЕШНЕМ мире); изображение в объективе телескопа – это смысл (ОБЪЕКТИВНОЕ представление Луны, которое может видеть ЛЮБОЙ наблюдатель). Изображение на сетчатке глаза наблюдателя – это идея (СУБЪЕКТИВНОЕ восприятие Луны, зависящее от ИНДИВИДУАЛЬНЫХ особенностей наблюдателя) [11, с. 215].

В контексте перевода «Луна» в «Телескопе Фреге» соответствует исходному тексту. Исходный текст представляет собой объективную реальность, содержащую информацию, идеи и культурные отсылки, которые необходимо передать. Подобно Луне, исходный текст существует независимо от переводчика и его интерпретации.

Изображение Луны в объективе телескопа соответствует переводу, представляющему собой интерпретацию и репрезентацию исходного текста на целевом языке воображаемым мета-переводчиком [10, с. 78] – аналог телескопа. Объектив телескопа, подобно мета-переводчику – как если бы переводчик был единственным в своем роде, преломляет и фокусирует свет – значение – от Луны, создавая изображение, которое можно наблюдать.

Изображение Луны на сетчатках глаз соответствует восприятию перевода другими переводчиками. Это – субъективные и индивидуальные отрезки восприятия, обусловленные личным опытом, знаниями, убеждениями и культурным контекстом каждого переводчика. Подобно тому, как изображение на сетчатках глаз зависит от физиологических особенностей

наблюдателей, восприятие перевода зависит от индивидуальных особенностей каждого переводчика [8, с. 19].

Применимость «Телескопа Фреге» для описания процесса перевода заключается в том, что метафора «телескопа Фреге» позволяет разграничить объективные и субъективные аспекты перевода, то есть выделить «объективный» смысл исходного текста и субъективное восприятие перевода (рис. 1). Перевод всегда является «односторонним» и «зависимым от точки зрения», как и изображение в телескопе.

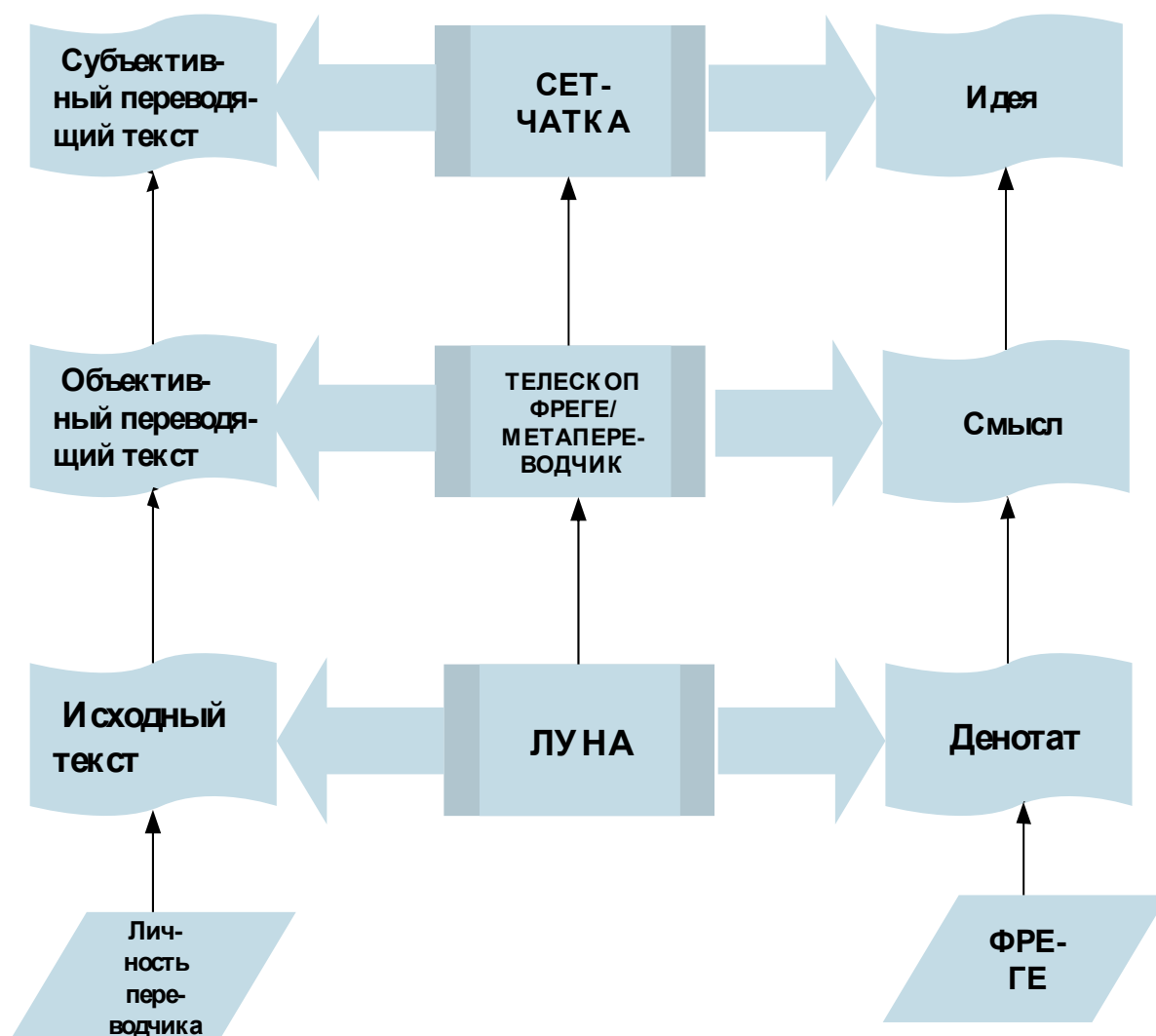

Рис. 1. Модель проявления личности переводчика в процессе перевода на основе аналогии с «телескопом Фреге».

Субъективность переводчика, рассматриваемая через призму «телескопа Фреге», определяется рядом факторов, влияющих на его восприятие, интерпретацию и, как следствие, трансляцию исходного текста на целевой язык. Эти факторы, действуя подобно «линзам» внутри «телескопа», формируют индивидуальное «изображение» текста, которое затем проецируется на целевую аудиторию.

Прежде всего, это – индивидуальный опыт и знания. В языковую компетенцию входят уровень владения как исходным, так и целевым языками. Недостаточное знание языка оригинала может приводить к неверной интерпретации смысла, а ограниченный словарный запас в целевом языке - к неадекватной передаче нюансов. Знание и понимание культурных контекстов, исторических реалий, традиций и ценностей, как исходной, так и целевой культуры влияют на интерпретацию метафор, идиом и аллюзий. Предметная экспертиза может приводить или не приводить к терминологическим ошибкам и искажению фактической информации. Собственный жизненный опыт, образование, политические взгляды, религиозные убеждения и моральные принципы переводчика могут влиять на интерпретацию текста и выбор переводческих решений [8, с. 19]. Аналитический, синтетический, интуитивный стили мышления влияют на то, как переводчик воспринимает и обрабатывает информацию, а различные когнитивные искажения, например предвзятость подтверждения, эффект ореола, могут влиять на интерпретацию текста и приводить к неосознанным ошибкам [5, с. 135]. Желание точно передать смысл оригинала, создать «красивый» текст на целевом языке, получить гонорар или заслужить признание влияют на подход к работе.

Методы

Анализ теоретической литературы: изучение работ по объективизации и субъективизации перевода, аналитической философии, философии языка и феноменологии Эдмонда Гуссерля [3, с. 190].

Метафорический анализ: использование аналогии с «телескопом» Фреге для моделирования процесса перевода.

Качественный анализ переводов: анализ конкретных примеров перевода для выявления влияния личности переводчика на формирование смысла текста.

Моделирование: созданию концептуальной модели процесса перевода, основанной на аналогии с «телескопом Фреге».

Материал исследования

Для эмпирической иллюстрации действия факторов субъективности верификации предложенной модели был проведен экспериментальный перевод фрагмента англоязычного текста ...among some tribes a river eel is a cult idol whereas a sea eel causes insurmountable vomiting the taste and colour being the same though... (англ.) для разных сегментов реципиентов перевода, содержащего культурно-специфичную конструкцию, требующую интерпретации через «телескоп Фреге», а не буквальной или вольной передачи:

Денотат (речной и морской угри): исходная ситуация – угри одинаковые, один едят, от другого становится плохо.

Смысл (объектив телескопа мета-переводчика): объективное значение – «парадокс двух одинаковых угрей и разных культурных и семиотических кодов». Задача «идеального» мета-переводчика – передать именно этот смысл, отбросив буквальную образность.

Идея (сетчатки конкретных переводчиков, работающих на разных реципиентов перевода):

Переводчик для сегмента «Ортодоксы религии»:

«И, хотя угри речные и морские по естеству своему едины, суетные поверья языческие воздвигают меж ними преграды ложные и бесполезные, разделяя то, что в создании Своём Богом не разделено было».

Переводчик для сегмента «Хулиганы»:

«До фени, что речные и морские угри – одной масти, фишка здесь – это понятия у аборигенов, они просто одних за всю мазуту точат, а от вторых их блевать тянет».

Переводчик для сегмента «Студенты».

«Речной и морской угри, принадлежащие к одному таксону, обладают практически идентичными морфологическими и физиологическими характеристиками. Однако из-за различий в среде обитания, экологических нишах и особенностях поведения, а также с учетом влияния адаптивной радиации, между ними формируется значительное биоценотическое и экосистемное различие».

Переводчик для сегмента «Менеджеры».

«Несмотря на полное сходство речных и морских угрей в их основных характеристиках, религиозные институты продолжают внедрять сегментацию между ними, создавая барьеры восприятия и разрывы в их позиционировании. Эта дифференциация, не подкреплённая объективными факторами, затрудняет эффективное объединение ресурсов и развитие единой стратегии в отношении их интеграции».

Переводчик для сегмента «Рабочие».

«Не есть суть, что речной и морской угри на самом деле одинаковые – их местные церковники всё равно возводят между ними стену как между нами и начальством, которую реально не перепрыгнуть».

Переводчик для сегмента «Интеллектуалы».

«Несмотря на то, что речной и морской угри по своей сущности неразличимы, религиозные структуры, опираясь на метафизическое забвение бытия, конституируют между ними непреодолимую пропасть. Эта пропасть есть не что иное, как проявление укоренившегося в эпохе «текно» сокрытия истины, где различие становится господствующим через забывание единства их подлинного бытия».

Переводчик для сегмента «Иммигранты».

«Не играет роль, слышай-э, что речной и морской балык как брат да, эти неверные между ними такой делений делают, это просто как гора к тебе не идет никак».

Эти примеры наглядно демонстрируют, как «линзы» индивидуального опыта, культурных знаний и целеполаганий переводчика преломляют «свет» исходного сообщения, формируя на «сетчатке» реципиента перевода разные, но в равной степени субъективные «изображения».

Результаты

Анализ представленных переводов в рамках фреговской модели «телескопа» позволяет сделать следующие выводы, категорически подтверждающие гипотезу о неизбежности и конститутивности субъективности в переводческой деятельности.

Во-первых, при неизменном денотате (исходная ситуация с угрями, где два идентичных по свойствам объекта наделяются различной культурной ценностью) и единой задаче передачи смысла (парадокс культурного разделения), конечные тексты – «идеи», запечатленные на «сетчатке» читателя – демонстрируют радикальное расхождение. Это расхождение не является следствием ошибки или недостаточной квалификации переводчиков, но прямым результатом работы их субъективных «линз». Переводчик, таким образом, логически позиционируется не как пассивный ретранслятор, но как активный конструктор смысла, формирующий

результатирующий текст подобно линзе, фокусирующей лучи объективной информации (денотата) в субъективном поле восприятия реципиента.

Во-вторых, анализ позволяет иерархизировать факторы, детерминирующие характер субъективного преломления и упорядоченные по степени влияния:

1. Целеполагание выступает доминирующим фактором: переводчик для «менеджеров» создает бизнес-дискурс с акцентом на сегментацию и позиционирование; для «студентов» – академический дискурс с опорой на таксономию и адаптивную радиацию; для «интеллектуалов» – философский дискурс, апеллирующий к метафизическому забвению бытия. Осознанное целеполагание, определяемое анализом целевой аудитории и функциональной задачи, гарантирует релевантность текста.

2. Культурная компетенция определяет выбор стилистического регистра и языковых средств: сакральная лексика и церковнославянизмы для сегмента «ортодоксы», сниженная, почти арготическая лексика для «хулиганов», имитация научного стиля для «студентов». Эта компетенция, основанная на бикультурном понимании контекстов исходного и целевого языков, формирует адекватность интерпретации культурных феноменов.

3. Профессиональные навыки (лингвистическая компетенция, знание предметной области, владение переводческими стратегиями) обеспечивают техническую реализуемость выбранной стратегии и грамматическую правильность высказывания, но не определяют ее содержательный вектор.

В-третьих, проявление субъективности переводчика в процессе трансляции текста манифестируется в следующих аспектах:

(α) в выборе лексических и стилистических единиц, демонстрирующем индивидуальное чувство стиля и понимание стилистических норм целевой аудитории;

(β) в интерпретации метафорических конструкций и культурных аллюзий, отражающей уровень бикультурной компетенции переводчика;

(γ) в адаптации текста для целевой аудитории, что прямо пропорционально отражает понимание потребностей, ожиданий и когнитивных особенностей реципиента.

Таким образом, представленные результаты эмпирически подтверждают, что субъективность переводчика является не устранимым препятствием на пути к мифическому «объективному переводу», а необходимым инструментом адаптации смысла к потребностям конкретной аудитории. Предложенная модель анализа, основанная на фреговской аналогии, открывает перспективные направления для дальнейших исследований в области метакогнитивных аспектов переводческой деятельности и разработки практических методик развития переводческой рефлексивности.

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтверждают ключевую роль личности переводчика в процессе межъязыковой и межкультурной коммуникации и предоставляют эмпирическое обоснование для давно декларируемого, но недостаточно доказанного тезиса о неизбежности субъективности в переводе [2, с. 160; 8, с. 19]. Предложенная модель анализа, основанная на метафоре «телескопа Фреге», продемонстрировала свою эффективность как инструмент, позволяющий не просто констатировать наличие субъективности, но и объяснить механизм ее возникновения, связав конкретные переводческие решения с работой индивидуальных «линз» переводчика.

Теоретическая значимость полученных результатов заключается в следующем. Во-первых, исследование преодолевает разрыв между умозрительными утверждениями о субъективности перевода и отсутствием

аналитического инструментария для ее доказательства. Фреговская модель, изначально созданная для решения проблем философии языка [11, с. 217], успешно адаптирована для описания динамики переводческого процесса, что позволяет рассматривать перевод не как механический перенос значений, а как сложный акт интерпретации, в котором личность переводчика играет конститутивную роль. Во-вторых, выявленная иерархия факторов субъективности (целеполагание → культурная компетенция → профессиональные навыки) вносит вклад в развитие теории переводческой деятельности, предлагая более тонкий инструмент для анализа и оценки качества перевода. В-третьих, результаты исследования вступают в продуктивный диалог с положениями когнитивной лингвистики о роли субъекта в формировании смысла [5, с. 135] и с идеями постструктурализма о множественности интерпретаций [6, с. 5], предоставляя им эмпирическую базу.

Практическая значимость исследования реализуется в нескольких направлениях. Прежде всего, полученные данные имеют прямое отношение к дискуссии о возможностях машинного перевода. Результаты наглядно демонстрируют, что перевод в своей сущности является не алгоритмической операцией по замене языковых единиц, а творческим актом, требующим учета культурного контекста, целевой аудитории и коммуникативной ситуации. Тексты, созданные для разных сегментов аудитории, различаются не лексически, а концептуально: они формируют разные смыслы, разные картины мира. Эта способность к смыслопорождению, укорененная в субъективном опыте и целеполагании, остается (и, вероятно, еще долго будет оставаться) прерогативой человека [1, с. 16].

Далее, понимание неизбежности субъективности и знание механизмов ее действия должно быть интегрировано в систему подготовки переводчиков. Обучение не может и не должно сводиться к достижению мифического идеала

«объективного» или «единственно верного» перевода. Напротив, акцент должен быть сделан на развитии переводческой рефлексивности – способности осознавать собственную субъективность, анализировать факторы, влияющие на принятие решений, и обоснованно выбирать стратегию перевода, исходя из анализа целевой аудитории и коммуникативной задачи. Предложенная в статье модель может служить основой для разработки практических методик формирования такой рефлексивности [7, с. 102].

Интерпретация эмпирических данных. Полученные варианты перевода для разных сегментов аудитории убедительно демонстрируют центральный тезис статьи. В терминах «телескопа Фреге» все переводчики имели дело с одним и тем же денотатом (Лунной) и, предположительно, стремились к передаче единого смысла (изображению в объективе). Однако созданные ими тексты – «идеи» на сетчатке – радикально разошлись. Это расхождение не является ошибкой или недостатком квалификации; напротив, каждый из представленных переводов является адекватным для своего сегмента. Перевод для «менеджеров» успешно выполняет свою функцию в бизнес-коммуникации, перевод для «студентов» – в академической среде, перевод для «интеллектуалов» – в философском дискурсе. Таким образом, субъективность выступает не как препятствие, а как инструмент адаптации, позволяющий сделать текст релевантным и понятным для конкретной аудитории.

Ограничения исследования и перспективы. Проведенное исследование носит качественный характер и основано на анализе ограниченного числа переводческих решений. Дальнейшие перспективы связаны с проведением количественных исследований на более обширном материале, что позволит выявить статистически значимые закономерности и уточнить предложенную иерархию факторов. Кроме того, перспективным представляется изучение роли слушателя/читателя как со-участника

феноменологического акта перевода, а также сравнительный анализ проявления субъективности в различных типах перевода (художественный, технический, синхронный). Разработка конкретных методик развития переводческой рефлексивности на основе предложенной модели также составляет важную задачу для будущих исследований.

Заключение

Применение фреговской модели «телескопа» к процессу перевода предоставляет эвристический подход к анализу межъязыковой и межкультурной коммуникации, позволяющий преодолеть упрощённые, денотативно-ориентированные трактовки. Анализ показывает, что «телескоп Фреге» – это не просто механический инструмент, а динамическая система, части которой взаимодействуют в сложной взаимосвязи. Изучение данной модели выявило следующие ключевые аспекты.

Передача значения представляет собой многоуровневый процесс, в котором денотат, смысл и потенциальные идеи аудитории интегрируются в сложную систему. Субъективность переводчика (как оператора «телескопа») является неотъемлемым, но не предопределяющим фактором, влияющим на формирование конечного продукта.

«Личная оптика» переводчика, включающая в себя индивидуальный опыт, когнитивные особенности и цели перевода, не является препятствием для достижения эквивалентности, а, напротив, необходимым условием для формирования адекватного перевода. Именно благодаря этой «оптике» переводчик может адаптировать смысл к контексту, создавая релевантный текст для целевой аудитории.

Фреговская модель «телескопа» предоставляет структурированный фреймворк для анализа переводческих решений. Использование этой модели позволяет переводчику осознанно выбирать стратегии, учитывать

потенциальные проблемы в восприятии текста и оценивать степень соответствия перевода исходному тексту и потребностям целевой аудитории.

Модель «телескопа» подчеркивает необходимость учёта культурных различий в восприятии смыслов, способствуя более глубокому пониманию процесса межкультурной коммуникации. Переводчик, как «оптик», должен учитывать когнитивные особенности, ценности, знания, убеждения, эмоциональные установки целевой аудитории, регулируя настройки «телескопа» для оптимального восприятия текста.

Принимая во внимание неизбежную роль субъективности, модель «телескопа» позволяет отказаться от утопического стремления к «идеальному» переводу, а сосредоточиться на создании оптимальных версий, адаптированных к конкретным контекстам.

В целом, предложенная модель «телескопа Фреге» предоставляет теоретически обоснованную и практико-ориентированную основу для анализа процесса перевода, способствуя повышению качества и эффективности межкультурной коммуникации. Дальнейшие эмпирические исследования, направленные на верификацию этой модели и расширение её применения в различных областях перевода, представляются перспективными для углубления понимания сложной природы перевода как динамического процесса интерпретации.

Литература

1. *Алексеева И.С.* Профессиональный тренинг переводчика / И.С. Алексеева. – СПб.: Перспектива, 2008. – 288 с.
2. *Гачечиладзе Г.Р.* Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Г.Р. Гачечиладзе. – М.: Сов. писатель, 1980. – 254 с.
3. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии феноменологической философии / Э. Гуссерль. – М.: Академический Проект, 2009. – 496 с.
4. *Леонтьева К.И.* Когнитивно-семиотическая модель перевода: доминанты, перспектива, дискурс (на материале русских переводов

произведений англоязычной литературы XIX-XX веков): дис. ... д-ра. филол. наук / К. И. Леонтьева. – Тверь, 2022. – 523 с.

5. *Касевич В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык / В.Б. Касевич. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 288 с.

6. *Миловидов В.А.* От семиотики текста к семиотике дискурса / В. А. Миловидов. – Тверь: ТвГУ, 2000. – 94 с.

7. *Миловидов В.А.* Проблема минимальной единицы перевода в контексте теории дискурса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2011. – No 2. – С. 99–105.

8. *Миловидов В.А.* Семиотика литературно-художественного дискурса / В. А. Миловидов. – М.: Буки Веди, 2016. – 172 с.

9. *Миловидов В.А.* Литературно-художественный перевод как инструмент теории и истории литературы // Новый филологический вестник. – 2018. – №3(46). – С. 243-252.

10. *Тороп П.* Тотальный перевод / П. Тороп. – Тарту: Издательство Тартуского Университета, 1995. – 220 с.

11. *Фреге Г.* Логика и логическая семантика: сборник трудов / Г. Фреге. – М.: Аспект Пресс, 2000. — 512 с.

References

1. *Alekseeva I.S.* (2008). Professional'nyy trening perevodchika [Translator's professional training]. Perspektiva. 288 p.

2. *Gachechiladze G.R.* (1980). Khudozhestvennyy perevod i literaturnye vzaimosvyazi [Literary translation and literary interrelations]. Sov. pisatel'. 254 p.

3. *Husserl E.* (2009). Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii [Ideas pertaining to a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy]. Akademicheskiy Proekt. 496 p.

4. *Leont'eva K.I.* (2022). Kognitivno-semioticheskaya model' perevoda: dominanty, perspektiva, diskurs (na materiale russkikh perevodov proizvedeniy angliyazychnoy literatury XIX–XX vekov) [Cognitive-semiotic model of translation: dominants, perspective, discourse (based on Russian translations of English-language literature of the 19th–20th centuries)] : Doctoral diss. in Philology. Tver'. 523 p.

5. *Kasevich V.B.* (1996). Buddizm. Kartina mira. Yazyk [Buddhism. Worldview. Language]. Tsentr «Peterburgskoe Vostokovedenie». 288 p.

6. *Milovidov V.A.* (2000). Ot semiotiki teksta k semiotike diskursa [From text semiotics to discourse semiotics]. TvGU. 94 p.

7. *Milovidov V.A.* (2011). Problema minimal'noy edinitsy perevoda v kontekste teorii diskursa [The problem of the minimal unit of translation in the context of

discourse theory]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, (2), pp. 99–105.

8. *Milovidov V.A.* (2016). Semiotika literaturno-khudozhestvennogo diskursa [Semiotics of literary and artistic discourse]. Buki Vedi. 172 p.

9. *Milovidov V.A.* (2018). Literaturno-khudozhestvennyy perevod kak instrument teorii i istorii literatury [Literary translation as a tool for the theory and history of literature]. Novyy filologicheskiy vestnik, (3(46)), pp. 243–252.

10. *Torop P.* (1995). Total'nyy perevod [Total translation]. Izdatel'stvo Tartuskogo Universiteta. 220 p.

11. *Frege G.* (2000). Logika i logicheskaya semantika : sbornik trudov [Logic and logical semantics: collected works]. Aspekt Press. 512 p.

Статья поступила в редакцию 05.02.2026. Принята к публикации 18.03.2026

The paper was submitted on 05.02.2026. Accepted for publication 18.03.2026

Сахневич Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики Института деловой карьеры (Россия)

Sakhnevich Sergey Vladimirovich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Linguistics Department at Institute of Business Career (Russia)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ / INFORMATION FOR AUTHORS

Электронный научный журнал

«Организационная психолингвистика» публикует статьи, доклады и сообщения российских и зарубежных ученых, докторантов и аспирантов, молодых специалистов. К публикации принимаются также рецензии, обзоры, информация о научных проектах и др. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

Тематика журнала в соответствии с утверждённой номенклатурой научных специальностей:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (Психологические науки)

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (Психологические науки)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (Филологические науки)

5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (Филологические науки)

5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (Психологические науки)

Рубрики журнала:

- Концептуальные вопросы организационной психолингвистики.
- Экспериментальные исследования в малых профессиональных группах, трудовых коллективах, организациях.
- Отечественная и зарубежная практика организационной психолингвистики.
- Труды начинающих учёных.
- Хроника, обзоры и рецензии.
- Организационная психолингвистика в лицах и дискуссиях.
- Из истории организационной психолингвистики.

Требования к представлению статей и рецензий

1. К публикации принимаются только статьи, ранее не публиковавшиеся.

2. Статьи и рецензии в электронном виде необходимо выслать на электронную почту **orgpsyling@yandex.ru**

3. Объем рукописи:

— статья (без аннотаций, ключевых слов и транслитерации): от 20 тыс. до 30 тыс. знаков с пробелами. В отдельных случаях допускается до 40 тыс. знаков

— рецензия 15-20 тыс. знаков с пробелами,

— доклад, сообщение, обзор до 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Пристатейные материалы (подаются на русском и английском языках): название статьи, ее аннотация, 5-6 ключевых слов (терминологических словосочетаний), способствующих индексированию статьи в поисковых системах.

Важно! Объем аннотации в соответствии с международными требованиями составляет 150-200 слов. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и указание на результаты исследования. Текст аннотации, а также ключевые слова, написанные на русском языке, должны соответствовать тексту аннотации и ключевым словам, написанным на английском языке (при безусловно возможном расхождении в количестве слов в аннотации на русском и английском языках).

5. Транслитерация всех источников из списка литературы (если это источники на русском языке) даётся латиницей.

6. Персональные сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, должность; место работы; сфера научных интересов; электронный адрес, контактный телефон. Размещаются в соответствии с Приложением 1.

5. Для подачи рецензии

— дублирование заглавия рецензии на английском языке;

— представление персональных сведений об авторе рецензии (как при представлении статьи).

6. Статьи аспирантов и докторантов принимаются только при наличии рецензии от научного руководителя, отчет из системы «Антиплагиат ВУЗ» («оригинальность текста не менее 87%») и письменного заявления.

Порядок прохождения рукописи

1. Проверка рукописи на общенаучное и техническое соответствие.

2. Анонимное рецензирование (редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения российских и/или зарубежных рецензентов).

3. В случае принятия редакционной коллегией решения о возможности публикации статьи в дистанционном режиме с автором заключается двусторонний договор (публичная оферта) на публикацию материалов в журналах.

4. После обоюдного подписания договора автору направляется уведомление, где указываются сроки публикации, а также в рабочем порядке по необходимости направляются корректуры, верстка и т.п.

Технические требования к рукописи

Файл рукописи должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

Текст статьи и рецензии: поля — с каждой стороны страницы 2 см.; шрифт Times New Roman; выравнивание «по ширине», 14 кегль, полуторный

интервал; отступ стандартный (автоматический — 1,25 см); порядковый номер страницы (начиная с 1-й) указывается внизу по центру.

Инициалы и фамилия автора статьи, а также аффилиация и электронный адрес — в начале работы, выравнивание «по правому краю» (Название организации должно быть приведено в полном виде без сокращений. Вместе с названием необходимо указать ее адрес: город и страну. Если над статьей трудились несколько авторов из разных организаций, необходимо указать и их данные. Названия учреждений должны быть соотнесены с фамилиями при помощи добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов).

Название статьи: выравнивание «по центру»; на русском языке — 14 шрифт, на английском языке — 12 шрифт.

Аннотации, ключевые слова, список литературы, транслитерация: 12 кегль, одинарный интервал.

Оформление сносок: в квадратных скобках указываются порядковый номер источника в списке литературы (источники в списке даются в алфавитном порядке; сначала на русском, а затем на других языках), далее через двоеточие — номер тома (при необходимости) и номер страницы. Например: [3, с. 108], [3: II, с. 108], [3, с. 108; 5].

Между словами всегда дается только 1 пробел, в конце абзаца никаких дополнительных пробелов быть не должно.

Выделения в тексте допустимы *курсивом* или полужирным шрифтом. Подчеркивание исключено. В файле должны содержаться все необходимые элементы статьи: изображения, таблицы, диаграммы.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

В тексте статьи и рецензии фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Сидоров, С.И. Кириллов, И.П. Александров). Между инициалом(-ами) и фамилией дается пробел (только один), а инициалы идут подряд — без пробелов. Например: И.И. Иванов, И.П. Павлов, Дж.Р. Кантору, Н. Хомский.

Изъятия и лакуны в цитатах или уточнения также требуют оформления. Например, «градация способов, [...] условий», «зона развития [в терминологии Л.С. Выготского] обусловлена».

Если какое-либо выделение в тексте (курсив, разрядка, полужирный шрифт или их комбинаторика) дано в цитате самим цитируемым автором — оно дается без комментария. Если выделение (например, курсив) дается Вами, то после завершения цитаты в круглых скобках указывается: (Курсив мой. — И.И.).

Список литературы: Источники должны быть пронумерованы и писаться с отдельной строки. Нумерация ссылок на источники в списке

литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. Допускаются только опубликованные материалы. В статье допускается не более 15 источников.

Для удобства авторов ниже приведены примеры оформления различных типов источников (порядок оформления упрощен за счет снятия дополнительной информации об авторе(ах) работы и тире между информационными группами библиографического описания).

Книга

Психология. Саратов: СГУ, 2015. 450 с.

Иванов А.А., Петров Б.Б. Психология. 2-е изд., доп. и перераб. (если у книги есть автор(ы) + если книга переиздавалась + если указан характер переиздания). М.: Наука, 2001. 330 с.

Иванов А.А. Психология: Вопросы методологии (если в названии книги есть уточнение, оно дается после двоеточия, с большой буквы). М.: Наука, 2010. 450 с.

Психология: Сб. науч. ст. М.: Наука, 2010. 450 с.

Иванов А.А. Возрастная психология / Отв. ред. В.В. Петрова, сост. Г.Г. Сидорова (если у книги есть составитель(и) и/или научный(е) редактор(ы)). М.: Наука, 2001. 200 с.

Иванов А.А. Психология. СПб.; М.: Наука, 2001. 530 с. (если книга издана не в одном городе, в качестве разделителя используется точка с запятой).

Если сочинение многотомное, указывается количество томов и (при конкретизации) номер тома:

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Тверь: ТГУ, 2001. 220 с., 530 с.

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Т. 1. СПб.; М.: Наука, 2001. 220 с.

Статья в сборнике (после знака «//» оформление книжное)

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Иванов А.А. Социальная психология. М.: Наука, 2001. С. 90-100

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Практическая психология. Калининград: КГУ, 2001. С. 90-100.

Периодические издания

Журнал

Иванов А.А. Подростковая психология // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 90-100.

Газета

Михайлов С.А. Езда по-европейски // Независимая газета. 2002. 17 июня.

Таблицы, рисунки, сокращения

Требования к таблицам: таблицы должны помещаться в текст статьи, иметь нумерованный заголовок и быть удобными для чтения. Данные таблиц должны соответствовать цифрам текста. Каждую таблицу в тексте вместе с

нумерованным заголовком следует привести дважды - в русскоязычном и англоязычном вариантах.

Рисунки: автор не должен использовать слишком много иллюстраций в работе. Каждое изображение должно быть оправдано содержанием статьи. Ссылки на рисунки в тексте обязательны. Нумерованную подпись следует указать дважды — на русском и английском языке под изображением. Рисунки обязательно даются в тексте (без обтекания текстом) и обязательно дублируются отдельными файлами в графических форматах (png, gif, tiff, jpg и др.) каждый. Имена файлов, образец: "Иванов_рис5".

Диаграммы, графики, схемы выполняются в программе Excel и присылаются отдельно от текста все в одном файле с расширением xlsx (предпочтительно) или xls; можно использовать и программу Word. Таблицы с данными включаются в файл, не следует их удалять.

Пожалуйста, не изменяйте формат, в котором изображения создавались первоначально. Например, созданная в MS Office 2007 диаграмма утрачивает часть своих свойств при сохранении в «младших» версиях пакета.

Рисунки должны иметь высокое качество и не требовать дополнительного редактирования, в том числе изменения размера (возможны искажения). Рисунки, особенно несложные, не следует делать слишком большими, они должны быть соразмерны тексту. Не перегружайте рисунки многочисленными надписями, комментариями – лучше использовать примечания.

Диаграммы, графики, схемы могут быть цветными, но при условии, что в черно-белом варианте (например, при печати) не происходит утраты информации и все элементы рисунка остаются хорошо отличимыми. Рекомендуются ахроматичные оттенки серого или сине-голубая гамма MS Office 2007 (синий, акцент 1).

Все виды изображений именуется рисунками. Подпись дается под рисунком, в конце подписи – точка; затем идут примечания.

Рис. 1. Название рисунка [в конце стоит точка].

Сокращения: все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам.

Образцы оформления полного текста статьи см. в Приложении 1.

Контакты

Необходимо указать полные контакты всех авторов.

В контактной информации должны быть указаны:

- ученая степень и звание, должность и полное наименование организации.

- почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты, номер рабочего телефона (с кодом города), номер мобильного телефона (исключительно для личной связи)

- идентификатор ORCID (подробнее здесь: <http://orcid.org/>), eLibrary SPIN-код (подробнее: http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp)

Дополнительная информация Информация о конфликте интересов.

Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. В их числе: финансовые отношения с третьими лицами и интерес сторонних людей к продвижению научной работы.

- 1) Необходимо указать источники финансирования научной работы
- 2) Допускаются благодарности авторов лицам и организациям, оказавшим помощь в работе над статьей.
- 3) Допускается конкретизация работы и вклада всех авторов в подготовленный текст (дизайнеров, аналитиков).

Сопроводительные документы

Вместе с оформленным оригиналом статьи в редакцию должно быть предоставлено сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем со всеми подписями авторов)

ВНИМАНИЕ! Обязательные правила при подготовке статьи!

Авторы обязаны согласиться со всеми нижеприведенными пунктами, иначе рукопись может быть возвращена!

- Статья не должна быть опубликована в других источниках. Ни частично, ни полностью. Текст не должен также быть на рассмотрении на публикацию в других изданиях. Если текст ранее предоставлялся на публикацию, автор обязан уведомить об этом редакцию.
- Оформление по правилам редакции: автор обязан оформить текст по приведенным правилам редакции.
- Наличие всех сопроводительных документов

Приложение 1

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 37.042.2

Мыскин С.В.

док. филол. наук, канд. психол. наук, доц.,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
myskinsv@yandex.ru

Харламова С.Г.

канд. психол. наук, заместитель директора,
Институт среднего профессионального образования им. К.Д.
Ушинского,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129626, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
kharlamovasg@mgpu.ru

**СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФОРИЕНТАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
АДАПТАЦИИ ЛИЦ С ВЫРАЖЕННЫМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКИМИ
НАРУШЕНИЯМИ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена проблемам профориентации и профессиональной адаптации инвалидов с психофизическими нарушениями психики в условиях образовательной организации. Авторы проводят анализ зарубежного и отечественного опыта профориентации и профадаптации инвалидов для выявления наиболее эффективных форм организации данных процессов. /.../

Ключевые слова: образовательная организация, профориентация, профессиональная адаптация, инвалиды с психофизическими нарушениями, терапевтическая среда.

Myskin S.V., Kharlamova S.G.

**SPECIFICITY OF THE ORGANIZATION OF VOCATIONAL GUIDANCE AND
PROFESSIONAL ADAPTATION OF PERSONS WITH SEVERE PSYCHOPHYSICAL
DISORDERS IN THE CONDITIONS OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATION**

The article is devoted to problems of vocational guidance and professional adaptation of disabled people with psychophysical disorders of the psyche in conditions of educational

organization. The authors analyze the foreign and domestic experience of vocational guidance and professional adaptation of disabled people to identify the most effective forms of organizing these processes. /.../

Keywords: Educational organization, vocational guidance, professional adaptation, disabled people with psychophysical disorders, therapeutic environment.

В настоящее время в столичных вузах и средних профессиональных образовательных учреждениях существует практика организации обучения инвалидов. Как показал пилотный анализ, по окончании профессионального обучения выпускники-инвалиды испытывают острую потребность в трудоустройстве. Основным препятствием здесь выступают опасения и нежелание работодателей принимать на работу молодого человека с психиатрическим диагнозом [1, с. 11; 13]. Такое положение дел негативным образом сказывается не только на процессе профессиональной адаптации самого инвалида, но и на членах его семьи.

Родители в связи с уходом за ребенком-инвалидом вынуждены отказываться от собственной работы, что неминуемо влечет финансовые проблемы. Кроме того, социальное отторжение вынуждает семьи скрывать от окружающих факт болезни ребенка-инвалида, что приводит к/.../

Литература

1. Мыскин С.В., Пашин Н.П., Калмыков С.Б. Актуальные тенденции модернизации кадровой политики организаций в рамках содействия занятости инвалидов // Социальная политика и социальное партнерство. 2014. № 11. С. 11-16.

References

1. Myskin S.V., Pashin N.P., Kalmykov S.B. (2014) Aktual'nye tendentsii modernizatsii kadrovoy politiki organizatsii v ramkakh sodeistviya zanyatosti invalidov [Actual tendencies of modernization of personnel policy of the organizations within assistance of employment of disabled people]. Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo [Social policy and social partnership], 11, pp. 11

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации в
Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.**

Издательство

ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий».

Тираж 500 экз.

115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24. Тел.: 8 (926) 384-02-69.

www.psycholinguistic.ru